

Programme Pouchkine

Издание осуществлено в рамках программы содействия издательскому делу «Пушкин» при поддержке Посольства Франции в России и Французского института /министерства Иностранных и европейских дел Франции

Cet ouvrage, publié dans le cadre du Programme d'aide à la publication Pouchkine, a bénéficié du soutien de l'Ambassade de France en Russie et de l'Institut français/ministère français des Affaires étrangères et européennes

J.-D. Nasio

**Cinq leçons sur la théorie
de Jacques Lacan**

Petite Bibliothèque Payot

Хуан-Давид
НАЗИО

*Пять уроков по теории
Жака Лакана*

Институт общегуманистических
исследований
Москва
2014

УДК 615.8

ББК 53.57

Ф 13

Хуан-Давид Назио

Пять уроков по теории Жака Лакана — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2014 — 176 с.

Перевод с французского Инна Кушнарёва

ISBN 978-5-88230-362-3

© Éditions Payot & Rivages pour la présente édition, 2001

© Институт общегуманитарных исследований, 2014

Последующие страницы никоим образом не нацелены ни на то, чтобы исчерпать тему, ни на то, чтобы сказать всю правду о творчестве Лакана. Эти уроки выявляют то, что мне представляется двумя главными опорами теории Жака Лакана, бессознательное и наслаждение, а также понятия, которые из них вытекают — понятия означающего, субъекта бессознательного и объекта *a*. Мне пришлось отказаться от рассмотрения многих аспектов этого творчества и сосредоточиться только на тех понятиях, которые, по моему мнению, лучше всего раскрывают имплицитную логику мысли Лакана. Таким образом, Лакан, которого я представляю на этих страницах, — это в некоторой степени «мой» Лакан. Точно так же образ Лакана, отраженный в этой книге, — не образ человека, его текстов или стиля, но образ логики, основной схемы его мысли, которая служит мне ориентиром в моей собственной работе с пациентами.

Главное, чему я научился у Лакана, — это свобода обращения с автором, вплоть до его полного переосмыслиния.

Я хотел бы выразить свою благодарность Ане Бедуэль за то, что она перевела с испанского первый набросок этого текста.

Урок 1

Две главные концепции: бессознательное и наслаждение

Урок 2

Бессознательное

Урок 3

Концепция объекта a

Урок 4

Фантазия

Урок 5

Тело

Выступление

Концепция Субъекта бессознательного

Урок 1. Две основные концепции: бессознательное и наслаждение

Симптом

Знак и означающее

Бессознательное и повторение

Что такое наслаждение?

Фаллическое наслаждение,

прибавочное наслаждение и наслаждение Другого

Удовольствие

*Триада
симптом,
бессозна-
тельное и
наслажде-
ние*

Я решил представить вам два фундаментальных принципа теории Жака Лакана, один, относящийся к бессознательному, второй — к наслаждению. Первый принцип звучит так: «Бессознательное структурировано как язык»; второй: «Сексуальных отношений не существует». Я бы сказал, что на эти два принципа опирается вся теоретическая конструкция психоанализа, что это предпосылки, из которых все вытекает, к которым все возвращается и которые служат основанием для этики психоанализа. По сути дела, если психоаналитик признает эти положения и доверяет их своей практикой, его манера выслушивать своих пациентов от этого особым образом меняется. В качестве ориентира я буду использовать одно понятие, понятие *симптома*, которое приведет нас сначала к принципу, относящемуся к бессознательному, а затем к принципу, относящемуся к наслаждению. Таким образом, признаем пока, что существует триада — симптом, бессознательное и наслаждение, и сразу же зададим вопрос: чем для нас является симптом?

Симптом, строго говоря, — это событие в анализе, одна из форм, в которых предстает опыт. Не все явления психоаналитического опыта — это симптомы, но любой симптом, проявившийся в ходе лечения, образует психоаналитический опыт. Опыт — это точечный феномен, особым образом выделенный момент, который отмечает и становится вехой

на пути анализа. Опыт — это серия моментов, ожидаемых психоаналитиком, моментов мимолетных, а в еще большей степени идеальных, таких же идеальных, как точки в геометрии. И тем не менее, этот опыт — не только абстрактная геометрическая точка; у него есть также эмпирическая, я бы даже сказал, чувственная сторона, сторона, воспринимаемая чувствами, которая предстает, как *тот миг, когда пациент говорит и сам не знает, что говорит*. Это момент бормотания, когда пациент заикается, момент, когда он сомневается и ему не хватает слов. Говорят, что психоаналитики-лаканисты интересуются языком, и их по ошибке уподобляют лингвистам. По ошибке, потому что психоаналитики — не лингвисты. Конечно, психоаналитиков интересует язык, но их интересует только предел, в который язык упирается. Мы внимательно отслеживаем те моменты, когда язык капитулирует и речь выходит из-под контроля. Возьмем, например, сновидение: мы придаем больше значения тому, как обо сне рассказывают, чем собственно самому сну; и даже не той матери, в которой о нем рассказывают, сколько тому моменту в рассказе, когда пациент останавливается и говорит: «Не знаю... я не помню... может быть... вероятно...». Именно этот момент мы называем *опытом, ощутимой стороной опыта*: бормотание, сомнение, ускользающее от нас слово.

Это что касается эмпирической стороны. А теперь обратимся к абстрактной стороне аналитического опыта и завершим наше определение. Я сказал, что опыт образует предельную точку речи, момент, когда речь терпит поражение. Но теперь я добавлю: там, где терпит поражение речь, появляется *наслаждение*. Мы сейчас осуществили перемену, перешли в радикальной иной регистр. Мы покидаем эмпирический порядок чувственного, чтобы перейти к теоретическим разработкам. Психоаналитическая теория постулирует, что в тот момент, когда пациента обгоняет его собственная речь, возникает наслаждение. Почему? Что такое наслаждение? Отложим на время этот вопрос до тех пор, пока не подступимся ко второму принципу — принципу несуществования сексуальных отношений. Поработаем пока над концепцией симптома и проследуем за первым принципом, который, как

мы увидим, утверждает, что бессознательное — это знание, структурированное как язык.

Снова зададим себе вопрос: что такое симптом? Мы все знаем, что симптом — это нарушение, от которого страдают и которое отсылает к болезненному состоянию, захватывающему нас извне и интерpellирующему. Заболевание, которое мы описываем особыми словами и неожиданными метафорами. Но каково бы ни было страдание или особое слово для его выражения, симптом — это, прежде всего, непроизвольное действие, произведенное вне всякой интенциональности и какого-либо сознательного знания. Это действие, отсылающее не столько к больному состоянию, сколько к процессу, называемому бессознательным. Симптом для нас — манифестация бессознательного.

Рис. 1. Триада симптом, знание и наслаждение

Три характеристики симптома

Симптом охватывает три характеристики (рис. 1). Первая — та манера, в которой пациент говорит о своих страданиях, неожиданные детали в его рассказе и, в особенности, невольно вырвавшиеся слова. Я, например, имею в виду пациента, который, рассказывая мне о тревоге, которую испытывает при переходе моста, говорил: «Мне очень тяжело

туда идти, у меня не получается, если только меня сопровождают... Порой я мог перейти через него в одиночку, когда видел на другом конце моста силуэт агента или сторожа в форме...». В этом случае меня больше интересует деталь с человеком в форме, чем сама фобическая тревога.

Вторая характеристика симптома — теория, сформулированная пациентом для того, чтобы понять свое заболевание, потому что в анализе не бывает так, чтобы не задавались вопросом о причине своих страданий. Подобно тому, как Фрейд выявлял у детей теорию детской сексуальности, мы констатируем тот факт, что пациент тоже конструирует совершенно личную, кармическую теорию в попытке объяснить свои страдания. Симптом — это болезненное событие, которое всегда сопровождает интерпретация пациентом причин своего несчастья. Итак, это фундаментально важный пункт. Настолько важный, что, если во время анализа, в ходе предварительных интервью, например, его собственные вопросы не задели субъекта за живое, если он не имеет представления о причине своих страданий, психоаналитик обязан пробудить в нем «теорию», подтолкнув пациента задаться вопросами о самом себе. Но по мере того, как в ходе анализа пациент интерпретирует и объясняет для себя причины своих страданий, возникает ключевой феномен: аналитик постепенно и незаметно становится адресатом его симптома. Чем больше я нахожу объяснений для моего симптома, тем больше тот, кто меня слушает, становится Другим моего симптома. Здесь мы имеем третью характеристику симптома: симптом требует и предполагает присутствие психоаналитика.

Психоаналитик является частью моего симптома

Поменяем терминологию и сформулируем иначе: главная характеристика симптома в психоанализе заключается в том, что психоаналитик является его частью. Когда лечение уже идет полным ходом, симптом настолько связан с присутствием психоаналитика, что одно напоминает о другом: когда я страдаю, я вспоминаю о психоаналитике, а когда я о нем думаю, мне вспоминаются мои страдания. То есть психоаналитик является частью симптома. Это третья черта симптома, которая открывает возможность для того, что мы

*Психоаналитик —
это Другой симптома*

называем аналитическим переносом и что отличает психоанализ от всех других видов психотерапии. Собственно, если вы у меня спросите, что такое перенос в психоанализе, один из возможных ответов: это особый момент аналитических отношений, когда аналитик становится частью симптома пациента. Это то, что Лакан называет «субъектом, предположительно знающим». Выражение «субъект, предположительно знающий» означает не только, что пациент считает, что аналитик обладает неким знанием о нем. Дело не в том, что пациент предполагает, что аналитик знает, но в том, что он предполагает, что аналитик находится у истоков его страданий или любого неожиданного события. Когда я страдаю, а в особенности перед лицом события, заставшего меня врасплох, я вспоминаю об аналитике, причем до такой степени, что не могу не спросить себя, не является ли он одной из причин страдания или события. Например в ходе анализа такой пациент заявляет: «С тех пор, как я начал сюда ходить, у меня сложилось впечатление, что все, что со мною происходит, связано с нашей с вами работой». Беременная женщина скажет вам: «Я забеременела, но уверена, что моя беременность напрямую связана с анализом». Но что это значит — «напрямую связана с анализом?». То, что с определенной точки зрения аналитик будет духовным отцом ребенка, причиной события. Таким образом, то, что аналитик является частью симптома, означает, что он замещает причину симптома. Точно также выражение «субъект, предположительно знающий» означает, что аналитик сначала занимает место *адресата* симптома, а затем, становится и его *причиной*.

Для врача, который должен направлять лечение, крайне важно понимать, как по ходу сеансов этот феномен предположения приводит к включению психоаналитика в симптом. Так, я вспоминаю о психоаналитике, который в ходе проверки рассказывал мне о трудностях с пациентом, который уже два года был у него в анализе и, по-видимому, страдал от невроза навязчивости. Я ответил ему следующее: «Если после двух лет анализа, вы считаете, что у вашего пациента невроз навязчивости, скажите себе, слушая его, что симптом его невроза включает в себя вас. Да, попробуйте слушать пациен-

та, говоря себе, что вы являетесь частью навязчивости, от которой страдает пациент». Отметим, что именно в этом качестве активного слушания заключается главное различие между психиатрической диагностикой и психоаналитическим выявлением невроза. Когда аналитик диагностирует у своего пациента невроз, он знает, что является частью диагностируемого симптома. То есть феномен предположения сопровождает любое событие в анализе. Точно так же нет болезненного события, которое не «интерпретировалось» бы пациентом, чьи слова, страдания и верования постепенно охватывают личность врача.

*

Симптом — это знак

На самом деле, на характеристику симптома можно взглянуть с другой точки зрения, различив две его стороны: сторону знака и сторону означающего. Сторона знака тесно связана с феноменом предположения, о котором мы только что говорили: происходит болезненное и неожиданное событие, пациент его объясняет и тут же ставит аналитика в положение Другого этого симптома и его причины. Это определение знака, предложенное Лаканом: знак — нечто, представляющее что-то для кого-то. В действительности, речь об определении, данном американским логиком Чарльзом Сандерсом Пирсом¹. Такой-то симптом представляет нечто для того, кто страдает, а иногда для того, кто слушает. Например, беременность для этой молодой женщины — плод аналитической работы, а для врача — один из терапевтических эффектов лечения. Это сторона знака в симптоме. Она образует фактор, благоприятствующий установке и развитию переноса.

Обратимся теперь к стороне означающего в симптоме. Из двух сторон эта наиболее важна для нас, потому что позволяет понять, в чем заключается структура бессознательного. Сторона означающего говорит нам: это страдание, которое

1 «Знак, или *representamen*, — что-то, что занимает для кого-то место чего-то еще в каком-то отношении или при каком-то условии. Он адресуется кому-то, то есть создает в разуме этого человека эквивалентный знак или, возможно, более развитый знак» (Ch.S. Peirce, *Écrits sur le signe*, Seuil, 1978, p. 121).

Что такое
означаю-
щее?

меня охватило помимо моей воли, — Одно событие из многих событий, которые с ним тесно связаны, событие, в отличие от знака, не имеющее смысла. Но что такое означающее событие и, говоря шире, что такое означающее?

Означающее — это формальная и не дискрептивная категория. Неважно, что оно обозначает; например, мы выбрали фигуру симптома, но означающее точно так же может быть оговоркой, сновидением, рассказом о сновидении, деталью рассказа, самим жестом, звуком, даже молчанием или интерпретацией психоаналитика. Все эти проявления могут по праву считаться означивающими событиями при условии, что выполняются три нелингвистических критерия, хотя термин «означающее» и происходит из лингвистики:

- Означающее — это всегда непроизвольное выражение говорящего. Какой-то жест может стать означающим, только будучи неловким или непредвиденным, произведенным вне рамок какой-либо интенциональности и сознательного знания.
- Означающее лишено смысла, оно ничего не означает и поэтому не является частью альтернативы между объяснимым и необъяснимым. Симптом в качестве означивающего события не требует ни предположения пациента, ни толкования психоаналитика. Одним словом, он есть и все.

Означающее есть, да, при условии, что оно остается прикрепленным к группе других означающих: оно Одно из многих, с которыми оно соединяется. Если Одно означающее воспринимается и пациентом, и аналитиком, остальные означающие, с которыми оно соединено, не воспринимаются. Это виртуальные означающие, актуализированные когда-то давно или еще вообще не актуализированные. Соединение между Одним и другими столько жесткое, что, думая об означающем, никогда не следует воображать его отдельно от других. Лакановский афоризм хорошо резюмирует это отношение: означающие является означающим только для других означающих². Цель этой формальной формулировки —

2 Этот афоризм будет неполным, если не включить третий термин: субъект. Означающее представляет субъекта для других означающих. Скажем только, что не следует путать этого субъ-

практическая: означающее не является означающим ни для пациента, ни для аналитика, но лишь для других означающих. Это собственно означает, что, как только появляется означающее, оно зовет за собой другие означающие, оставшиеся в прошлом, и предвещает неотвратимое появление будущих означающих. Я, например, могу удивиться симптуму, который выходит за рамки моих намерений подобно «высказыванию», которое я делаю, сам того не зная, кроме того, я могу переносить его как болезненное событие, может быть даже так, что буду его интерпретировать, обдумывать, придавать смысл, и при этом, вопреки моим предположениям, через три дня, через год он может воспроизвести себя сходным образом или в форме другого события, внезапного и неуправляемого. Вот тогда я и задаю себе вопрос: «Как это может быть? Что во мне есть такого, из-за чего этот симптом неодолимо возвращается и безжалостно повторяется?» Здесь мы оказываемся перед проблемой повторения, к которой будем часто возвращаться, особенно на втором уроке. Пока повторим главную идею: одно дело конкретная и индивидуальная реальность симптома — фобия, связанная с мостами, например, другое дело статус означающего у этого симптома — та же самая фобия, но на этот раз рассматриваемая с точки зрения трех критериев, определяющих означающее. С точки зрения их индивидуальной реальности, все симптомы разные и никогда не повторяются в идентичной форме. Тогда как с точки зрения их формальной и означивающей ценности, наоборот, все симптомы идентичны, поскольку они все появляются один за другим вместо Одного. Итак, вот основная идея, лежащая в центре лакановской концепции повторения: все события, занимающие место Одного, в формальном плане повторяются в идентичной форме, каковы бы ни были различия в их материальной реальности. Мы к этому еще вернемся.

екта с индивидом, но следует отождествлять его с абстрактной идеей субъекта аналитического опыта. Лакановская концепция субъекта бессознательного рассматривается в выступлении в конце книги.

Мы видим, что сторона означающего у симптома — факт того, что это невольное событие, лишенное смысла и готовое повториться. Короче говоря, симптом — это означающее, если мы будем считать его событием, причиной, смыслом и повторением которого я не управляю.

Лакан обозначает означающее событие как S1. Число 1 отмечает, что это уникальное событие — симптом всегда относится к порядку *Одного* — а буква S обозначает означающее (*signifiant*). Тогда рассмотрение симптома как имеющего сторону означающего указывает на то, что он — *Один*, что этот *Один* застает врасплох и проникает в пациента незаметно для него, а затем повторяется; то есть, что будет еще один *Один*, потом еще один и т. д.

Но утверждение о том, что симптом — это означающее, подчеркивает не только то, что он — *Один*, что он сам в нас проникает и ускользает от нас, чтобы потом повториться, но особенно то, что он появляется в самый нужный момент для того, чтобы задать нам вопрос. Симптом в качестве означающего — это не страдание, которое мы переносим, так сказать, пассивно. Нет, это вопрошающее и даже релевантное страдание. Релевантное в качестве сообщения, рассказывающее нам о неизвестных фактах нашей истории, о том, чего мы до сих пор не знали. Еще одним примером означающего могла бы быть острота: острота, рассматриваемая в качестве спонтанной реплики, которая случайно сорвалась с языка, но оказалась настолько к месту и такой точной, что все смеются. Симптом то же может иметь это достоинство. Он может появиться в жизни субъекта в столь подходящий момент, что, даже будучи крайне болезненным, выступит как фрагмент, которого не хватало и который, если поставить его на его место в головоломке, представит нашу жизнь в совершенно ином свете, хотя и не завершит саму головоломку.

Значение симптома как означающего собственно и заключается в том, что он проявляется в нужный момент, как незаменимый элемент, который ставит перед пациентом и часто перед аналитиком новый вопрос, точнее, адекватный вопрос, открывающий доступ к бессознательному как знанию: «Но как это возможно, что этот симптом снова появ-

*Симптом
— это
вопроша-
ющее стра-
дание*

Кто бы мог подумать?

ляется в такой удачный момент, что, хотя я и страдаю, он освещает мою жизнь новым светом? Какова та комбинация, которая помимо моей воли организует повторение моих симптомов и делает так, чтобы один из них появился как раз вовремя, чтобы я смог понять, что мое несчастье происходит только от моего желания?» Этот вопрос сильно отличается от того, которыйставил проблему причины симптома и учреждал субъекта, предположительно знающего. Здесь субъект не задает вопрос симпту как знаку, его занимает не «почему», а «как». Как организуется последовательность событий его жизни? Каков этот порядок повторений? Это адекватные вопросы, потому что они ведут к гипотезе бессознательного как структуры. Чтобы высказаться яснее, я хотел бы вернуться к различию знак/означающее.

Давайте примем следующее. Рассматривать страдание, вызываемое симптомом, с точки зрения причины — значит делать из него знак; тогда как поймать себя на том, что страдание возникло в столь подходящий момент, как если бы оно было вызвано неким неизвестным мне знанием, — значит признавать его в качестве означающего. Повторим вопрос удивленного пациента, вопрос, который открывает путь к бессознательному: «Кто бы мог подумать?... Кто бы мог подумать, что смешное слово или же этот симптом, который мне что-то прояснил, возникнет в тот самый момент, когда я могу его наконец понять?». Аналитическая теория отвечает на него следующим образом: «Тот, кто смог специально поместить симптом или остроту так, чтобы застать врасплох или дать понять, — не субъект, а бессознательное знание». Да, бессознательное — это, по сути дела, порядок знания, который субъект несет в себе, но который ему неведом. Но бессознательное — не только знание, заставляющее субъекта произносить нужное слово в нужный момент (при том, что он сам не знает, что говорит), это также знание, которое вынуждает к повторению того же самого слова позднее и в другом месте. Говоря обобщенно, бессознательное — это знание, не только потому что оно знает, как вставить такое-то слово в такой-то момент, но и потому что оно обеспечивает собственно повторение. Выразим это в следу-

Бессознательное знание

ющей формулировке: бессознательное — это знание повторения.

Но что такое повторение? Вспомним его основную идею. То, что одно означающее повторяется в точности, как другое означающее, означает, что всегда есть событие, занимающее формальную клетку *Одного*, тогда как другие события, отсутствующие и виртуальные, ждут, чтобы потом тоже ее занять. Мы, я настаиваю, находимся в присутствии двух инстанций: первая инстанция — это *Одно*, соответствующее реально произошедшему событию, вторая — инстанция всех событий, прошедших и будущих, которые занимали или займут клетку *Одного*. Мысль, что бессознательное — это знание повторения, означает, что это не только знание, которое умеет вставить нужное слово в нужный момент, но которое также заставляет двигаться хоровод прошлых или будущих элементов, которые когда-то занимали или должны будут занять клетку *Одного*, то есть место манифестируенного означающего. Бессознательное — это движение, которое обеспечивает повторение, или, скорее, обеспечивает, чтобы место *Одного* снова и снова оказывалось занятым. Короче говоря, что мы хотим объяснить этим формалистским взглядом на динамику бессознательного знания? Что бессознательное — это постоянно активный процесс, который непрестанно экстериоризируется через действия, события и слова, объединенные условиями, определяющими означающее, а именно: произвольность, уместность, отсутствие смысла и повторяемость в качестве события, находящегося в связи с другими событиями, отирующими и виртуальными.

*

Но здесь я должен сделать важное уточнение, чтобы лучше обрисовать место бессознательного влечения. Представим себе, что я сейчас демонстрирую симптом в форме срывающегося у меня с языка слова. Несомненно, первоначально этот симптом появляется во мне, но в следующий раз он может повториться не только во мне, но и где-нибудь еще, в речи другого субъекта, с которым я нахожусь в от-

Бессознательное — это хоровод означающих, которые...

... связывают аналитика и пациента

ношениях переноса. Таким образом, означающее повторяет-
ся, занимая клетку *Одного*, эту клетку, которая может быть
у одного или у другого человека, не важно. Означающее от-
скакивает от одного субъекта к другому таким образом, что
повторяющаяся последовательность, цепочка означающих,
я хочу сказать упорядоченный хоровод элементов, которые
уже повторялись или еще повторятся, сама эта процесия,
эта структура не принадлежит никому. Нет структуры са-
мой по себе и нет бессознательного самого по себе. Возьмем
пример интерпретации, предложенной психоаналитиком.
Вероятно, самый важный момент лечения — тот, когда ана-
литик дает свою интерпретацию. Но что такое интерпрета-
ция в строгом смысле слова, как не выражение бессознатель-
ного аналитика, а не его знания? Здесь я хочу подчеркнуть,
что, если мы применим тезис о повторении означающего —
рикошетом отскакивающего от одного субъекта к другому,
чтобы понять, как у терапевта появляется интерпретация,
мы должны изменить нашу формулировку. Вместо того,
чтобы заявлять: «Интерпретация выражает бессознатель-
ное психоаналитика», мы должны поправить себя и сказать:
«Сегодня интерпретация выражает в высказывании анали-
тика симптом, проявившийся вчера в высказывании паци-
ента». Или же: «Интерпретация, сформулированная ана-
литиком, актуализирует бессознательное аналитика». Или
даже лучше: «Интерпретация активизирует бессознатель-
ное анализа.» При этом не будем забывать, что эти следую-
щие друг за другом появление, исчезновение и возвраще-
ние одного и того же означающего элемента в разное время,
в разных местах и у разных субъектов — процесс, который
начинается только при условии прочно установившихся от-
ношений переноса.

*

Вот в общих чертах аргумент, на котором основывается
первый принцип, определяющий бессознательное как зна-
ние, имеющее структуру языка, и следствие, которое из это-
го следует.

Бессознательное — это ткань, которую ткет работа означающих повторений, точнее, бессознательное — это виртуальная цепь событий или «высказываний» (dires), которое умеет актуализироваться в своеевременно «сказанном» (dit), которое субъект говорит, сам не зная того, что говорит.

Это «сказанное», которое субъект излагает, сам того не зная, и которое актуализирует бессознательную цепочку высказываний, может с равной вероятностью всплыть в речи как одного, так и другого партнера по анализу. Когда «сказанное» возникает у пациента, мы, помимо прочего, называем это симптомом, оговоркой или остротой, а когда оно возникает у психоаналитика, мы, помимо прочего, называем его интерпретацией. Вы видите, что бессознательное соединяет и связывает людей. Таков, по моему мнению, один из фундаментальных лакановских тезисов. Бессознательное — это язык, который соединяет партнеров по анализу: язык соединяет, а тело разъединяет, бессознательное связывает, а наслаждение отстраняет. Мы еще вернемся к проблеме тела и наслаждения, но тезис о структурированном бессознательном теперь позволяет нам вывести важнейшее следствие для работы с нашими пациентами. Если бессознательное — это структура повторяющихся означающих, которые актуализируются в «сказанном» одним или другим субъектом анализа, отсюда следует, что бессознательное не может быть индивидуальным, закрепленным за каждым, и что, как следствие, мы не можем приписать отдельное бессознательное анализу и отдельное бессознательное пациенту. Бессознательное не индивидуально и не коллективно, но производится в промежутке (*l'entre-deux*), как уникальная сущность, проходящая и охватывающая и одного, и другого участника анализа.

*

Мы, таким образом, пришли к основанию первого фундаментального принципа: «Бессознательное структурировано как язык». После наших рассуждений мы могли бы снова обратиться к этой формулировке и теперь предложить ее в следующем виде: «Бессознательное — это знание, структуриро-

Бессознательное в промежутке

ванное как язык», или даже еще проще: «структурированное знание». Когда Лакан впервые произнес свою формулировку, он понимал бессознательную цепочку высказываний в лингвистических категориях метафоры и метонимии. Затем, чтобы установить более строгие законы, управляющие языковой структурой бессознательного, Лакан обратился к концептуальному аппарату формальной логики. Конечно, нам во время этих уроков еще представится возможность вернуться к функционированию структуры бессознательного. Пока остановимся на этом и запомним исходную формулировку первого принципа: бессознательная цепочка высказываний структурирована как язык, или же: «Бессознательное — это знание, структурированное как язык».

Второй фундаментальный принцип касается наслаждения и звучит так: «Сексуальных отношений не существует». Итак, чтобы понять лакановскую концепцию наслаждения и заложить основу для второго принципа, мы должны снова обратиться к нашей путеводной нити, симпту, и вернуться на путь, проложенный Фрейдом.

Вспомним, что для того, чтобы обосновать первый принцип бессознательного, мы охарактеризовали симптом с точки зрения его эмпирической стороны, связанной с несостыковкой в рассказе, с точки зрения его статуса знака, который побуждает пациента и даже аналитика строить предположения, и наконец, и его статуса означающего, которое застает врача врасплох, напрашивается само собой и возвращается вне какой бы то ни было интенциональности. Тем не менее, мы еще ничего не сказали о самом очевидном аспекте симптома, наиболее очевидным для того, кто страдает, то есть о самом факте страданий, болезненном чувстве, вызванном психическим расстройством. Симптомы по сути являются болезненными проявлениями внешне бесполезных действий, которые совершают с чувством глубокого отвращения.

Но если для меня симптом означает, главным образом, претерпевание означающего, то для бессознательного, наоборот, он означает наслаждение удовлетворением. Да, на-

*Симптом
— одновременно и
боль, и облегчение*

слаждение удовлетворением, поскольку симптом как боль, так и облегчение, страдание для меня, но облегчение для бессознательного. Но почему облегчение? Как можно утверждать, что симптом успокаивает и освобождает? От какого гнета он нас освобождает? Вот этот освобождающий и успокаивающий эффект симптома мы и считаем одной из основных форм наслаждения.

Между тем, остановимся на мгновение и зададим себе более общий вопрос: что такое наслаждение и каковы его формы? Теория наслаждения, предложенная Лаканом, — сложная конструкция, различающая три модуса наслаждения. На этих уроках мы нередко будем иметь возможность заняться проблемой наслаждения, но я хотел бы сейчас сказать вам самое главное. Прежде всего, позвольте сделать терминологическое уточнение. Несомненно, слово «наслаждение» тут же вызывает у нас мысль о сладострастии. Но как это часто бывает, слово из аналитического словаря оказывается настолько маркированным своим обычным смыслом, что работа теоретика заключается в том, чтобы отделить аналитическое понятие от обычного. Именно такую работу мы и должны здесь проделать со словом «наслаждение», четко отделив его от идеи оргазма. Таким образом, всякий раз, когда вы слышите от меня слово «наслаждаться» или «наслаждение», я прошу вас забывать о его отсылке к оргазмическому удовольствию.

*

После этого уточнения вернемся к самой концепции наслаждения. Чтобы рассказать о лакановской теории наслаждения, я должен прежде всего напомнить фрейдовский тезис о психической энергии, как я его интерпретирую. Прежде всего постулируем посылку. Согласно Фрейду, человек охвачен постоянным и неосуществимым стремлением достичь невозможной цели, абсолютного счастья, которое рядится в разные одежды, одна из которых гипотетическое абсолютное сексуальное удовольствие, испытываемое от инцеста. Это стремление, которое называется желанием, этот порыв, рождающийся в эрогенных зонах тела, порождает болез-

ненное состояние психического напряжения — напряжение еще больше обостренно от того, что порыв желания сталкивается с барьером вытеснения. Чем сильнее вытеснение, тем больше напряжение. Перед стеной вытеснения напор желания вынужден одновременно пойти по двум противоположным путям: пути разрядки, посредством которой энергия высвобождается и рассеивается, и пути сдерживания, на котором энергия сохраняется и накапливается в качестве остаточной энергии. Таким образом, одна часть преодолевает вытеснение и разряжается вовне в форметраты энергии, сопровождающей каждое из проявлений бессознательного (сновидение, оговорку или симптом). Именно эта неполная разрядка дает облегчение, о котором мы говорили в случае симптома. Другая часть, которой не удается преодолеть плотину вытеснения и которая удерживается внутри психической системы, — это избыток энергии, который в свою очередь приводит к перевозбуждению эрогенных зон и постоянно повышает уровень внутреннего напряжения. Сказать, что этот избыток энергии постоянно поддерживает высокий уровень напряжения, — значит сказать, что эрогенная зона, источник желания, находится в постоянном состоянии возбуждения. Можно также представить себе третий исход для психической энергии, третью возможность, абсолютно гипотетическую и идеальную, поскольку она никогда не реализуется желанием, а именно полную разрядку энергии. Разрядка, производимая без помех со стороны вытеснения, или какого-то другого ограничения. Последний исход остается столь же гипотетическим, как и абсолютноеексуальное удовольствие, нельзя никогда получить, о котором говорил Фрейд.

Три состояния наслаждения

Фаллическое наслаждение

Ну что же, я предлагаю вам следующую аналогию, которую мы откорректируем позднее: психическая энергия, с этими ее тремя судьбами, по-моему, соответствует тому, что Лакан обозначает термином наслаждение, с тремя характерными состояниями: *фаллическое наслаждение, прибавочное наслаждение и наслаждение Другого*. *Фаллическое наслаждение* соответствовало бы энергии, рассеиваемой за счет частичной разрядки, эффектом которой становится

относительное облегчение, неполное облегчение бессознательного напряжения. Эта категория наслаждения называется фаллической, поскольку ограничение, открывающее и закрывающее доступ к разрядке, — это фаллос; Фрейд бы сказал, вытеснение. В сущности, фаллос функционирует как шлюз, регулирующий ту часть наслаждения, которая выходит (переживает разрядку), и ту, которая остается в системе бессознательного (остаточный избыток). Я не могу здесь распространяться о причине, которая заставила Лакана концептуализировать фаллос как заслон для наслаждения. Я объясню это позднее и попрошу вас только запомнить, что самое главное в фаллической функции состоит в том, чтобы выпускать или не выпускать наслаждение наружу. Наружу куда? В пространство неожиданных событий, слов, фантазий и всей совокупности внешних продуктов бессознательного, к которым относится и симптом.

Прибавочное наслаждение

Другая категория, *прибавочное наслаждение* (*plus-de-jouir*), соответствует наслаждению, которое в свою очередь удерживается внутри психической системы и которому фаллос мешает выйти. Прилагательное «прибавочное» указывает на то, что часть энергии, которая не прошла разрядку, остаточное наслаждение — это избыток, постоянно увеличивающий интенсивность внутреннего напряжения. Заметим также, что остаточное наслаждение, о котором мы говорим, остается глубоко связанным с эрогенными зонами и отверстиями тела — ртом, анусом, вагиной, венечной бороздой и т. д. Напор желания рождается именно в этих зонах и в свою очередь прибавочное наслаждение непрерывно стимулирует эти зоны и поддерживает их в постоянном состоянии эрогенности. Мы будем часто возвращаться к этой категории прибавочного наслаждения, когда будем изучать лакановскую концепцию объекта *a* и его место в отношениях пациента и аналитика.

Наслаждение Другого

Наконец, третья категория, *наслаждение Другого*, в фундаментальном смысле гипотетическая, соответствующая идеальному слушаю, в котором напряжение разрядилось бы полностью, не встретив никаких помех и преград. Это наслаждение, которое субъект предполагает у Другого, при

этом Другой и сам является предположительной сущностью. Это идеальное состояние, эта точка на горизонте абсолютного и невозможного счастья, принимает разные формы в зависимости от перспективы. Для больного, страдающего неврозом навязчивости, например, недостижимый, но постоянно присутствующий горизонт, — это смерть; тогда как истерическому невротику тот же самый горизонт представляется океаном безумия. Если мы представим себе тот же самый горизонт, исходя из желания ребенка на эдипальной фазе, он, как нам известно, примет мистическую форму инцеста наиболее завершенной реализации желания, высшего наслаждения. Но даже если в идеале желание реализуется в полном прекращении напряжения, как это могло быть в случае смерти, или, наоборот, через максимальную интенсификацию этого напряжения, каковой бы было идеальное наслаждение актом инцеста, в любом случае все эти избыточные и абсолютные фигуры — фигуры вымысла, очаровательные и обманчивые миражи, поддерживающие желание.

*

Ибо изо всех этих миражей психоанализ сохраняет только один, которому ставит на привилегированное место и возводит в ранг непознаваемого, неизвестной реальности, в которую упирается теория. Психоанализ признает границы своего знания там, где человеческое подчиняется миражу. Но что такое этот мираж? Это приманка, завораживающая и ослепляющая эдипального ребенка, заставляя его поверить, что абсолютное сексуальное наслаждение существует и что его можно испытать во время инцестуальной сексуальной связи, которая тоже вполне возможна. Именно поэтому наслаждение, каким бы оно ни было по форме, всегда остается сексуальным наслаждением. Сексуальным не в значении генитальности, но в том смысле, что оно маркировано своей мистической судьбой, определяемой тем, что оно должно реализоваться только в инцестуальном акте, быть наслаждением, испытываемым Другим в форме абсолютного сексуального удовольствия. Другой при этом — любой мифический персонаж, Бог, мать или сам субъект с его фантазией

о всемогуществе. Уточним еще раз, что инцест, о котором мы говорим, — это мифическая фигура, несоразмерная конкретной и болезненной реальности, в которой отец насилиет дочь или мать непристойно ласкает тело своего сына.

*Инцесту-
альные секс-
уальные
отношения
невозмож-
ны...*

Именно психоанализ как учение, стремящееся как можно четче обозначить пределы своего знания, понял, что именно там, где с точки зрения эдипального ребенка сексуальные отношения возможны, с точки зрения психоанализа они оказываются невозможными. Именно там, где ребенок из мифа предполагает наслаждение Другого — идеальное сладострастие инцестуальных сексуальных отношений, психоанализ знает, что Другой не существует и что эти отношения не могут быть реализованы субъектом и формализованы теорией. Он знает это, потому что клинический опыт научил его, что субъект неизбежно сталкивается со всякого рода препятствиями, представленными языком, означающими и в особенности фаллосом; со всеми теми пределами, которые разрушают идеальную кривую, ведущую к полной реализации желания, то есть, к наслаждению.

*...осуще-
ствовать
субъекту*

Итак, это место, которое мы называем «наслаждением Другого», имея в виду ребенка, который страстно к нему стремится или пугается его, — это не только место инцеста, невозможного с точки зрения нас, психоаналитиков, это еще и место невозможного знания. Сексуальные отношения не только не могут быть осуществлены субъектом, их также не может формально концептуализировать теория, их невозможно записать при помощи знаков и букв, которые сказали бы, каким было бы такое наслаждение, если бы эти отношения существовали. Одним словом, наслаждение в бессознательном и в теории — это место, лишенное означающих. Именно это означала формулировка, наделавшая столько шума, когда Лакан ее предложил: «Сексуальных отношений не существует». На первый взгляд ее можно понять как отсутствие генитального союза мужчины и женщины. Но такая ее интерпретация ошибочна. Формулировка означает, что нет *символических* отношений между предположительным мужским наслаждением и предположительным женским наслаждением. Почему? Потому что в бессознательном

*...вписать
в бессозна-
тельный*

нет означающих, которые обозначают наслаждение того и другого, воображаемое в качестве абсолютного наслаждения. Поскольку опыт анализа учит нас, что наслаждение в своей бесконечной форме — это место без означающего и без метки, что делает его уникальным. Отсюда второй принцип: «Сексуальных отношений не существует».

Чтобы лучше понять формулировку Лакана, мы можем ее дополнить и написать: *Не существует ... абсолютных... сексуальных отношений*, то есть нам незнакомо абсолютное наслаждение, что нет означающих, которые его бы обозначали, и что, как следствие, не может быть отношений между двумя отсутствующими означающими. Конечно, мы признаем, что нет абсолютных сексуальных отношений, потому что нет означающего, которое означало бы абсолютное наслаждение, но, с другой стороны, можно ли утверждать, что возможны относительные сексуальные отношения? Строго говоря, мы должны отметить, что относительных сексуальных отношений тоже не существует, потому что не существует и означающих, которые могли бы обозначить природу ограниченного и относительного наслаждения. Если слово «отношения» означает отношения между двумя означающими, которые обозначали бы наслаждение, тогда нет ни одних отношений, абсолютных или относительных, с безграничным или с ограниченным наслаждением.

Итак, сексуальных отношений не существует, даже относительных, но вопрос, между тем, остается. Как осмыслить обычную сексуальную встречу между мужчиной и женщиной? Пока скажем, что с точки зрения наслаждения, эта встреча касается не двух людей, а частичных мест их тел. Это встреча между моим телом и частью тела моего партнера, между различными очагами локального наслаждения.

Я настаиваю, что мы не знаем, что такое наслаждение в абсолюте, но точно так же мы не знаем, что такое наслаждение в своем локальном проявлении. Конечно, нет означающих, которые бы представляли неограниченное наслаждение, но — строго говоря — нет и означающих, которые представляют частичное наслаждение, связанное с эрогенными местами тела (фаллическим и прибавочным). Тем не

*...вписать
в теорию*

менее, означающие могут приблизиться, обозначить и очер- тить локальные зоны, в которых тело наслаждается. Когда мы говорим, что наслаждение ограничено означающими, мы имеем в виду, что, будучи напором желания, оно ограничивается краями эрогенных отверстий. Означающее здесь следует понимать через категорию телесного края. Короче говоря, психоанализ не знает природы наслаждения, самой сущности психической энергии, будь то глобальное наслаждение, наслаждение «Другого» или локальное «фаллическое» или «остаточное» наслаждение; психоанализ знает только означивающие границы, которые очерчивают области тела, являющиеся очагами наслаждения. Короче говоря, когда психоанализ обозначает наслаждение, речь всегда идет о ло- кальном наслаждении.

*

Настал момент рассказать о концепции фаллоса, столь тесно связанной с концепцией наслаждения.

В лакановской теории слово «фаллос» не обозначает муж- ской генитальный орган. Это имя совершенно особого оз- начающего, отличающегося от всех остальных означающих, так как его функция — обозначать все то, что так или иначе относится к сексуальному аспекту. Фаллос не является оз- начающим наслаждения, как мы уже видели, оно не поддает- ся репрезентации. Нет, фаллос не обозначает саму природу наслаждения, но он размечает вехами сам путь наслаждения — если мы имеем в виду поток циркулирующей энергии, или путь желания — если мы имеем в виду тот же самый поток, ориентированный на цель. Иначе говоря, фаллос — это означающее, которое маркирует и обозначает каждый из этапов этого пути. Он отмечает исток наслаждения, матери- ализованного через эрогенные отверстия; он отмечает пре- пятствие, на которое наталкивается наслаждение (вытесне- ние); он также отмечает экстериоризацию наслаждения в форме симптома, фантазий или действия; и, наконец, фал- лос — это порог, за которым открывается мифический мир наслаждения Другого.

*Фаллос
обознача-
ет вехами
наслажде-
ние*

Но если так, то в силу какой привилегии мы называем это означающее фаллосом? Зачем выбирать нечто, отсылающее именно к мужскому половому органу? Почему «фаллос»? Ответ на этот вопрос заключается в первостепенной роли в развитии человеческой сексуальности, которую психоанализ признает за опытом кастрации, опытом, основой которого является фаллос. (1)

*

Прежде чем закончить эту часть, посвященную наслаждению, я должен сделать важное уточнение. Выше мы говорили о корректировке аналогии между энергией и наслаждением. В отношении этого сравнения Лакан высказался очень ясно. Он не считает наслаждение энергетической сущностью в той мере, в которой оно не отвечает физическому определению энергии как числовой константы: «Энергия — это не субстанция... — напоминает Лакан, — это числовая константа, которая физику нужно найти в своих расчетах», а чуть дальше: «Любой физик точно знает... что энергия — ничто иное, как значение константы.» (2) Именно поэтому наслаждение «... не является энергией. Оно не может быть так выписано». Мы видим, что для Лакана наслаждение, не поддающееся математизации в расчетах, не может быть энергией. Тем не менее, несмотря на крайнюю строгость позиции Лакана, я все-таки решил представить и определить наслаждение, воспользовавшись энергетической метафорой — так часто использовавшейся Фрейдом — поскольку она кажется мне наиболее подходящей для того, чтобы передать динамический и клинический аспект наслаждения.

Таким образом, вот аргументы, которые опровергают или подтверждают сближение между энергией и наслаждением:

Наслаждение, конечно, не является энергией, если, вслед за Лаканом, мы сравним его с определением энергии в физике. Таким образом, с точки зрения физики, наслаждение не может считаться энергией.

Но наслаждение, наоборот, будет энергией, если следуя фрейдовской метафоре, мы будем рассматривать его как давление, которое зарождается в эрогенной зоне тела, стремится

Наслаждение — это энергия бессознательного

к какой-то цели, встречает на своем пути препятствие, ищет выхода и накапливается. Но есть и еще один аргумент для того, чтобы присвоить наслаждению энергетический статус, а именно его свойство быть постоянной силой работы бессознательного. Наслаждение — это энергия бессознательного, когда бессознательное работает, то есть когда оно активно — а активно оно постоянно, — обеспечивая повторение и непрестанно экстериоризируя в психическом производстве (S1) такой-то симптом или другое означающее событие. В этом смысле я бы хотел здесь перефразировать формулу Лакана, взятую из его семинара «Еще»: «... бессознательное, это когда существо, говоря, наслаждается». (3) Точно так же я бы определил бессознательное, сказав: «наслаждение — это, когда существо, совершая промах, активизирует бессознательное. В двух разных ракурсах эти формулировки поддерживают одну и ту же идею: работа бессознательного подразумевает наслаждение; и наслаждение — это энергия, которая выделяется, когда бессознательное работает.

Итак, вот два основных принципа, которые я хотел бы затронуть и которые кажутся мне сегодня фундаментальными. Один касается бессознательного: «Бессознательное — это знание, структурированное как язык»; второй касается наслаждения: «Сексуальных отношений не существует». Эти два принципа кажутся мне фундаментальными, поскольку определяют то, как мыслится анализ. В той мере, в которой я признаю структурированное бессознательное, я, к примеру, понимаю интерпретацию как проявление бессознательного пациента у психоаналитика. И в той мере, в какой я признаю, что сексуальных отношений не существует, я понимаю, например, что остаточное наслаждение, эта добавка к наслаждению, — двигатель аналитического лечения, центр, господствующий над процессом анализа. И я бы, наконец, признал, что до самого горизонта лечения и точечных моментов опыта, которыми он отмечен, простирается наше реальное, темное место невозможного наслаждения.

Вопрос: Каким образом можно связать два фундаментальных принципа, которые вы сейчас представили, бессознательное и наслаждение?

Если вы согласились с тем, что бессознательное — это цепочка означающих в действии, сейчас я бы попросил вас признать, что в этой цепочке не хватает одного элемента. Как раз того, который должен был бы представлять наслаждение. В бессознательном наслаждение не имеет точной означающей презентации, но имеет место, место зияния. Зияния внутри системы означающих, всегда прикрытое завесой фантазий и симптомов. Точно так же, как аналитическая теория признает свою неспособность точно означивать природу наслаждения, можно сказать, что у бессознательного тоже нет означающего, которое представляло бы наслаждение. На его месте есть только зияние и завеса. В завершение я должен добавить, что место наслаждения в бессознательном разнится в зависимости от того, какую из двух его основных форм, локальную (прибавочное и фаллическое) или глобальную (наслаждение Другого), мы рассматриваем. Если мы имеем в виду локальные наслаждения, их место в бессознательном — это место зияния, окруженного границами, образ, точно соответствующий эрогенным отверстиям тела. Если же мы думаем о безмерном наслаждении Другого, его нужно воображать как точку на открытом горизонте, без границ и пределов, расплывчатую, без привязки к какой-то определенной системе. Я хочу сказать, что наслаждение Другого не локализовано в каком-то точном месте системы, но скорее оно смутно опознается субъектом — вспомните, что вы говорили о неврозах — подобно миражу.

Фрейд всегда напоминал нам о том, что индивид стремится к счастью. А потом воздвигает преграды, чтобы не достичь его. Тогда что же он, в конце концов, находит?

... Скромное счастье. По сути дела, психоанализ открывает, что мы, существа, наделенные языком, в итоге довольствуемся малым. Знаете, реальное счастье, я хочу сказать, в действительности встреченное счастье, на самом деле, — это крайне ограниченное удовлетворение, достигаемое малыми

средствами. Любое другое удовлетворение, лежащее за пределами этого, — то, что психоаналитики-лаканисты называют наслаждением Другого. С этической точки зрения, у психоанализа субверсивная позиция, потому что в отличие от философских течений, которые признают за человеком поиски счастья как поиски высшего блага, психоанализ говорит: мы согласимся с тем, что человек стремится к высшему счастью, при условии, что будет признано, что как только он включается в погоню за идеалом, тот трансформируется в конкретную реальность крайне ограниченного удовлетворения. «Но как же так? — скажут нам — Даже если мы признаем, что мираж абсолютного счастья быстро рассеивается, уступая место относительному счастью, выдуманный абсолют все равно остается целью, к которой все время стремятся». Психоанализ ответил бы: «Нет. Существо, способное говорить, не хочет этого безмерного наслаждения, оно отказывается наслаждаться, оно не хочет и не может наслаждаться».

Лучшую иллюстрацию для всего этого мы можем найти в клинической практике, потому что если вы меня спросите, кто такой невротик, я, не колеблясь, скажу, что это тот, кто делает все возможное, чтобы не испытать абсолютного наслаждения; и конечно же, один из способов не испытывать абсолютное наслаждение — это наслаждаться малым, то есть осуществить свое желание частично. Есть два средства, при помощи которых невротик наслаждается частично, чтобы избежать максимального наслаждения (наслаждения Другого): симптом (фаллическое наслаждение) и фантазия (прибавочное наслаждение). Симптом и фантазия, по сути дела, являются двумя хитростями невротика, которыми он пользуется, чтобы противостоять безмерному наслаждению и сдерживать его. Лучший пример — истерия. Истерик — это тот, кто всеми подручными средствами создает свою собственную реальность, то есть выстраивает фантазию, в которой наслаждение, о котором он больше всего мечтает, непрестанно от него ускользает. Именно по этой причине Лакан характеризовал истерическое желание и, исходя из него, любое желание, как глубоко неудовлетворенное, по-

скольку оно никогда не реализуется в полной мере, а реализуется только через фантазии и симптомы. По моему мнению, важно подчеркнуть этот всегда неудовлетворенный характер желания, потому что считалось, что желание — это Благо, которое надо лелеять подобно идеалу. Именно это, как одно время ошибочно полагали, имеется в виду в лакановской формулировке «Не уступай своему желанию». Как если бы это был призыв, поощрявший желание и получение удовлетворения. Тогда как таким образом интерпретировать эту максиму — ошибка, поскольку это не смелое заявление, толкающее желание на путь высшего наслаждения, но, наоборот, предостережение не отказываться от желания как единственной защиты от наслаждения. Поскольку, без сомнения, никогда не стоит переставать желать, чтобы противодействовать наслаждению. Удовлетворяя себя ограниченным и частичным образом при помощи симптомов и фантазий, мы гарантируем, что никогда не столкнемся с максимально полным наслаждением. Короче говоря, чтобы не достичь наслаждения Другого, пусть даже воображаемого, самое лучшее — не переставать желать и довольствоваться субститутами и экранами, симптомами и фантазиями.

Могу предположить, что здесь вы меня спросите: «Но зачем избегать наслаждения Другого, если в другом месте вы говорите, что достичь его невозможно? Если оно недостижимо, зачем тогда прилагать такие усилия, чтобы его избегать, тогда как мы в любом случае ничем не рискуем?» Ответ на этот вопрос содержится в том невротическом и крайне сложном способе, которым невротик обращается со своими идеалами. Так, наслаждение Другого — это райская мечта, представляющаяся невротику в разных и противоречивых видах: прежде всего, это мечта, которая ему дорога и к которой он стремится; затем это мечта, которая, как он знает, неосуществима, химерична и недостижима; и, наконец, в наибольшей степени это мечта, о которой он знает, что, если, к «несчастью» или к «счастью», она однажды осуществится, его собственная сущность окажется в опасности. Фактически он боится увидеть, как его сущность исчезает. Вы видите кричащее противоречие, которое, однако, ежедневно нахо-

дит подтверждение в клинической практике: он *хочет наслаждения* Другого, он *знает, что не может* его достичь и в то же самое время он *не хочет* этого наслаждения. Он его любит, оно для него невозможно, и, тем не менее, оно его пугает. Разумеется, все эти уровни смешиваются и перепутываются, когда мы слушаем наших пациентов, охваченных своими мечтаниями и страхами.

Как понять формулировку «Там, где слово дает сбой, появляется наслаждение»?

Я мог бы начать мое изложение с общей фразы и предположить: тело подчиняется языку; или же я бы мог снова обратиться к другой общей формулировке: мы — существа, наделенные языком. С этим положением было бы легко согласиться, потому что все признают, что мы говорим и что слово в анализе играет важную роль. Можно было бы добавить: мы не только говорящие существа, мы еще и существа, в которых живет язык. Можно было бы сделать еще один шаг и сказать: мы не только существа, в которых живет язык, но существа, которых язык превосходит, носители слова, которое нас обгоняет, опрокидывает и поражает.

Таким образом, мы сталкиваемся с градацией. Первая степень: мы — существа говорящие, это эмпирическая степень, которая никак не связана с психоаналитической мыслью. Анализ идет дальше и утверждает, что по ту сторону языка живет в нас и мы постоянно испытываем его воздействие. Вторая степень, таким образом, постулирует нас как существ, подверженных воздействию языка и даже пронизанных им. А вот здесь вступает третья степень. Когда язык, а, точнее, означающее, принимает форму «говоримого», которое говорится независимо от меня, при моем неведении, тогда добавляется дополнительный элемент: затрагивается тело. Психоаналитическая концепция отношений субъекта и языка обретает свою ценность и свою истинную силу только при условии, что мы считаем, что не только субъект говорит, сам не ведая, что, но, в особенности, когда слово сбивает с ног, затрагивается тело. Но какое тело? Тело как наслаждение. Тело, определяемое не как организм, но как чисто наслаждение, чистая психическая энергия, для

«Бессознательное — это, когда внутри человека живет означающее»

Ж.Л.

которой органическое тело — только корпус, в котором она резонирует.

Вот в чем суть этого вопроса. Теперь да, я мог бы снова вернуться к нашей формуле и заявить: будучи существами наслаждающимися, мы символически маркированы в нашем теле, или просто напросто сказать: наше тело подчиняется языку. Теперь вы понимаете, что когда мы утверждаем, что «тело затронуто словом, которое его превосходит», это означает, что тело наслаждается. А сказать, что тело наслаждается, означает еще и то, что помимо чувства боли и удовольствия, осознанно испытываемых субъектом, возникает — в момент проявления бессознательного — двойной энергетический феномен: с одной стороны, энергия разряжается (фаллическое наслаждение), с другой, в то же самое время внутреннее психическое напряжение реактивируется (прибавочное наслаждение).

Но зачем говорить, что желание никогда не удовлетворяется, как будто у психоанализа не слишком оптимистический взгляд на устремления человека?

Я понимаю ваши сомнения. Отвечу вам так: там, где желание не достигает своей цели, то есть, где оно терпит поражение, возникает позитивное создание, осуществляется созидательный акт. Но тогда вы у меня спросите: а почему желание обязательно должно потерпеть поражение? Желание никогда не находит удовлетворения по одной простой причине: потому мы говорим. Так как мы говорим, погружены в мир символического, принадлежащего к тому миру, где все приобретает тысячу и один смысл, нам никогда не удастся достичь полного удовлетворения желания, потому что отсюда до полного удовлетворения протирается бесконечная область, образованная тысяча и одним лабиринтом. Поскольку я говорю, достаточно того, что на пути желания я произнесу одно слово или совершу одно действие, пусть даже самое не на есть подлинное, как я тут же столкнусь с массой двусмысленностей, рождающих всевозможные недоразумения. Действие, таким образом, может быть созидающим, но самый чистый поступок или самое точное слово никогда не смогут воспрепятствовать появлению другого

Самые чистые акты не могли бы удовлетворить моего желания

действия или слова, которые заставят меня свернуть с самого короткого пути к удовлетворению желания. Как только слово сказано или действие совершено, путь к этому удовлетворению открывается заново. Мы приближаемся к цели, совершая еще какое-то действие в жизни и открывается другой путь. Линия желания в точности воспроизводит траекторию анализа. Это путь, который не проложен заранее, но открывается с каждый новым опытом. Случается аналитический опыт, он выписывается как точка, и от этой точки открывается новый отрезок. Так его проходят до следующей точки, точки рождения нового маршрута. Анализ, рассматриваемый как траектория лечения, — это все удлиняющийся путь, поскольку как только предел достигнут, он сдвигается на сантиметр вперед. Точная формулировка следующая: анализ — ограниченный, но бесконечный путь. Ограниченный, поскольку всегда возникает предел, в который упираются. И бесконечный, потому что, как только этот предел достигнут, он сдвигается до бесконечности, все дальше. Именно эту логику сдвига мы может применить, чтобы должным образом понять как траекторию желания, так и траекторию анализа.

Согласно теории множеств, предложенной Кантором, это расширяющееся движение управляет принципом, который называется принципом перехода к пределу. (4) Для Кантора переход к пределу означает, что достижение предела порождает бесконечное множество. И если вернуться к нашей терминологии, мы можем сказать, что порог достигается и тут же открывается продолжение в бесконечность. *Вы говорили о наслаждении, но не говорили об удовольствии. Являются ли удовольствие и наслаждение эквивалентами или же они отсылают к двум совершенно разным мирам?*

При более общем подходе я бы вам ответил, представив наслаждение и удовольствие как две разные формы выражения психической энергии. Но опять-таки как определить энергию? Как мы знаем, это нелегко. Если вы попросите физика определить энергию, он столкнется с теми же трудностями, как и при определении наслаждения и удовольствия. Что бы определить энергию, ученый вынужден будет снача-

ла установить контекст. В таком случае он бы объявил солнечную энергию, механическую энергию, тепловую энергию видами энергии, определенными в зависимости от той среды, в которой они производятся. Кроме того, физик, как мы видели, находит алгебраическую формулу, числовую константу, чтобы работать, отталкиваясь от точного расчета энергии. Но у нас нет алгебраической формулы для расчета удовольствия и наслаждения. Ни удовольствие, ни наслаждение сами по себе, строго говоря, не поддаются определению. Их можно локализовать только по их контексту: в случае удовольствия мы рассматриваем в качестве такового сознание, чувствование и снижение напряжения; в случае наслаждения — тот факт, что оно бессознательное, что совпадает с ростом напряжения и его не всегда чувствуют.

Удовольствие — это сознательная или предсознательная, но всегда данная в ощущениях форма энергии, тогда как наслаждение — здесь я в особенности имею в виду локальное наслаждение — это бессознательная форма, которая никогда не дана непосредственно, не дана в ощущениях. Но разделение сознательное/бессознательное — это всего лишь очень общий критерий для различия удовольствия и наслаждения. С экономической точки зрения, то есть с точки зрения изменения интенсивности энергии, удовольствие — это прежде всего приятное ощущение, которое я испытываю, когда напряжение спадает. В случае удовольствия, вспомним Фрейда, речь идет об уменьшении физического напряжения, ведущего к покоя и расслаблению. Что же касается наслаждения, то оно состоит в поддержании или резком увеличении напряжения. Оно ощущается не сразу, но проявляется косвенно в том максимальном опыте, который воздействует на тело и на психику, на всего субъекта. Наслаждение — это слово, которым обозначают опыт невыносимого напряжения, смесь опьянения и странности. Наслаждение — это энергетическое состояние, которое мы переживаем в предельных обстоятельствах, в ситуациях разрыва, в тот момент, когда готовятся перешагнуть какой-то порог, принять вызов, бороться с исключительным, порой болезненным кризисом.

Наслаждение — это не удовольствие

Возьмем пример детской игры: наслаждение испытывает тот ребенок, который в окружении товарищей поднимается на скат крыши и рискует с нее упасть. Это что касается вызова. Он наслаждается не только вызовом, брошенным себе подобным, но и тем, что испытывает на прочность свои собственные пределы. Удовольствие — это нечто противоположное. Возьмем того же самого ребенка, теперь уже расслабленного, который дает себя укачать приятному движению качелей. Все в нем покой и расслабленность. Но, если раскачиваясь, он вдруг испытывает острое желание выяснить, до какой предельной точки он может достать, даже рискуя упасть, вот тогда и появляется наслаждение. Точно так же в опыте анализа можно почувствовать удовольствие от того, что идешь на сеанс и получишь утешение от рассказа, но можно также пережить моменты крайнего напряжения, даже боли, в которые на первый план выходит наслаждение.

Схематически я бы, таким образом, сказал, что удовольствие соответствует уменьшению напряжения, тогда как наслаждение равносильно максимальному напряжению. Наслаждение — это крайнее состояние, в котором тело испытывают на прочность. Возможно, самый яркий пример того, как тело испытывается на прочность, — это пример бессознательной боли, которая проявляется часто через импульсивные действия. Я бы даже сказал, что боль — это одна из главных фигур прибавочного наслаждения, или, как я имел возможность показать на моем семинаре, парадигмы объекта *a*. (5)

Итак, если наслаждение ощущается непосредственно, вы можете у меня спросить: но как же тогда можно говорить о наслаждении или о боли, если я их не испытываю? Как можно позволить существовать двум столь антиномичным требованиям, как «боль» и «бессознательное»? И в том же ключе вы можете задать мне еще один вопрос: если наслаждение — это напряжение, которого не чувствует, то откуда следует, что оно существует?

Не следует ли нам скорее сказать, что наслаждение, наоборот, ощущают, но только уже после?

На самом деле, вы правы, говорить скорее следует о том, что наслаждение никогда не ощущается непосредственно в момент своей кульминации, но только после. Возьмем пример человека, который в суициальном порыве садится за руль своей машины, выезжает на дорогу и едет на второй скорости, чуть не попав в аварию. Когда трудный момент позади, он останавливается и приходит в себя, задумываясь о своем отыгрывании... По этому моменту, когда субъект балансировал на грани жизни и смерти, мы можем заключить, что тут было наслаждение. Этот человек был охвачен смертельно опасным напряжением, мимолетным порывом к саморазрушению. Вот косвенное выражение воздействия наслаждения: он не испытывал никакого четко определенного чувства, но смутное ощущение силы, которая толкала его к действию. Из этого пароксического момента можно сделать вывод, что этот человек находился под воздействием не алкогольного опьянения, но в тысячу раз более сильного наркотика, который действует внутри любого человека, а именно заряда бессловесного и всеподавляющего наслаждения.
Как будто в наслаждении тело все берет на себя?

Вы говорите, что тело «все берет», а я перевожу все словом «действие». Наслаждение гнушается словами и мыслями, выражаясь только в действиях. На самом деле, одно из наиболее типичных проявлений состояния наслаждения, как мы его определяем (высокое психическое напряжение, не испытываемое напрямую) — это отыгрывание и, в целом, все действия, опасные или нет, в которых мы выходим за свои пределы. Когда преобладает наслаждение, слова исчезают и на первый план выходит действие. Действие — сестра наслаждения, тогда как сестра удовольствия — образ. Удовольствие всегда зависит от движения образов, которые отражаются друг в друге передо мной. Удовольствие — это ощущение, которое я испытываю и чувствую. В свою очередь наслаждение дает о себе знать через слепые чувства, будь то продуктивные, когда художник самозабвенно пишет полотно, или разрушительные, как в случае водителя, который едва избежал смерти. Но в любом случае это действия, в которых субъект является только телом или, как вы говори-

те, в которых тело все берет на себя; субъект не говорит и не думает. Лакан, черпая вдохновение в когито Декарта, указал бы на положение субъекта в состоянии наслаждения, сказав: я там, где я не думаю.

Можно ли тогда говорить, что есть субъект наслаждения, субъект, который наслаждается?

Нет. Нет субъекта наслаждения такого же, как субъект бессознательного. Это существенное различие. Субъект бессознательного всегда представлен означающим, его присутствие обязательно маркировано репрезентацией, которая указывает и означивает. Что касается наслаждения, то я уже указывал на отсутствие репрезентативного означающего. В лакановской теории субъект всегда склеен с означающим, для Лакана нет означающего без субъекта, и, наоборот, нет субъекта без означающего. Поэтому мы говорим: нет субъекта наслаждения, потому что нет означающих, которые могли бы его выразить. Тогда ваш вопрос, по сути дела, стоит следующим образом. Если есть наслаждение, то кто наслаждается? И я отвечу, что никто не наслаждается, это не мы чем-то наслаждаемся, это что-то в нас, вне нас, наслаждается.

Есть еще один аспект различия наслаждения и удовольствия — временной. С точки зрения темпоральности какие отношения существуют между удовольствием и наслаждением?

Я бы сказал вам, что удовольствие совсем мимолетно, тогда как наслаждение настолько постоянно, что становится от этого вневременным. Удовольствие приходит и уходит, тогда как наслаждение — это напряжение, сцепленное с самой жизнью. Если есть наслаждение, есть и жизнь, потому что наслаждение ничто иное, как сила, обеспечивающая повторение, неискоренимую последовательность жизненных событий. И если бы мне понадобилось провести аналогию между лакановской концепцией наслаждения и фрейдовской теорией повторения, я в итоге отождествил наслаждение с тем, что Фрейд называет «навязчивым повторением». Если и есть фрейдовская концепция, близкая к наслаждению, понятому как сила, обеспечивающая повторение, это

и есть идея навязчивого повторения, рассматриваемого как непреодолимая тенденция человека жить, нацелившись на будущее, но пытаясь при этом завершить те действия, которые закончились провалом в прошлом. Сила жизни именно в этом.

С точки зрения психопатологии, какая связь между первертом и наслаждением?

Буду очень краток, потому что мы еще вернемся к наслаждению перверта. Скажем так, что из трех случаев клиники — невроза, психоза и первверсии — ближе всего к наслаждению, но в ложном смысле, именно первверсия. Потому что если невротик избегает и не признает наслаждения Другого, как мы показали, перверт его не только ищет, но еще и подражает ему и имитирует. Перверт — тот, кто имитирует жест наслаждения.

Каково место наслаждения в психоаналитическом лечении?

Это вопрос, который будет присутствовать на протяжении всех этих уроков, потому что он имеет ключевое значения для понимания того, что такое анализ. Я пока ограничусь двумя замечаниями, которые лучше всего резюмируют все те положения, касающиеся места наслаждения в лечении, которые я мог бы поддержать. Прежде всего, наслаждение и, в особенности, его модальность прибавочного наслаждения, то есть тот избыток, которые беспрестанно поддерживает высокий уровень внутреннего напряжения, является двигателем лечения, ядром, вокруг которого вращается аналитический опыт. То, что преобладает в анализе, — это отнюдь не речь, как ошибочно считалось, но притягивающий и господствующий полюс наслаждения. В рамках этого первого замечания я бы еще уточнил — и мы будем часто к этому возвращаться — что этот полюс наслаждения не является чистой абстракцией, но захватывает в ходе лечения различные телесные фигуры, такие как грудь, экскременты, взгляд и т. д. Все фигуративные презентации наслаждения, которые находят свое место в различных фантазиях, сознательно или бессознательно создаваемых пациентом внутри отношений переноса. Другая ремарка касается аналитика, поскольку из всех положений, которые ему приходится занимать, то, в ко-

**Перверт
имитирует
жест
наслажде-
ния**

**Наслаж-
дение —
двигатель
лечения**

Наслаждение и энергия

тором он идентифицирует себя с наслаждением (прибавочное наслаждение), — наиболее благоприятное для адекватных действий³.

Вы определили наслаждение, исходя из фрейдовской метафоры психической энергии, и вы провели различие между ним и удовольствием, снова прибегнув к понятию энергии. Зачем отдавать такое предпочтение концепции энергии?

Это терминологическое сближение между Фрейдом и Лаканом, которое я вам предложил и полную ответственность за которое я на себя беру, показывает, что лакановская концепция наслаждения может рассматриваться как плодотворное возвращение к фрейдовской метапсихологии. Как будто бы Лакан, полностью соблюдая динамику и фрейдовское трехчастное разделение психической энергии (энергия, подвергающаяся разрядке, сохраняемая энергия и идеальная недостижимая цель), благодаря слову «наслаждения» избавился от механистического и экономического объяснения функционирования психики. Хотя Лакан, как мы видели в этом уроке, противопоставил энергию и наслаждение, мне показалось, что сближение наслаждение-энергия остается наиболее адекватной формулировкой, которая мне пока попадалась, чтобы передать лакановскую теорию наслаждения. Сделав это уточнение, я теперь я могу пользоваться фрейдовским понятием энергии — зная о его ограничениях — для того, чтобы лучше продемонстрировать лакановскую концепцию наслаждения.

Но что мы выигрываем, заменяя слово «энергия» словом «наслаждение»? В чем заключается плодотворность лакановского пересмотра фрейдовской метапсихологии?

Вместе со словом «наслаждение» Лакан вводит две основных концепций: «фаллос» и «невозможные сексуальные отношения». Первая выполняет функцию предела, который открывает и закрывает доступ к разрядке энергии. Вторая выполняет функцию идеальной недостижимой цели. Но чем бы ни был фаллос как предел и чем бы ни были невозможные сексуальные отношения как мираж абсолюта, при

³ Клинический пример, иллюстрирующий это положение можно найти в пятом уроке, к которому читатель уже может обращаться.

моши слова «наслаждение» Лакан разрешает главную проблему психоаналитической теории. Проблему, которую не удается решить концепции энергии, а именно проблему природы субъекта, который испытывает неудовольствие от бессознательного напряжения, когда энергия сталкивается с заслоном, создаваемым вытеснением, и который испытывает относительное бессознательное успокоение, когда эта самая энергия переживает разрядку. Действительно, логику лакановской мысли нелегко обрисовать, поскольку Лакан делает противоречивый ход, формулируя связку субъект/наслаждение. На мой взгляд, поначалу он вводит слово «наслаждение», чтобы отчасти субъективировать психическую энергию, как будто, чтобы лучше показать явление, о котором Фрейд догадался в 1938 году, говоря о «самовосприятии Оно». Согласно Фрейду, вариации энергетического напряжения внутри Оно воспринимаются самим Оно. Вместо того, чтобы, подобно Фрейду, сказать, что Оно, прибывающее влечений, само воспринимает свои градации энергии, Лакан утверждает: бессознательное работает и, работая, то есть обеспечивая повторение, бессознательное наслаждается. Заявить, что бессознательное наслаждается, это значит в первую очередь субъективировать бессознательное, антропоморфизировать его, предположить в нем субъекта, учредить одно из воплощений субъекта, предположительно знающего. Но Лакан тут же убирает все отсылки к субъективности и, наоборот, утверждает, что, если бессознательное наслаждается, то наслаждающегося субъекта не существует. Короче говоря, при помощи слова «наслаждение» Лакан вводит субъекта и делает это, чтобы потом было легче его исключить.

На следующем уроке мы более подробно рассмотрим принцип того, что бессознательное структурировано как язык.

Урок 2. Бессознательное

Бессознательное существует только внутри поля анализа

Нет бессознательного, присущего каждому из нас

Язык

Что такое структура?

Страх покраснеть

Означающее перескакивает от субъекта к субъекту

Без означающего нет субъекта

Рождение субъекта

Что касается бессознательного, я бы хотел сначала уз-
нать вашу реакцию на фразу одного моего друга, кото-
рый не верит в психоанализ и недавно сказал мне: «А у меня
нет бессознательного!» Что вы об этом думаете? Можно ли
не иметь бессознательного?

Если вы мне позволите вставить здесь шпильку, я пола-
гаю, что у вашего друга нет бессознательного.

Но как он может быть прав!

По моему мнению, он прав, потому что если бессозна-
тельное существует, оно может существовать только вну-
три поля психоанализа, а именно в области терапии. Таким
образом, ваш друг, по-видимому, располагает себя вне это-
го поля и, как следствие, вне бессознательного. Я понимаю,
что моя позиция может вам показаться слишком ограничи-
вающей и что против нее можно выдвинуть множество воз-
ражений. Представляю себе, что вы можете мне напомнить
о различных текстах Фрейда, например, о «Психопатологии
обыденной жизни», в которых он показывает существова-
ние бессознательного в столь внеположенной терапии обла-
сти, каковой является обыденная жизнь. Тем не менее, если
мы вернемся к лакановскому принципу, согласно которому
бессознательное структурировано как язык, и к нашему до-
казательству, разработанному в первом уроке, мы приедем к
выводу, что, в действительности, бессознательное не суще-
ствует нигде, кроме как внутри аналитического лечения. Я
не думал, что мне придется с этого начинать урок. Так, ваше

*Бессознательное
существует только
внутри поля психо-
анализа*

выступление заставляет меня постулировать сейчас серию положений, которые бы оправдывали мой тезис о том, что бессознательное существует только в анализе. Считаю важным уточнить, что эти положения стали результатом моего чтения работ Лакана, но никогда не высказывались Лаканом. Я буду излагать эти положения, как если бы они были ответом на вопрос: «Когда можно говорить о том, что бессознательное существует?»

*

Прежде всего, бессознательное обнаруживает себя в *акте*, который застает врасплох и выходит за рамки намерений говорящего пациента. Субъект говорит больше, чем хотел сказать, и, говоря, раскрывает истину.

*

Этот акт вместо того, чтобы обнаруживать скрытое и уже наличествующие бессознательное, его производит и порождает.

*

*Чтобы бессознательное было,
его нужно выслушать*

Итак, чтобы этот акт действительно порождал бессознательное, необходимо, чтобы другой субъект слушал и признавал действие бессознательного: поскольку этот субъект является психоаналитиком: «...бессознательное подразумевает, что его слушают? В моем смысле, да», — отвечает Лакана (6) Действительно, для того, чтобы бессознательное было, оно должно быть признано.

*

Но такое признание — это не признание мысли, это признание бытия, то есть психоаналитик признает действием, исходя из своего собственного бытия и своего собственного бессознательного, бессознательное другого. Чтобы признать, что акт пациента — это запуск в действие бессознательного, нужен, таким образом, другой акт, акт самого аналитика. Конечно, существуют многочисленные различия между актом пациента и актом аналитика, оговорка пациента отличается от интерпретации психоаналитика, но с той точки зрения, которую мы занимаем, то есть с точки зрения,

которая рассматривает бессознательное как структуру, эти два акта формально идентичные или, если хотите, означивающие.

*

Если психоаналитик способен санкционировать действием существование бессознательного своего пациента, то это происходит, потому что он сам прошел этот путь, путь анализа, в качестве пациента.

*

Это соединение двух актов, которые в поле анализа запускают бессознательное, позволяет нам выдвинуть три гипотезы, которые я предлагаю на ваш суд:

- Бессознательное не является скрытой инстанцией, которая уже здесь и ждет интерпретации, которая ее бы раскрыла, но инстанция, производимая, когда интерпретация аналитика, рассматриваемая в качестве акта его бессознательного, признает акт бессознательного у пациента.
- Произведенное таким образом бессознательное — это уникальная структура, разделяемая обоими партнерами по анализу. Как следствие, мы должны скорректировать предшествующую гипотезу и заключить, что нет отдельного бессознательного, принадлежащего пациенту, и другого бессознательного, принадлежащего аналитику, *есть только одно единственное бессознательное*, которое произведено при переносе и уникально.
- Наконец, третья гипотеза — это возвращение к моему первоначальному предложению рассматривать инстанцию означающего исключительно в рамках терапии, помня при этом, что Лакан и сам остановился на этой проблеме, не решив ее. В ответ на замечание собеседника, который утверждал: «Я говорил, что психоанализ может действовать только в области своих наблюдений, какой является ситуация анализа», Лакан сказал: «Именно это я и говорю. У нас нет средства узнать, существует ли бессознательное вне психоанализа». (7)

*

Когда бессознательное интерпретировано, это означает, что оно под контролем?

Бессознательное — это знание, которое мы не можем получить непосредственно. Бессознательное как знание больше, чем гипотеза, это почти тезис или, скорее, принцип или даже аксиома. Это означает, что мы не знаем бессознательного, не можем его уловить, оно не ощущимо, так же неощущимо, как воображаемое число i . Оно неуловимо, но мы даем ему имя. Что делает Фрейд? Он именует. Фрейд основывает, именует. Фрейд дает имя неожиданному событию, сну, заставшему субъекта врасплох, и говорит: «Здесь существует иное знание, которое мы будем называть бессознательным». Это безумие отца-основателя. Отец безумен, когда не боится основать. Когда он основывает, он идентифицируется с именем, он становится именем, отчуждает свое бытие в имени, делает себя означающим Имени-Отца. Фрейд выглядит немного по-дурацки, когда он с уверенностью безумца утверждает: «Вот бессознательное»; не в том смысле, что он берет термин, который уже существовал у множества философов, но в том смысле, что он придает ему доселе невозможное единство. Потому что он не довольствуется заявлением: «Вот бессознательное», он добавляет: «Вот бессознательное, и мы предполагаем, что это цепочка презентаций». И еще: «У нас будет две концепции бессознательного, и даже три, динамическая концепция, топическая и экономическая». Он начинает с именования, и вещь начинает существовать. Но разумеется, не любое имя способно само по себе учредить существование. Нужно еще, чтобы это имя повторялось и вписывалось в структуру. Именовать — это не просто присвоить имя, именование — это акт, который не только заставляет существовать какой-то элемент, но придает единство и порождает структуру. Фрейд именует, вещь существует, и единство разворачивается.

Или же очень часто, в рамках терапии, интерпретация психоаналитика ограничивается этим актом, актом именования. Интерпретация собственно в том и заключается, чтобы дать точное имя случившемуся событию. Благодаря это-

Бессознательное — это имя

В акте основания есть безумие

му получает существование структура бессознательного. Но проблема в том, что интерпретировать нужно, не слишком задумываясь. Интерпретация не является ни продуманным, ни просчитанным выступлением, интерпретация — имя, которое дают, особо не зная, почему, а, дав его, совершают скачок. Интерпретация — это скачок имени: это переход, форсирование, переправа вброд. Вы видите, интерпретация в качестве акта именования предполагает риск выдать себя.

*

По вашему мнению, исходя из каких объективных данных Лакан вывел свой принцип бессознательного, структурированного как язык?

Ваша remarque заставляет меня, прежде всего, вспомнить важное различие между языком и речью. Конечно, бессознательное структурировано как язык, но его эффекты проявляются на территории речи, то есть на территории устного языка. Итак, конкретные и объективные данные, которые позволяют вывести языковую структуру бессознательного, — это экстерiorизация бессознательного. Мы уже отмечали, что каждое проявление бессознательного должно формально классифицироваться в качестве означающего, точнее некоего означающего. Мы также сказали, что эти экстерiorизации принадлежат к разным реальностям: жест тела, неожиданное слово или любое другое событие. Но среди всех тех реальностей, в которых себя выражает бессознательное, реальность речи дает наилучшую зацепку для доступа к структурному порядку бессознательного. Точно так же, как Фрейд считал сны королевской дорогой к бессознательному, я бы сказал, что для Лакана королевской дорогой к бессознательному становится дорога речи.

Лакан, таким образом, соблюдает установленное Соссюром различие между языком (*langue*) и речевой деятельностью (*language*): речевая деятельность — это язык, на котором говорят. Сначала есть речевая деятельность, которая может быть, например, диалектом Кали, который, по моему мнению, очень отличается от диалекта вашей столицы Богояты, даже если в этих двух регионах, говорят на одном языке,

испанском. Затем есть то особенное наречие, которую называют материнским, наречие, на котором говорит мать. Итак, бессознательное проявляется именно в этом наречии. На самом деле, хорошим определением было бы следующее: «Бессознательное структурировано как язык и проявляется в наречии, на котором говорит мать».

Но тогда наше бессознательное структурировано по-испански, потому что мы говорим по-испански?

Нет, испанский — это, прежде всего, речевая деятельность, в которой проявляется бессознательное, а не язык, в котором оно структурируется. Заметьте, что в свое время я задавал себе подобный вопрос, говоря, что бессознательное структурировано как латынь, потому что...

... Потому что его тяжело понять!

... Нет, потому что изучая средневековую логику, я подумал о бессознательном этих логиков, таких, например, как Уильям из Шервуда или Оккам, и сказал себе: «Поскольку эти люди писали на латыни и логикой занимались на латыни, структура их бессознательного волей-неволей должна испытывать влияние латыни, хотя наречием их матерей был средневековый английский... а психоаналитики еще не существовали». Тем не менее, договоримся, что бессознательное структурировано как язык, воздействующий на разные конкретные наречия, на которых говорит субъект, а в особенности на его материнское наречие.

Итак, различие между языком и речевой деятельностью также служит для того, чтобы помыслить отношения между ребенком и его матерью. Поскольку можно было бы сказать, что материнское наречие, то, на котором говорит мать, — это язык кожи, всего того, что относится к телу, одним словом, язык наслаждения. Лакан пишет «йазык» (*lalangue*), чтобы показать, насколько бессознательное проявляется в языке и что именно исходя из этих проявлений аналитическая теория полагает бессознательное, структурированное как язык. Но зачем создавать этот неологизм «йазык»? Чтобы показать, что важны не столько языки Кали или диалект такого-то региона, сколько «йазык», в котором прежде всего проявляются эффекты бессознательного. Этот лаканов-

«Йазык — это то, в чем отложилось бессознательное...»
Ж.Л.

Нет своего собственного бессознательного, но есть свой собственный язык

ский неологизм, в котором сплавляются воедино artikel и существительное, служит для того, чтобы различать язык бессознательного и язык в его лингвистическом определении. Именно на языке говорит со мной такой-то пациент, и еще одни, и еще. В конечном счете все пациенты говорят на разных языках. Почему? Потому что речь идет не просто о французском, а о французском самого пациента, знакомом, материнском языке, языке его собственной истории. А если он — билингва и говорит на плохом французском, этот французский будет его «языком». Следовало бы более глубоко изучить явление двуязычия и посмотреть, насколько легче проявляются эффекты бессознательного, если человек говорит на двух вместо одного языка: я хочу сказать, если с молоком матери всасываются два языка, а не один. Язык — это то, что всосали с молоком матери, это та часть языка, которая связана с матерью и с наслаждением. Язык сохраняет самую тесную связь с телом, следовательно, в высшей степени нагружен смыслом. Язык — это язык смысла, полный смысла.

Если «язык впитывают с молоком матери», тогда следовало бы поправить популярную испанскую пословицу и вместо того, чтобы говорить: «Кто не плачет, тот не сосет», сказать: «Кто не сосет, тот не говорит»!

Это прекрасный пример, и он напоминает мне о следующем: действительно, если нужно сосать, чтобы говорить, то что же тогда нужно делать, чтобы писать? Письмо же не всасывают с молоком матери. В письме есть нечто от разрыва. Есть разрыв. Вероятно, письмо имеет больше сходства с языком как структурой, чем с материнским языком. Тем не менее, язык, в котором бессознательное производит свои эффекты, — это язык, связанный с телом. Что же означает язык, «связанный с телом», как ни то, что он нагружен смыслом? Когда вещам придают смысл, в центре оказывается тело. Мы придааем смысл в соответствии с телом, которое имеем. Любое вмешательство психоанализа, раскрывающее смысл, остается вмешательством, нагруженным телесность. Вот оно тело, в знании, в чтении текста, в понимании того, что написано и в самом факте восклициания: «Я

Смысл — это тело

понимаю!» Это и есть тело. Знание связано с образом тела. Гегель первым установил телесные и воображаемые основания знания. Следуя гегелевской гипотезе, Лакан придумал концепцию парапоидального знания. Для Лакана любое знание парапоидальное, то есть в любом знании фиксируют и закрепляют объекты мира, приписывая им смысл. И я бы добавил: через образ тела. Поль Валери говорил: «В знание не попадают, не преступив порог тела». Мы бы хотели взять на вооружение эту формулировку.

*

Бессознательное проявляется в языке, но почему Лакан берет более общее определение языка, чтобы концептуализировать систему бессознательного? Почему он выбрал язык?

Что такое структура?

Напомним сначала, что лакановский афоризм родился в эпоху, отмеченную влиянием структурной лингвистики, позиционировавшейся тогда в качестве модели молодой науки, которая должна создать свой объект, язык. Итак, язык так хорошо отвечал критериям, управляющим структурой, что стал архетипом любой структуры. Именно в этой, в высшей степени формальной перспективе лингвистики Лакан возводит концепцию бессознательного в ранг языка, о есть структуры, единство которой — означающий элемент. Бессознательное таким образом удовлетворяет требованиям, которые определяют всякую структуру. Каковы эти требования?

- Структура — это цепочка элементов, отличных друг от друга в своей материальной реальности, но сходных друг с другом в принадлежности к одной и той же совокупности. Эти элементы называются означающими.
- Означающие, соединенные между собой, подчиняются двойному движению связывания (метонимия) и замещения (метафора). Метонимия — это соединение, которое поддерживает связь, как в цепи, одного означающего с другим, одного звена с другим. Благодаря ей в такой-то момент цепь способна делегировать означающее на периферийное место Одного. Что же касается метафоры, она задает механизм замещения, благодаря которому

Знание, которое непрерывно работает...

... и производит означающее

- производится это делегирование, то есть механизм, благодаря которому бессознательное экстериоризируется в форме означающего (метафорического означающего).
- Двойное движение соединения и замещения означающих заставляет структуру бесконечно актуализировать, то есть постоянно помещать один из своих элементов на периферию. Оставшееся незанятым место означающего, которое было оттеснено на периферию, — означающее, которое теперь стало краем и пределом структуры, — это нехватка, вписанная в цепочку. Нехватка, следствием которой является подвижность всей совокупности.

Вот вкратце структурное функционирование бессознательного, такое как у любого языка. Если мы теперь вернемся к положениям, высказанным в первом уроке, прояснив их при помощи структурных критерий, мы можем сказать кратко, что бессознательное — это знание, которое, под действием силы наслаждения, работает как метонимическая цепочка с целью производства результата, метафорического означающего, и следствия, субъекта бессознательного. Вы видите, какая мудрость без конца проявляющейся организации означающих таится в слове «язык». Здесь мы всего лишь транслируем самый что ни на есть повседневный клинический факт, а именно то, что бессознательное — это постоянно активный процесс в форме постоянно обновляемой передачи означающего высказывания.

Это обновление соответствует концепции повторения у Лакана?

Именно. Обновление метафорического означающего вполне соответствует процессу повторения в том виде, в котором мы можем его концептуализировать, согласно Лакану, у которого он проходит под названием *автоматизма повторения*. Внешне эти термины обновления и повторения противоречат друг другу, потому что обновить — это заменить старую вещь другой, новой, тогда как повторить — значит, увидеть новое появление идентичного элемента. Обновить — это заменить, тогда как повторить — это вернуться к тому же самому. Итак, в психоанализе это противоречие всего лишь внешнее при условии признания того,

Повторять —
это снова
и снова
занимать
место Одного

что повторяющееся — это место, место *Одного*, которое последовательно занимают события, чья реальность каждый раз разная. Занимая это место, событие идентифицируется с *Одним*, и тот факт, что оно занимает это место, возлагает на него функцию означающего и сразу же помещает его в метонимической цепочке всех остальных означающих. Как следствие, когда мы говорим о повторении, мы должны понимать, что повторяется *занятие места Одного*. Элемент, находящийся в роли *Одного*, таким образом теряет свою уникальность и становится идентичным элементу, который ему предшествовал, и тому, который за ним последует.

Я настаиваю на этом, поскольку логика автоматизма повторения всегда требует особого усилия мысли. В повторении, таким образом, нужно рассматривать два места, место *Одного*, занятое произошедшим событием — симптомом, например — а затем второе место, виртуальное, место цепочки означающих, в которой теперь расположилось событие, ранее занимавшее место *Одного*. Когда оно занимает место *Одного*, оно — единственное, отождествленное с *Одним*, когда оно располагается среди других в цепочке, оно — одно означающее среди прочих. Каждый раз, когда элемент — симптом или любое другое проявление бессознательного — занимает место *Одного*, тут же открывается прошлое уже произошедших повторений и будущее повторений, которые произойдут.

Возьмем нашу формулировку из первого урока, согласно которой симптом возникает, он возвещает повторение будущих симптомов и напоминает, что он является повторением уже прошедших симптомов. Возникающий симптом занимает место *Одного*, который задает предел, тогда как другие симптомы, прошлые и будущие, представляют метонимическую цепочку. Если я объединяю последовательность уже прошедших симптомов и последовательность будущих симптомов и абстрагирую их, образуя общую совокупность, тогда я снова сталкиваюсь с двумя инстанциями: единственный действительный симптом и виртуальное множество симптомов, прошлых и будущих. Я бы сказал, что бессознательное — это бесконечная, но ограниченная цепочка. Бес-

«Смещение означающего можно сравнивать с чередованием световой рекламы... в силу его перемежающегося функционирования»
Ж.Л.

конечная, потому что бесконечно активная в производстве метафоры, и ограниченная в действии произведенной метафорой. Цепочка не остается неподвижной, но смещается в перемежающемся и повторяющемся движении. Сегодня появляется такое высказывание, такой симптом, но завтра на том же месте, на месте Одного возникнет другой симптом. Когда сказанное уже будет забыто, появится иной симптом, но всегда на одном и том же месте Одного.

Рис. 2. Бессознательное существует только в акте говорения

Можно резюмировать логику повторения при помощи схемы (рисунок 2), в которой пример события, выполняющего функцию Одного, — это *говорение* (*dit*), производимое пациентом безотчетно, а цепочка других означающих представлена множеством *высказываний* (*dires*). Говорение обозначает акт произнесения высказываний; высказывание же означает то, что будет высказано, то, что, возможно, однажды должно высказаться, или же то, что уже было высказано. Именно высказывания, ожидающие того, чтобы быть высказанными, или уже высказанные остаются в виртуальном или бессознательном состоянии. Сейчас я произношу высказывание, но я не знаю, когда и где появится следующее высказывание; возможно, оно застанет меня врасплох во сне этой ночью или проявится в каком-то завтрашнем событии. Одним словом, *высказывание* (*dire*) можно определить как еще не произведенное говорение или говорение, уже произведенное в прошлом и ожидающие того, чтобы возникнуть снова, тогда как *говорение* (*dit*) имеет ценность акта; это акт говорения. Говорение — это всегда акт, тогда как высказы-

вание оказывается подвешенным в виртуальности прошлого и ожидания. Нам следовало бы точнее это сформулировать, добавив, что говорение — это, конечно, акт, но такой, который конденсирует в себе одном, дискретным образом, всю совокупность цепочки бессознательных высказываний. Так, мы можем утверждать, что означающее говорение — это запуск в действие бессознательного, или же что бессознательное существует в акте говорения. Чтобы завершить тему, я должен напомнить, что логика пары высказывания/говорение может быть переведена во фрейдовскую терминологию при помощи пары: вытесненные представления/возвращение вытесненного. Что позволяет нам утверждать, что говорение — это попросту возвращение вытесненных высказываний. (8)

Бессознательное существует в акте говорения, оно, таким образом, сводится к говорению; и в то же время оно структурировано как язык, оно имеет масштаб структуры. Нет ли здесь противоречия?

Эти две формулы нисколько не противоречат друг другу. Когда бессознательное существует, оно существует только в акте говорения, ни до, ни после; тогда как бессознательное, взятое как структура, предполагается после того, как был постулирован акт. Когда мы вслед за Лаканом утверждаем, что бессознательное — это знание, структурированное как язык, то речь идет именно о такой структуре, предполагаемой, исходя из говорения. Сформулируем точнее, бессознательное — это актуализированная структура, запущенная в действие говорением, имеющая свойства означающего. Бессознательное, таким образом, принадлежит как к порядку Одного — это говорение, которое актуализируется, так и к порядку структуры — это цепочка, которая ее образует: бессознательное — это одновременно и говорение, и множество.

Когда вы говорите, что бессознательное существует в действии, как следует понимать слово «существование»?

Сначала нужно понять, что бессознательное — это множество, ограниченное элементом, который был изъят из его

ткани. Если мы допустим пару *множество и элемент*, изъятый из этого множества и появляющийся на его краю, мы можем определить структуру бессознательного как множество минут 1, ограниченное этим 1. То есть это будет множество с зиянием внутри, но очерченное границей. Элемент S1 всегда будет лишней или недостающей единицей. Что это значит лишней или недостающей? Это означает, что единица всегда находится вне множества. Таким образом, лишняя это единица или недостающая, зависит от того, с какой точки мы смотрим на множество. Если мы видим его, рассматривая его внутреннюю ткань, мы скажем, что одного элемента не достает: на 1 меньше. Если же наоборот мы смотрим на него как бы с высоты птичьего полета, то есть с точки зрения его протяженности и краев, мы бы сказали, что недостающая внутри единица теперь размещается в качестве границы, которая окружает и ограничивает множество: на 1 больше, подобно краю, который очерчивает контур, или черте на письме (рис. 3).

Именно концепция существования прежде всего транслирует тот факт, что элемент S1 — это внешний предел структуры. Эк-зистенция всегда возникает из порядка Одного и из порядка экстериорности. (9). Один «эк-зистирует» и тем самым заставляет существовать (exister) все множество, то есть он необходим образом закрепляет множество, чтобы оно оставалось связной и структурированной цепочкой. Один эк-зеститует, чтобы множество не распадалось. Эта манера писать «эк-зестировать» восходит к Хайдеггеру, но Лакан берет его, чтобы придать исключительный статус понятию существования. Слово «эк-зистенция», таким образом, означает, во-первых, что это уникальный и внеположный элемент, во-вторых, что этот элемент является заместителем множества, и, в-третьих, что множество организуется как связная ткань, в которой не хватает одной нити (есть прореха), ставшей ее краем. Именно такой логики должен придерживаться психоаналитик. Необходимо, чтобы что-то находилось вовне, чтобы удержать все остальное вместе.

«Чтобы что-то существовало, где-нибудь должно быть зияние» Ж.Л.

«Эта экстериорность символического по отношению к человеку заложена в самом понятии бессознательного» Ж.Л.

Эта логическая схема может применяться к различным конфигурациям, например к мифу об Патриархе первобытного рода, который Фрейд излагает в своей книге «Тотем и табу». Сыновья должны убить патриарха и торжественно его «поглотить», чтобы сохраниться в качестве клана. Необходимо вывести *Один* вовне, чтобы оставаться вместе под его эгидой. Итак, исключают именно отца. Фигура отца — один из самых примечательных прототипов исключения. Именно по этой причине отцу обычно так трудно взять на себя отцовскую функцию, отцовское место исключения.

*

В логике бессознательного мы, таким образом, имеем два термина, экзистенция *Одного* и единство других. К этой элементарной паре следует сделать одно дополнение — зияние. Структурная конфигурация бессознательного, таким образом, отсылает к триаде, зияние, экзистенция и единство. Что касается зияния, его можно определить как место, которое *Один* — ставший теперь внешней границей — больше не занимает. Зияние — это нехватка, оставленная *Одним*, который «отправился» занять место на краю сети (рисунок 3). Вспомним здесь, что зияние позволяет осуществлять передвижение и перемещение единиц сети. Так же как *Один* обеспечивает единство множества, зияние обеспечивает его динамику. Чтобы по-настоящему закончить эту логическую схему, я должен был бы добавить еще и четвертый элемент — может быть, самый важный из всех — субъект бессознательного, термин на котором я подробно остановлюсь в последующих уроках. Скажем предварительно, что субъект бессознательного — это эффект, который производится, когда вся структура приходит в движение.

Теперь вы видите разнообразие концептуальных аппаратов, которые мы использовали для того, чтобы очертить одну и ту же трудность осмыслиения бессознательного одновременно и как *Одного*, и как множества означающих минус этот *Один*, множества, внутри которого есть зияние, образованное нехваткой *Одного*. Мы с успехом использовали

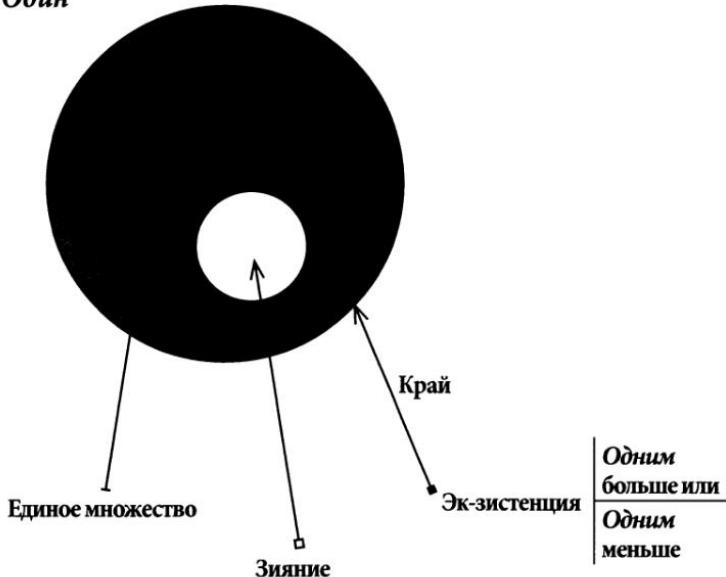
различные концептуальные пары: метафора и метонимия, *Один* и цепочка, предел и бесконечная цепочка, говорение и высказывания, возвращение вытесненного и вытесненные презентации, означающая пара S1/S2 и, наконец, акт и бессознательное. Заметим, что второй член каждой из пар — метонимия, цепочка, бесконечная цепочка, высказывания, вытесненные презентации, S2 и бессознательное как структура — следует представлять как сеть, в которой есть разрыв. Этот разрыв — свободное место, оставленное означающим, отправившимся временно занять место *Одного*.

Итак, все эти концептуальные подходы могут быть сведены к самому невинному вопросу. Если говорение объявляет о будущих высказываниях и повторяет прошлые, можно задать вопрос: «Но где находятся мои прошлые сны? И будущие? Где располагается мое прошлое?». Это не только наш вопрос, но и вопрос, которым задавались философы, например Хайдеггер. Для нас вопрос о прошлом — это способ задать вопрос о бессознательном: где находится бессознательное? Но Лакан не задается вопросом о том, где находится бессознательное, но скорее вопросом, как бессознательное организовано. На первом этапе он предположил: «Бессознательное структурировано как язык», но этого было недостаточно. Он продолжил, сказав: бессознательное должно обязательно подчиняться логике. А если бы его тогда спросили, какой логике, он бы ответил: логике означающих. А мы, запримившись, могли бы продолжить спрашивать о том, где эти означающие? Не важно, ответил бы он. Подобным образом работают ученые: идут вперед, не требуя точного определения вещей. Когда возникает неразрешимая проблема, они убирают ее со своего пути и дают ей имя, продолжая поиски. Я полагаю, что демарш Лакана следует такой же логике. Лакан не задается вопросом, как это сделал бы метафизик, о природе прошлого, будущего или времени в целом, он идет тем же путем, каким принято идти в науке. Он заменяет вопрос «где» на вопрос «как», а задавшись вопросом «как», дает имя и производит формализацию. Возникает проблема, оказывается, что у нее нет решения, и тогда ей присваивается какая-то буква и дается имя. И при помощи этого

Где мои прошлые и будущие сны?

имени работа продолжается до тех пор, пока не удается прояснить непонимание. Анри Пуанкаре всегда напоминал, что самый трудный шаг на пути исследований — в нужный момент дать правильное название тупикам.

Рисунок 3. Матрица структуры: множество, зияние, Один

Вместо того, чтобы вернуться к фрейдовским терминам вытесненного и возвращения вытесненного, Лакан предпочитает именовать и, в особенности, писать. Он формализует, присваивает буквы, цифры и имена. Имя всегда подразумевает письмо. Но что он пишет? Говорение он маркирует как S1, потому что 1 — это всегда 1; и S, поскольку это означающее. Тогда как множество высказываний, элементов связанных между собой в цепочку и вытесненных, он обозначает S2. Таким образом формализация и запись наших концепций равнозначна утверждению: «Начнем все сначала, забыв о смысле слов». При помощи этих двух обозначений S1 и S2 мы работаем в самом сердце логики. Мы забываем значение каждого термина, но не забываем, что S1 принадлежит к области Одного, а S2 — к области множества. Мы таким обра-

*«Удивление, которое думает, говорит вопросы»
M. Хайдегер*

зом обрисовываем строгую логику отношений между Одним и множеством. Один находится с множеством в отношениях исключения.

В начале мы невинны, удивлены и задаем себе самые простые вопросы — о месте бессознательного, об этом «где» — затем мы оперируем формальными именами, такими как S1 и S2, до тех пор, пока мы не спросим снова: но какова связь всех этих концептуальных имен с простыми вопросами, которые я себе задаю? Ментальная работа аналитика в этом и заключается: переходить от самых простых вопросов к крайне формальным концепциям — означающие, субъект, объект *a* и т. д. — чтобы затем снова возвращаться к простым вопросам.

Какое влияние оказала логика, позволившая формализовать поле бессознательного?

Я уже уточнял, что мы не являемся ни логиками, ни лингвистами, но что, тем не менее, необходимо изучать фундаментальные тексты логиков, брать оттуда все положения, которые могли бы прояснить наше поле, при этом ни в коем случае не отказываясь от неоспоримого приоритета клинической практики. Конечно, аналитический дискурс отличается от научного дискурса, но психоанализ должен всегда внимательно относиться к тому, чему его могут научить другие дисциплины в плане осмыслиения его опыта с пациентами. Например, часто можно констатировать следующий клинический факт: пациент во время разговора произносит неожиданное слово, резко останавливается и восклицает: «Мне бы и в голову не пришло!». Это удивление, которое, как мы видели, указывает на означающее качество слова, тут же подталкивает пациента к вопросу о том, как же это слово могло у него вырваться: «Каким образом во мне возникло это слово и спрашивает меня?». Исходя из этого клинического факта субъекта, говорящего больше того, что он знает и хотел сказать, психоанализ учреждает теорию пары означающих S1/S2, которая показывает, как мы изложили, каким образом означающее активизирует бессознательное.

Итак, вы у меня спрашиваете, чему нас может научить логика в том, что касается динамического отношения между означающим и цепочкой бессознательных означающих? Возможный ответ на ваш вопрос — кратко напомнить о трех влияниях, которые лакановская теория получила в области логики. Я имею в виду аксиоматику Пеано, логику Фреге и теорию множеств, в особенности теории Кантора. Эти три логические концепции, которые позволяют нам иначе подойти к проблеме означающего и которым я посвятил другие мои работы. Аксиоматика Пеано рассматривает, в рамках серии чисел, проблему места нуля и его последователя (10). Кантор объясняет нам одновременно бесконечный и ограниченный характер множества, согласно двумя принципам, которые он предлагает: принципу порождения и принципу перехода к пределу. И наконец, Фреге⁴, установив различие между концепцией и объектом, позволил Лакану лучше формализовать статусы субъекта и означающего. Я не утверждаю, что мы строго применяем эти принципы к области анализа. Я скорее говорю, что мы ими пользуемся. И именно в этом много раз упрекали Лакана — что он пользуется концепциями, позаимствованными из смежных дисциплин, модифицируя их в соответствии с правилами, свойственными психоанализу. Для того, чтобы заставить работать концепцию, импортированную в область психоанализа, ее необходимо переработать даже ценой лишения ее первоначальной специфики. Я имею в виду, например, совершенно особенное применение, которое Лакан находит для логических кванторов, чтобы передать специфику отношений мужчины и женщины перед лицом фаллической функции (формулы сексуации). Есть два основных логических квантора, один из которых называется «существование», второй — «всеобщий». Один пишется как перевернутое Е (\exists), второй представляет собой перевернутое А (\forall). При этом в логике нет символа для отрицания квантора. Однако Лакан придумал черту над каждым из двух символов для того, чтобы указать на отрицание кванторов ($\bar{\forall}$) ($\bar{\exists}$).

4 В отношении Фреге читатель может обратиться к главе 6 в конце этой книги.

Вы видите, что это совершенно особый способ понимания циркуляции концепций из одной дисциплины внутри другой. Вернемся к случаю лакановской теории, призванной показать — при помощи борромеева узла — тесную связь между реальным, символическим и воображаемым. Кажется, что в этом случае Лакан не только импортировал и переработал концепцию из области столь далекой от психоанализа, как теория узлов, но и обогатил эту сравнительно молодую область топологии.

Среди многочисленных примеров заимствованных концепций наиболее известный — пример понятия означающего, позаимствованного у Соссюра, понимание которого в психоанализе при этом радикально отличается от его понимания в лингвистике. Несколько лет назад один лингвист упрекнул Лакана в том, что тот неправильно использует термин «означающее» и что, наверняка, он лишь поверхностно читал работы Соссюра — по диагонали. Я вполне могу представить себе воображаемый ответ Лакана: по диагонали! Нужно договориться о том, что для вас означает чтение по диагонали. Если читать по диагонали означает поверхностное чтение, я просто отвергаю ваши обвинения. Если же, наоборот, это означает, что я применил систему диагонали, чтобы установить связь между множеством и порядком, то есть ту же самую систему, которая дала возможность Кантору открыть трансфинитные числа, тогда да, я, по-видимому, читал Соссюра по диагонали для того, чтобы заложить основы психоаналитической концепции означающего.

И этот ответ был бы справедливым, потому что Кантор использовал метод, который называют счетом по диагонали, чтобы показать, что объединение нескольких несчетных множеств само по себе является несчетным. Он ввел символ, \aleph_0 алеф ноль (алеф, первая буква еврейского алфавита с индексом 0), как обозначение кардинального числа несчетных множеств или же как самое маленькое трансфинитное кардинальное число. Именно так прочтение по диагонали дало возможность Георгу Кантору придумать новый элемент. И зная о Канторе, Лакан в моем воображаемом диалоге добавил бы: если ваше замечание означает, что мое прочтение

Соссюра по диагонали, следуя методу счета по диагонали Кантора, привело меня к изобретению нового элемента, то тогда ваше замечание справедливо, потому что той концепции означающего, которую я создал, у Соссюра нет, это совершенно новое изобретение.

Вы поняли, что с эпистемологической точки зрения существует необъятное поле для изучения отношений между циркуляции концепций из одной дисциплины в другую и удивительной плодотворности новых идей, которые получаются в результате.

Субъект следует по сети символического...: и это не только субъект, но субъекты, взятые в их интерсубъективности, занимают очередь (...) Перемещение означающего определяет субъектов в их действиях, их судьбе, отказах, ослеплении, в их успехе и везении, независимо от их врожденных талантов и социальных приобретений, безотносительно к их характеру и полу, и которые волей-неволей следуют за движением означающего...

Ж. Лакан

Учитывая все сказанное, я хотел бы вернуться к логике пары означающих и сделать из нее первый вывод, очень важный для нашей работы с пациентами. Если мы принимаем постулат, что означающее всегда остается артикулированным для цепочки означающих, то как это скажется на нашей практике? Дело в том, что означающее не предназначено для кого-то, а «предназначено» для других означающих, с которыми оно ассоциируется и ведет свою собственную жизнь означающего. По сути дела, означающее соединяется с другим означающим вне зависимости от того факта, что я его произношу или испытываю его воздействие.

Означающее никому не адресуется

Я хотел бы проиллюстрировать на одном примере лакановскую формулировку, согласно которой означающее является означающим только для другого означающего. Снова возьмем пример симптома; рассмотрим его в означающем аспекте, отделив от аспекта знакового. Я вспоминаю о пациенте, который обратился ко мне, потому что непроизвольно краснел при виде молодой и привлекательной женщины. В этот момент он чувствовал, как его лицо начинает пылать

жаром, он краснеет и вынужден бежать и прятаться. Это так называемая эритрофобия. Наш пациент рассказывал, что, когда он сидел в кафе и внезапно замечал хорошенькую женщину на расстоянии трех столиков от него, он чувствовал, как краснеет, и ощущал тревогу от того, что это происходит у всех на виду. Конечно же, с точки зрения психопатологии эритрофобия — это симптом с фобической структурой. Но с нашей психоаналитической точки зрения что есть в эритрофобии от симптома? Что здесь интересует аналитика? Во-первых, то, как пациент рассказывает о происходящем, какие слова использует и какие метафоры придумывает. Затем оговорки, ошибки и промахи, которые всплывают в рассказе о его расстройстве. И наконец, то, что касается нас как практиков — напомню вам об одной из характеристик, которую мы выделили при определении симптома, — это то, что аналитик является его частью, что для нас особенно важно увидеть в себе эффекты данного симптома. Говоря вам сейчас об этом пациенте, я спонтанно, сам того не замечая, касаюсь руками щек. Может быть, этот жест только демонстрирует мое объяснение, но, возможно, он напрямую связан с симптомом эритрофобии, на которую жалуется пациент. Даже этот спонтанный жест, проделанный перед вами, может приобретать ценность означающего, связанного с означающими бессознательного моего пациента. Что означает высказывание, что этот жест приобретает ценность означающего? Оно означает, что независимо от меня и от этого пациента жест моих рук и тревожная краска на его лице оказались соединены связью, внешней по отношению к нашим личностям. Иными словами, я не знаю, и пациент тоже не знает, как его бессознательное желание повторяется через мое желание.

Означающее отсекает от субъекта к субъекту

Эта позиция аналитика, которую я занимаю перед вами, не только включив себя в симптом пациента, но в особенности признавая ценность этого симптома как означающего, на самом деле, полностью противоположна фигуре врача, который воспринимает румянец на лице как знак и говорит: «О, да он покраснел как пенис!». Или который, увидев рисунок ребенка, на котором изображена мачта корабля, воскликнул бы: «Это фаллос». Представим себе другую, более тонкую интер-

претацию эритрофобии. «Этот симптом, — подумает другой врач — в действительности представляет женскую позицию по отношению к отцу». Этот аналитик мог бы объяснить, каким образом он пришел к такому выводу, который, на самом деле, гораздо строже и точнее предшествующей карикатурной интерпретации. Но даже в этом случае, при такой разработке интерпретации, аналитик все равно воспринимает симптом как знак, а не как означающее. Почему? Потому что он интерпретировал симптом, придав ему смысл. Но тогда, скажите вы мне, какую позицию должны мы занять в отношении симптома как означающего? Единственной реакцией, которая свидетельствовала бы об означающем воздействии симптома, было бы удивление. Психоаналитик, затронутый означающим, теряет дар речи, осмысленный взгляд, становится молчаливым и озадаченным. Если захотите узнать, когда вы восприняли симптом как означающее, а не как знак, есть только один признак — охватившее вас удивление.

Я настаиваю на том, что означающее — то, что сопротивляется любому смыслу; означающее никоим образом не предназначено для того, чтобы приобрести смысл, даже тот, который производится самой точной из интерпретаций. Означающее проходит через субъектов насквозь и выходит по ту сторону смысла, который аналитик или пациент могут ему приписать.

Но я уже слышу ваш вопрос: «Если симптом-означающее сопротивляется любому смыслу, включая смысл самой точной из интерпретаций, и таким образом остается недоступным, тогда как можно надеяться на какое бы то ни было облегчение для нашего пациента?». На это я вам отвечу, что способ лечения симптома-означающего — замещение его другим означающим, и что лучшая интерпретация, которую может дать аналитик, работает не через тот смысл, который она открывает, но через то место означающего, которое она занимает. Точно так же, как удивление у аналитика — бесспорный признак того следа, который в нем оставил означающий аспект симптома, удивление у пациента — бесспорный признак означающего воздействия интерпретации.

«Перемещение означающих определяет субъектов...»
Ж.Л.

Интерпретация — это означающее, которое встраивается в цепочку бессознательного

Неуловимый характер означающего снова поднимает проблему того, как психоаналитик выслушивает пациента. Вот карикатурное возражение со стороны человека, который слишком буквально понимает власть означающего: «Хорошо, — говорит он мне, — если означающее повторяется совершенно самостоятельно, если оно связано с цепочкой, противляется любому раскрытию смысла, выходит за рамки знания или мысли, аналитику остается только спать в своем кресле, потому что в любом случае означающее само пройдет себе дорогу». На самом деле, это возражение, касающееся функции психоаналитика, в связи с нашей концепцией означающего возможно. Я бы ответил, что, строго говоря, функция аналитика заключается в том, чтобы поддерживать и обеспечивать мобильность повторения. В конечном счете функция аналитика — создавать благоприятные условия для обновления означающего, разместившегося на месте *Одного*. Ибо даже если бессознательное автоматически активно, даже если автоматизм повторения неуклонен, он может столкнуться с помехой, возникающей когда конкретное означающее залипает на месте *Одного* — это случай навязчивого симптома — или когда наслаждение переполняет место *Одного* и создает застой в системе означающих — это случай психосоматической болезни⁵. Иначе говоря, аналитик обеспечивает беспрепятственное повторение означающих, текущесть желания. И вопрос именно в том, какие жесты, действия, реплики и реакции должен осуществлять аналитик в каждом случае, чтобы выполнить свою функцию сопровождения, сохранения и поддержки желания во время терапии.

Вот те последствия для клинической практики, которые я хотел бы извлечь из лакановской теории означающего. Можно напомнить абстрактное определение означающего: «Означающее — это то, что представляет субъект для других означающих»; его можно еще дальше углублять и перерабатывать, но никогда не следует терять из виду его клиническое воздействие. Как только вы интерпретируете означающее, то

⁵ Пример из клинической практики для этой власти наслаждения над означающим S1 приводится в пятом уроке.

есть как только вы наделяете его смыслом, оно прекращает быть означающим и становится знаком. Но если уж быть совсем строгим, мне нужно скорректировать последнюю формулировку. Я не хочу сказать, что означающее внутренне перестает быть означающим, потому что ему дали интерпретацию. Нет. Означающее как бы то ни было остается означающим, но в тот момент, когда вы его интерпретируете, вы трансформируете его в знак *для вас*. Потому что как только означающее становится означающим *для кого-то*, оно перестает быть означающим и становится знаком.

Но внутренне оно продолжает быть означающим?

Абсолютно верно. Именно по этой причине мы можем утверждать, что у симптома две стороны: сторона означающих без нас и сторона знака с нами. Но поймите меня правильно. Какими бы радикально гетерогенными они ни были, эти стороны не существуют одна без другой, я хочу сказать, что означающее возникает только на фоне смысла. Означающее может жить своей собственной жизнью вне нас, тогда и только тогда, когда мы считаем его знаком, который с нами говорит. Конечно, я отдаю предпочтение ценности означающего в симптоме пациента и интерпретации психоанализика, но эта ценность выделяется только тогда, когда мы активно помогаем производству смысла в анализе. Симптом всегда поддается интерпретации. Всегда можно наделить его смыслом, и первым этим смыслом его наделяет сам пациент, который от него страдает. А если случается, что пациент не производит смысла, не ищет причину своих страданий, тогда целесообразно — мы настаивали на этом с первого урока — расспросить и задать ему вопрос: «Как вы сами истолковываете то, что с вами происходит?», «Какова, по-вашему, причина ваших страданий?». Я ставлю эти вопросы не только в ходе предварительных бесед, но в особенности в те периоды терапии, когда пациент, кажется, привык к монотонности ритуала, что во время анализа у него больше не появляется желания. Пациент приходит и говорит, но говорит с отсутствующим видом, а аналитик тоже слушает с отсутствующим видом. Именно такого рода ситуации я имею в виду, когда говорю о необходимости побудить пациента

Означающее действует...

... только будучи погружено в смысл

воспринимать свой симптом в качестве знака, произвести смысл и построить теорию о том, из-за чего он страдает. Заметим еще, что в той мере, в какой он говорит и объясняется, устанавливается и развивается любовь переноса. Любовь в анализе — одна из главных фигур смысла, который питается знаками. Чем больше говорят в поисках смысла, тем больше любят того, с кем говорят. Короче говоря, чтобы симптом имел вес означающего, необходимо, чтобы терапевт поддерживал и благоприятствовал смыслу, который образует сам этот симптом, когда его рассматривают в качестве знака. Означающее действует, только будучи пропитанным смыслом.

Теперь я хотел бы обратиться к означающему не с точки зрения его отношений со смыслом, но с точки зрения его связи с другими означающими. Когда мы утверждаем, что означающее ведет свою собственную автономную жизнь, которая пронизывает нас без нашего ведома, или же что оно соединяется с другими означающими, мы хотим подчеркнуть факт повторения. Так, в стрелке, указывающей, что S1 — означающее для других означающих S2 ($S1 \rightarrow S2$) мы имеем графическое представление феномена повторения. Думаю, вы поняли на примере жестикуляции в случае с пациентом, страдающим от эритрофобии, что процесс повторения не ограничивается одним человеком, но разворачивается в пространстве связи одного человека с другим, как если бы означающее отскакивало от одного субъекта к другому. В той мере, в которой мой страдающий фобией пациент поддерживает перенос с аналитиком, которым я являюсь, может случиться так, что повторение его симптома произойдет у меня самого и проявится в форме спонтанного жеста, подобного только что имевшему место. Метонимическая цепочка бессознательных означающих общая для нас обоих, тогда как место Одного для метафорического означающего сменило своего носителя: до того это был он, а в тот момент им стал я.

Если мы понимаем, как работает бессознательное, мы признаем, что повторение — это не явление, ограничива-

ющееся воображаемой единицей, называемой индивидом. Благодаря этой логической концепции бессознательного, существующего между двумя субъектами, мы порвали с тремя интуитивными предрассудками: хронологическим временем, евклидовым пространством и отдельным индивидом. Если мы работаем над понятием бессознательного, если мы продумываем его снова и снова и если с его помощью мы проясняем нашу практику, мы последовательно уничтожаем в себе эти предрассудки хронологического времени, евклидова пространства и отдельного индивида. Мы больше не рассуждаем ни в категориях личностей, ни в категориях прошедшего, настоящего и будущего времени, ни тем более в категориях пространства как резервуара для того, чтобы указать место бессознательного. Мы должны учиться думать иначе. По мере того, как мы развиваемся как врачи и по мере того, как наше умение слушать пациента совершенствуется, мы сталкиваемся с этой попыткой мыслить бессознательное вне времени, пространства и личности.

Лакан не единственный автор, боровшийся за то, чтобы порвать с этими предрассудками у психоаналитиков. Я в частности имею в виду Биона, который, иначе чем Лакан, поднимал вопрос о времени и пространстве в психоанализе. Два вопроса проходят через все творчество этого англосаксонского психоаналитика: в какое время у терапевта возникает интерпретация и в какое время, в каком пространстве интерпретативное высказывание оказывает действие на пациента? Бион даже задается вопросом о том, не следует ли представлять пространство анализа как «галактическое пространство». Я бы хотел, чтобы он углубил понимание этих вопросов, но думаю, что сам факт того, что они были сформулированы, уже имеет большое значение. Как вы видите, эти вопросы, переворачивающие интуитивные представления о времени и пространстве в анализе, возникают не только в связи лакановским подходом. Я полагаю, что они внутренне присущи работе психоаналитиков. Я хотел, чтобы вы почувствовали, насколько эта проблематика не является произвольной, спекулятивной или абстрактной. Она возникает, например, когда мы затем себе вопросы о связи

Бессознательное существует вне времени, места и личности

нашой клинической работы с пациентами и преподавания. Какая связь, в действительности, существует между тем, что я сейчас вам преподаю, и тем пациентом, который рассказывал мне о эритрофобии? Какие отношения установить между тем, что я излагаю сегодня именно этот клинический факт, и опытом переноса у этого пациента? В географическом отношении нас сейчас разделяет океан, он во Франции, я в Колумбии, и в то же время с психической точки зрения мы связаны самым интимным образом. В хронологическом времени существует разрыв в несколько лет, поскольку прошло два года с тех пор, как пациент рассказывал мне о своем симптоме, и, тем не менее, вспоминая сегодня его случай и изображая, как я смог это сделать, его жест с руками, поднесеннымми к лицу, я испытал такую силу присутствия, которая выходит за рамки и поворачивает вспять время на часах. Как различить то, что внутри, и то, что снаружи терапии? Где настоящее, а где прошлое в анализе?

Каковы признаки того, что симптом, подобный эритрофобии, повторяется у аналитика?

Мне кажется, что я вам ответил: когда при рассказе о пациенте и идентификации с ним, как я это сейчас сделал, у нас повторяется один из его симптомов. Когда много лет работаешь аналитиком, начинаешь это замечать: кто-то лежит перед вами, говорит и жалуется. Мы его выслушиваем худобедно и пытаемся осветить путь, по которому он пошел. Но порой в самые напряженные моменты терапии, аналитик с удивлением обнаруживает, что означающие из жизни пациента повторяются в нем самом. Жизнь аналитика изрешечена возвращением симптомов его пациентов. Вы увидите, насколько точен ваш вопрос. Существуют разные модальности повторения симптомов пациента у психоаналитика, например, этот жест, который я сделал перед вами и который Фрейд, возможно, сразу же счел идентификацией с пациентом.

Мы сказали, что симптом — это акт, масштаб которого неизвестен: но как только он повторился, можем ли мы предсказать, где произойдет его новое появление? Можно ли

проследить за движением этого означающего, которое появляется у одного, исчезает, потом появляется у другого? Нет. Никогда по-настоящему нельзя проследить за движением означающего. Если бы за ним следили, означающее, конечно, само по себе оставалось бы автономным в своих передвижениях, но для нас оно бы сразу же превратилось в знак. И это не просто фигура речи. Это как если бы я вам сказал: «Давайте интерпретировать, думать, придавать вещам смысл, но не будем забывать, что за рамками того смысла, который мы им приписываем, вещи продолжают жить сами по себе». Полагаю, что именно по этой причине повторение у аналитика симптома пациента может актуализироваться в случае обучения, такового вот семинара, как этот, или жеста, который я проделал, или же в рамках терапии, в факте того, что удалось сформулировать удачную интерпретацию.

Если я думаю, что работа с моими пациентами, например, находится у истоков моей деятельности преподавателя, тот час же возникает вопрос: в случае преподавания мы находимся внутри или вне поля психоанализа? Где граница, отделяющая внутреннее от внешнего? Когда можно говорить, что такой границы больше нет? Психоаналитик не должен думать, что мир его пациентов ограничивается стенами его кабинета, или что, когда он выходит из кабинета, он оставляет это место проявления симптомов. Ни в коей мере. Но следует ли в таком случае заключить, что, не имея больше барьеров, аналитик живет исключительно в мире психоанализа? Верно, что во вселенной означающих нет границ и что аналитик, как любой субъект, им пронизан. Однако существует один совершенно особый фильтр, который регулирует воздействие означающего. Я имею в виду партнера в жизни терапевта. Супруг по сути дела является решающим персонажем, который выполняет функцию психических стен, проницаемых и регулируемых перегородок, которые ставят заслон повторению симптомов пациента у психоаналитика. Партнер аналитика, таким образом, действует на манер барьера, позволяющего смягчить избыток напряжения, вызванного выслушиванием пациента.

*

«Нет метаязыка, на котором можно было бы говорить»
Ж.Л.

Вы видите, что, если мы принимаем идею бессознательного как повторения означающих, мы понимаем функцию психоаналитика и отражение означающих в его жизни совершенно новым образом. Именно по этой причине можно вместе с Лаканом утверждать, что метаязык не существует. Что означает эта фраза? Что нет метаязыка или языка-объекта. По сути дела, как только язык хочет экстериоризироваться и начать говорить о языке-объекте, он терпит неудачу. Ему никогда не удается полностью замкнуться. Метаязык не может избежать провала, который открывает любой язык вовне; и поэтому ему не удается охватить и удержать в себе предположительный язык-объект.

Зачем этот комментарий о метаязыке? За тем, чтобы передать следующее: нельзя говорить о бессознательном, не признавая того, что оно воздействует на вас самих. Что мы имеем в виду? Что мы не можем говорить о бессознательном так, как будто оно нас никак не затрагивает. Что если мы признаем активный характер бессознательного, его способность постоянно производить эффекты, мы также признаем его способность воздействовать на любую речь и, в первую очередь, на нашу речь о бессознательном. То есть, если психоаналитик говорит о бессознательном с отстраненным видом, без какого бы то ни было личного отношения, будьте уверены, он говорит не о бессознательном. «Метаязыка не существует» не означает, что нет языка, якобы, внешнего и закрытого, который бы ссылался на бессознательное и при этом бессознательное оставляло бы его в целости и сохранности. Любой язык — язык, уязвимый для проявления эффектов бессознательного. Нет речи, которая не была бы затронута бессознательным. Я имею в виду полную, весомую речь. «Метаязыка не существует» означает: нет способа говорить о бессознательном при помощи слов, которые имели бы вес, так, чтобы эта речь сама не оказалась под воздействием бессознательного.

Подчеркнем, что тезис о метаязыке — это достижение логики; в действительности именно логики придумали различие между языком-объектом и метаязыком. Но если логик занимается формальным построением пропозиции,

психоаналитик задается вопросом: как та же самая пропозиция затронута бессознательным? Там, где логик провел бы работу по логической формализации пропозиций, аналитик бы спросил себя: что за субъект говорит за этими пропозициями?

*

Различие между психоанализом и наукой состоит в том, что психоанализ воспринимает субъекта как материал, к которым он работает, тогда как наука в принципе исключает субъекта, отвергает его (*forclot*). Дискурс науки отвергает субъекта, то есть не задает себе вопросов о желании ученого и игнорирует воздействие, которое оказывает на исследователя объект его исследований. Помимо того факта, что формулу создают ученые, наука прежде всего заинтересована в том, чтобы строго следовать методу, при помощи которого разрабатывается формула независимо от тех, кто его создал. Со строгой формальной точки зрения не имеет значения, кто именно осуществил прогресс в вычислениях. Как вы видите, вычисления — очень хороший пример означающего, но (*внимание!*) означающего без субъекта. Почему без субъекта? Потому что вычисления — это не означающее в аналитическом смысле слова, то есть, это не акт, непонятый тем, кто его постулирует. В вычислениях нас интересует то, что они развиваются и тем самым позволяют создавать новые элементы. Различие между означающим как вычислением и тем означающим, о котором мы говорим, в том, что за означающим как научной формулой не стоит субъект. Наоборот, за всеми означающими, с которыми мы сталкиваемся в ходе терапии, несмотря на их характер нонсенса, психоанализ находит субъекта. Для нас нет означающих без субъекта, для науки, наоборот, означающее исключает субъекта.

Когда вы говорите о субъекте, о каком субъекте идет речь? Это субъект бессознательного по Лакану?

Нет означающего без субъекта

Да. Именно так. Психоаналитики, с их точки зрения, рассматривают научный дискурс как исключающий и отвергающий (*forclot*) субъекта. Тогда можно сказать, что «отверженный субъект», это субъект, отсутствующий в дискурсе науки. Итак, вы меня спрашиваете, о каком субъекте идет

речь. Идет ли речь об индивиде? Нет. Я уже показал, что моя единица индивида подрывается концепцией бессознательного. Тогда нужно подумать о другом статусе «индивидуа», отличном от индивида как такового, которого мы обычно понимаем как человека, имеющего определенное имя и определенное тело. Каков этот иной статус «индивидуа», который не является ни личностью, ни «я», и который, как я утверждаю, находится в центре нашей работы аналитиков, при этом отсутствуя в дискурсе науки? Это «субъект бессознательного», открытый Лаканом. Более подробную разработку этой ключевой концепции лакановской теории вы можете найти в моем выступлении, полностью посвященном проблеме субъекта.

*

С учетом вышесказанного, я хотел бы завершить этот второй урок со своего рода логическим вымыслом, вдохновленным Лаканом, который показывает, что такое субъект бессознательного с очень специфической точки зрения — его формального рождения. Фрейд представлял зарождение субъекта в форме мифа об инкорпорации тела первого отца его сыновьями («первичная идентификация»). Вместо мифологической концепции этого рождения Лакан предложил логическую концепцию. Благодаря логической связке концепций реального, зияния и означающего Лакан попытался изложить процесс порождения субъекта, называемого субъектом бессознательного.

Там, где Фрейд спрашивает, как «я» зарождается из инкорпорации тела отца его сыновьями, Лакан задается вопросом, как может родиться субъект из очень специфического логического процесса. Точно так же мы можем себя спросить, как порождается субъект бессознательного. Это сложный вопрос, ответ на который требует, чтобы был задан еще один вопрос: как субъект может родиться из ничего? Что нужно сделать, чтобы на планете, на которой нет никакой жизни, что-то появилось? Чтобы ответить, мы должны использовать слово «лишение» (privation). Напомним, что впервые этот термин был использован в психоанализе Эрне-

стом Джонсом применительно к женской сексуальности, в связке с концепциями фрустрации и кастрации. Интересно заметить, что Лакан использует тот же самый термин «лишение» в абсолютно новом смысле. Он совершает скачок, который состоит в том, чтобы воспользоваться концепцией лишения, чтобы объяснить логику рождения субъекта. Итак, каким образом на планете, на которой ничего нет, зарождается что-то? Каким образом бытие может возникнуть из ничего, из реального? Что же, чтобы бытие возникло из реального, необходимо, чтобы в реальном образовалось зияние, чтобы в нем чего-то не хватало, или, если хотите, чтобы реальное было лишено чего-то. В этом вся сила лакановской мысли: для того, чтобы помыслить позитивное возникновение субъекта в реальном, необходимо сначала помыслить реальное как целое, из которого изъят один элемент.

Сформулируем яснее и изложим мысль в два приема:

Представьте себе, что реальное — это не пустынная планета, но наоборот слишком изобильная, бесконечно изобильная, настолько переполненная как вещами, так и сущностями, что гомогенна пустоте. Реальное — это пустота не в смысле пропасти, но в смысле бесконечной полноты, места в котором возможно Все.

Если в этом месте, в котором возможно Все, возникнет одна — лишь одна — невозможность, одно единственное препятствие, одна единственная нехватка, тогда там произойдет рождение позитивной сущности. Позитивная сущность, то есть наш субъект бессознательного, появляется только как корреляция нашего зияния в бесконечной полноте.

Короче говоря, согласно Лакану, рождение субъекта бессознательного можно понять только через зияние, возникающее в реальном, из которого удален один единственный элемент. Иными словами, субъект возникает как Один только там, где реальное — в смысле бесконечной полноты — затронуто нехваткой. Снова сменим терминологию и скажем: если реальное — это место, где Все возможно, субъект бессознательного рождается именно там, где воздвигнуто препятствие невозможного.

Пока остановимся на этом, и я предлагаю вам вернуться в следующем уроке к такой важной концепции в творчестве Жака Лакана, как объект *a*.

Урок 3. Концепция объекта а

*Изгнание
Страсть вылечивать
Симулировать забвение
Женственность психоанализа
Объект а
Что такое зияние?
Телесные фигуры объекта а
Нужда, потребность и желание
Грудь, объект желания*

На последнем уроке вы определили роль психоаналитика как того, кто должен обеспечивать беспрепятственное повторение означающих. Зайдете ли вы так далеко, что станете утверждать, что беспрепятственное повторение — это терапевтическая цель анализа, что повторение — синоним выздоровления?

Сегодня я хотел бы изучить с вами лакановскую концепцию объекта *a*, но сначала я хотел бы ответить на ваш вопрос, напомнив, что функция анализа заключается, на самом деле, в том, чтобы поддерживать активность бессознательного. Итак, недостаточно того, чтобы психоаналитик ставил перед собой в качестве единственной цели и постепенную экстериоризацию образований означающих, также необходимо, чтобы он благоприятствовал экстериоризации наиболее внутренних инстанций пациента. Объяснюсь. Я думаю, что анализ создает условия для того, чтобы пациент стал чужим для самого себя. Мы, не колеблясь, сказали бы, что психоанализ должен стремиться к созданию радикальной отделенности, по сути, важной реорганизующей утраты субъектом психической реальности, утраты, которую я бы назвал изгнанием (*exil*). Вместо того, чтобы стремиться вызвать у пациента трансформацию и формулировать цель психоанализа в категориях изменения или выздоравливания, психоанализ призван создать условия для того, чтобы субъекту показалось идущим извне, чужим самое интимное,

*Изгнание,
цель ана-
лиза*

Встречаться с чужаком в себе

что есть в его бытии. Чтобы передать эту встречу с чужаком, который есть в каждом из нас, самой имперсональной инстанцией нашего бытия, я хотел бы воспользоваться формулировкой, вдохновленной одним из самых прославленных афоризмов Фрейда: «Там, где было Оно — писал Фрейд — должно появиться Я». Если теперь мы переведем термин «я» как «субъект», а «Оно» — выражением «самая интимная и в то же время самая чужая нам вещь в нашем бытии», мы получим следующую максиму: «Цель психоанализа — заставить субъекта встретиться с Оно, чужим и имперсональным, не внутри нас самих посредством интроспекции, но вовне, пусть даже ценой галлюцинации» Что мы, как психоаналитики, должны ожидать от нашего действия? Что наш пациент будет развиваться, или, скорее, что он пройдет через исключительный опыт изгнаника внутри себя самого, воспримет себя, пусть всего лишь раз, как чужого самому себе? Если бы мне было нужно зафиксировать теоретическую ориентацию психоанализа, я бы воспользовался этим понятием изгнания. Быть изгнаником внутри себя самого, по моему мнению, — это форма выздоровления, как будто встреча с незнакомцем вдобавок порождает целительный эффект, облегчение симптомов.

*

Что касается терапевтических целей анализа, я бы хотел напомнить о позиции Лакана, который — вслед за Фрейдом — считал выздоровление пациента побочным эффектом лечения, добавочным преимуществом, почти что эпифеноменом, который имеет место независимо от воли врача. Могу себе представить, что эта позиция может показаться обескураживающей по сравнению с тем, что можно по праву ожидать: облегчением страданий пациента. Тем не менее, мы должны допустить, что факт выздоровления не зависит от правильного применения какой-то техники, но зависит от того, как терапевт понимает само выздоровление и как его добивается. Если психоаналитик хочет исцелять, будьте уверены, он не добьется исцеления. Если же он, наоборот, будет сдерживать свое желание — будучи уверен, что исцеление —

Страсть к излечению

это дополнительное благо, которое от него не зависит — тогда у него есть шанс, что страдания удастся облегчить (11). По сути дела мы здесь применяем хитрость разума по отношению к истине: чтобы истина появилась, нужно сделать вид, что ею никто не интересуется, что о ней даже забыли. Несомненно, когда пациент страдает или когда симптом упорно повторяется, врачу становится трудно не попасть в ловушку *furor sanandi*. Мы знаем, что психоаналитика порой охватывает эта страсть, характерная для врача; ее пробуждает настоятельное требование пациента, у ее истоков нарциссизм, который снова активируется, когда врач видит, как его наделяют всемогуществом целителя. Именно требование порождает слепую страсть исцелять, родственную другой страсти — желанию понять. Желание исцелить и желание понять — это именно те две тенденции у психоаналитика, которые противостоят процессу исключения и изгнания. Итак, если исцеление не может и не должно быть целью, преследуемой аналитиком, на что тогда можно надеяться? Чего мне тогда ждать? Я жду очень простого явления. Я не жду ни изменения, ни выздоровления моего пациента. Я жду, что будет иметь место опыт, что в анализе произойдет какое-то неожиданное событие. Я готовлюсь к удивлению. Лучшее, на что может надеяться аналитик, — то, что пациент его удивит. Разумеется, речь не о том, чтобы пациент намеренно пытался его удивить; как правило, если это подстроено, ничего не получается. Нет, удивление должно одновременно поразить и пациента, и аналитика. В целом мои рекомендации психоаналитикам сводятся к следующему: чтобы ваш пациент однажды избавился от страданий, не пытайтесь его от них избавить и будьте готовы к неожиданностям.

*

Итак, мы находимся в особом состоянии, которое готовит и настраивает психоаналитика на то, чтобы испытать воздействие удивления. Это главное отношение психоаналитика к событию, которое Лакан называет «видимостью» (*semblant*). Значение слова «видимость» противоположно его употребительному значению, «делать вид» или «изо-

Забывать — это создавать, пересоздавать

брожать». Видимость, которое практикует психоаналитик, — противоположность искусственности; это скорее отношение к себе, а не поза, которую принимают перед другими. Видимость — это попытка начать все с начала, избавившись от всех идей, чувств или страстей, чтобы стать чистым листом для последующего письма. Нет так-то просто убедить себя, что мы ничего не знаем. Не просто опустошить себя, и, тем не менее, это единственное средство адекватным образом принять на себя роль психоаналитика. Послушаем Фрейда: «Психоаналитик ведет себя самым адекватным образом, если он отдается (...) своей собственной бессознательной психической деятельности, старательно избегает любых размышлений и разработки сознательных ожиданий, не хочет специально запечатлевать в памяти ничего из того, что он услышал, и в некотором смысле ловит бессознательное пациента при помощи своего собственного бессознательного». Именно это состояние видимости я называю «изображать забывчивость». Нужно изображать забывчивость, упражняться в забывчивости и позволять застать себя врасплох, культивировать неискушенность первого раза. Вслед за симпатичной фразой, использованной Лаканом и выражющей женский гендер, можно назвать это состояние «изобразить дурочку» (*faire la dupé*). Я настаиваю на женском гендере, потому что, на самом деле, есть самая прямая связь между женственностью и видимостью.

Женская позиция характеризуется именно манерой скрывать, использовать покров не столько для того, чтобы исчезнуть из виду для других, сколько в целомудренном же-
сте прикрывания от себя самой, столь непреднамеренном, что он кажется естественным продолжением тела. Обман (*duperie*) — состояние, присущее женственности, женственности, обращенной к себе самой, а не к другим. Так, я вспоминаю о танцовщицах из Древней Греции и их неподражаемом искусстве использовать покрывала на погребальных церемониях (12). Таким образом, есть чисто женская манера покрывать себя: это и значит изобразить дурочку. Здесь мы можем заметить разницу между мужским и женским в отношении обмана. Женское и мужское — это прежде всего

Женственность психоанализа

позиции, определяемые специфическим отношением каждого — независимо от пола — к тому, как он живет в своем теле, с своей специфической манерой его маскировать. Это разные модальности скрытия объекта, то есть два разных способа прикрывать и рядить наслаждение. Когда женщина что-то прячет, как мы сказали, она делает это, скрываясь от себя самой, не слишком заботясь о другом и тем самым приоткрывая свою тайну; тогда как мужчина, если он что-то прячет, он скрывает это прежде всего от чужих глаз, и, как следствие, так стремится что-то скрыть, что жест маскировки становится слишком явным. Фактически, когда женщина что-то прячет, она создает тайну и оставляет место для неожиданности, тогда как мужчина развеивает загадку и душит вопросы на корню. Я настаиваю, что слова «женщина» и «мужчина» должны здесь пониматься как женская или мужская позиция, которую занимает любое существо, независимо от своего пола.

Таким образом, в случае психоаналитика видимость не имеет ничего общего ни с позой, которую принимают, ни с умело срежиссированной комедией. Как и в случае женственности, речь идет о внутреннем субъективном отношении к себе, а не к другому. Именно благодаря этому состоянию аналитик не пытается ни исцелять, ни понимать, но предстает как невежда, у которого, возможно, есть шанс случайно столкнуться с истиной, своего пациента или своей собственной, в форме интерпретации. Я хотел бы выразить эту плодотворность видимости, напомнив о проницательной фразе Лакана: «Аналитик — это тот, кто, подставив объект *a* на место видимости, находится в самом удобном положении для того, чтобы сделать то, что он собственно и должен сделать: спросить у знания (бессознательного), что в нем есть истинного». Формулировка, которую я бы перефразировал так: аналитик — это тот, достигнув (видимости) внутренней тишины, находится в самом удобном положении для того, чтобы интерпретировать, то есть трансформировать симптом в означающее, которое открывается бессознательному знанию.

Что такое объект a?

Теперь я хочу более подробно обратиться к концепции объекта *a*; концепции, которой я уже имел случай посвятить несколько глав моей книги (13). Сегодня я начну с напоминания о том, что речь идет о концепции, которую Лакан считал своим изобретением. Лакан считал, что он создал и изобрел объект *a*. Это объект, который характеризуется написанием при помощи символа, буквы «*a*». Этот символ «*a*» представляет не первую букву алфавита, а первую букву, слова *autre*, другой. В лакановской теории существует другой, который пишется с маленькой буквы «*a*», и Другой, который пишется с большой буквы «*A*». Это Большой Другой, одна из антропоморфных фигуру власти сверхдемаринации цепочки означающих. Тогда как маленький другой, чья буква «*a*» определяет наш объект, обозначает нашего ближнего, альтер-эго. Итак, изобретение объекта *a* помогает решить многие проблемы, но в особенности ответить на вопрос: «Кто это другой? Кто такой мой ближний?»

Кто он — другой?

В своей работе «Печаль и меланхолия» Фрейд, ссылаясь на человека, которого потеряли и по которому совершают траур, пишет слово «объект», а не «человек». Фрейд уже заложил основу для того, чтобы Лакан мог ответить на вопрос: «Кто такой другой?» и создать концепцию объекта *a*. Кто этот другой, любимый, а теперь исчезнувший, по которому я совершаю траур? Фрейд называет его «объектом», а Лакан в свою очередь называет «объектом *a*». «Я читал «Печаль и меланхолию» — признается Лакан — и достаточно было, чтобы я руководствовался ее текстом, чтобы найти объект *a*». Это не значит, что объектом *a* называется исчезнувший другой, а значит, что объект *a* отвечает на вопрос «Ко какой другой?». Почему? Чтобы лучше понять, зададим себе еще вопросы о другом: «Кто это сидит здесь передо мной? Является ли он телом? Является ли он образом? Является ли он символической репрезентацией?». Поставим себя на место пациента, который лежа на кушетке, задается вопросом: «Кто это там позади меня? Это голос? Дыхание? Сон? Продукт мысли? Кто он — другой?». Психоаналитик не ответит «другой — это...», но ограничится фразой: «чтобы ответить на этот вопрос, скон-

струируем объект *a*». Буква «*a*» — это способ именования трудности; она занимает место отсутствующего ответа.

Вспомним о духе лакановского подхода, когда вместо того, чтобы решить проблему, он присваивает ей имя. Лучшим примером этого мог бы как раз быть объект *a*. На самом деле, объект *a* — один из нескольких наиболее примечательных примеров лакановской алгебры; я бы даже сказал, парадигма всех психоаналитических алгоритмов. Что такое объект *a*? Это всего лишь буква «*a*», ничего, кроме буквы «*a*», буква, главная функция, которой именовать неразрешенную проблему, или, точнее, обозначать отсутствие. Какое отсутствие? Отсутствие ответа на вопрос, который повторяется снова и снова. Поскольку мы не нашли ожидаемое и требуемое решение, мы при помощи письменного обозначения маркируем — простой буквой — непроницаемое зияние нашего неведения, мы ставим букву на место ответа, который не был дан. Объект *a*, таким образом, обозначает невозможность, точку сопротивления теоретической разработке. Благодаря этому обозначению мы можем — несмотря на препятствия — продолжать поиски, и при этом цепочка знания не будет разорвана. Вы видите, что объект *a* в конечном счете — уловка аналитической мысли, направленная на то, чтобы обойти скалу невозможности: мы обходим реальное, представив его буквой. Итак, что же это за вопрос, ответ на который буква «*a*», то есть просто буква, лишенная смысла? Этот вопрос может формулироваться по-разному в зависимости от теоретических контекстов, но теснее всего с объектом *a* связана следующая его формулировка: «Кто такой другой, мой партнер, мой любимый человек?»

Когда Фрейд пишет о том, что субъект совершает траур по утраченному объекту, он не говорит: «по утраченному любимому человеку», но «по утраченному объекту». Почему? Что это за любимый человек, которого потеряли? Что значит для нас этот другой, которого любят или любили, присутствующий или исчезнувший? Какое место для нас занимает любимый «человек»? И действительно ли это человек?... Кто-то скажет: «Это образ. Любимый человек — это образ вас самих, который вы любите». Это верно, но этого недостаточ-

...Часть
моего тела

...Черта

но. Другим ответом было бы: «Любимый человек — это не образ, это тело, в котором продолжается ваше тело» И снова верно, но по-прежнему недостаточно. Наконец, третий ответ представляет нам любимого человека как представителя истории, совокупности прошлого опыта. Точнее, этот человек обладает общей чертой, несет в себе черту, объединяющую всех людей, которых мы любили на протяжении жизни. В этой связи можно обратиться к тексту Фрейда «Психология масс и анализ человеческого “я”», в котором он проводит различие между тремя типами идентификации, среди которых та, что он обозначает, как идентификацию субъекта с чертой объекта, то есть с чертой всех людей, которых мы любили. Фрейд дает нам в этой статье важное наблюдение, касающееся того, как формируется пара мужчина/женщина: любят того, в ком есть черта объекта, который любили до этого, и это до такой степени верно, что можно было бы утверждать, что в жизни все люди, которых мы любили, объединены одной общей чертой. Действительно, когда мы встречаем нового человека, мы часто с удивлением констатируем, что у него есть та же отличительная особенность, свойственная человеку, которого любили прежде. Гениальная идея Фрейда состояла в том, что он показал, что это отличительное свойство, которое сохраняется и повторяется в первом, втором и во всех последующих партнерах любовной истории, является росчерком, и что этот росчерк — ничто иное, как мы сами. Субъект и есть общая черта объектов, любимых и утраченных в течение жизни. Именно это Лакан называл *росчерком* (*trait unaire*).

Если мы теперь рассмотрим три возможных ответа на вопрос «Кто такой другой?», мы бы сказали: другой, которого любят, — это образ меня самого, который я люблю. Другой, которого я люблю, — это тело, продолжающее мое тело. Другой, которого я люблю, — это повторяющаяся черта, с которой я идентифицируюсь. Но ни в одном из этих трех ответов — первом, воображаемом (другой как образ), втором, фантазматическом (другой как тело), третьем, символическом (другой как черта, в которой сконцентрировалась история) — ни в одном из этих трех ответов не раскрывается сущ-

ность любимого человека. В конце концов, мы не знаем, кто он, этот избранный другой. Итак, именно здесь и появляется объект *a* на месте отсутствующего ответа. Однако мы видим, что из трех возможных подходов к определению другого, воображаемого, фантазматического и символического, именно второй напрямую отсылает к лаканановской концепции объекта *a*: избранный другой — та фантазматическая и наслаждающаяся часть моего тела, которой меня продолжает и ускользает от меня.

*Каким образом сопрягается объект *a*, рассматриваемый как то самое отсутствие ответа на загадку «другого», с означающими структуры бессознательного?*

Как раз к этому я хотел обратиться. Вопрос «Кто такой другой?» — это один из нескольких способов локализовать объект *a*, но он не единственный. Другой вопрос, например, — проблема, которую мы уже поднимали в конце первого урока: какова природа энергии, которая лежит в основе психической жизни? Или же: какова та причина, которая движет нашими желаниями? Поскольку мы не можем точно ответить на эти вопросы, мы пишем букву «*a*». Благодаря такому письму мы можем продолжать заниматься формализацией при помощи других письменных знаков, не задумываясь о неразрешимых вопросах. Так, вместо того, чтобы тщетно искать природу причины желания, я просто представляю ее буквой «*a*».

Если я ставлю вопрос «Кто такой другой?», то только для того, чтобы лучше показать, что изобретение объекта *a* не было результатом авторского произвола, но отвечает потребностям, требованиям клинической практики. Как только поставлен вопрос «Кто такой другой?», аналитическая теория забывает об этом вопросе чтобы работать только с формальной записью «объект *a*». Он относится к простым вопросам, имеющим огромную важность, потому что они лежат у истоков концепции, и тем не менее его нужно временно оставить, чтобы работать только с формальной сущностью, как если бы исходного вопроса больше не сущ-

ствовало. В прошлый раз мы сконцентрировали различные логические схемы бессознательного в элементарном вопросе: «Что такое прошлое?» Затем мы обошли этот фиктивный, хотя и важный вопрос, чтобы работать только с парой означающих S_1, S_2 . Теперь мы используем тот же самый ход в отношении загадки «другого» и объекта a .

Итак, временно оставим эту проблему другого и поработаем пока с формальным статусом объекта a . Тогда я смогу ответить на ваш вопрос о связи a с множеством означающих и означающего Одного. Для начала я формально определяю объект a как то, что гетерогенно по отношению к сети множества означающих. То есть система производит некоторый избыток, который ей гетерогенен или чужд. Такое производство — операция, аналогичная, хотя и совершенна иного порядка, экстериоризации означающего S_1 . Касаясь объекта, я бы говорил уже не о внешнем элементе, но об остаточном продукте, «избытке» в системе. Объект a гетерогенен постольку, поскольку он — избыток, порожденный формальной системой означающих. Это производство, которое кажется избытком, совершенно иным, нежели означающий элемент, который, как граница, придает единство всему множеству. Объект не является элементом гомогенным всему множеству означающих, но гетерогенным продуктом, придающим ему единство. Система таким образом нуждается в двух факторах, чтобы обладать единством: во внешнем элементе (S_1), а затем в устранином продукте (a). Внешнее означающее S_1 гомогенно совокупности означающих, его отношения с нею символические; что же до остаточного продукта, объекта a , реальной природы, он гетерогенен множеству означающих. Символический порядок означает, что все его составляющие, включая те, что создают его предел (S_1), гомогенны, то есть, что они все управляемы законами логики означающих. Тогда как объект a , наоборот, — единственный объект, ускользающий от этой логики.

*

Верно, что мы можем идентифицировать объект a с зиждением в структуре бессознательного, то есть с местом, ос-

Формальный статус объекта a

*Объект
а — это
прибавоч-
ное на-
слаждение,
причина
системы
означаю-
щих*

вободившимся после того, как означающее цепочки стало краем. Но идентификация объекта с зиянием правомерна только при условии, что зияние мыслится не в статичном виде, но как засасывающий вакуум. Объект *а* — зияние в структуре, если вы его в действительности представляете как источник всасывающей силы, которая притягивает означающие, активизирует их и обеспечивает единство цепочки. Итак, если удастся представить себе объект как столь живое зияние, пред нами предстанет фигура наслаждения (добавочного наслаждения).

Внесем ясность, поскольку отношение объекта *а* к зиянию полно нюансов. Можно сказать, что объект *а* — зияние в структуре бессознательного, если мы допускаем три предварительных условия: зияние — это прежде всего полюс притяжения, который активизирует систему (причина); сила этого зияния называется наслаждением (прибавочным наслаждением); и, наконец, наслаждение, а не водоворот энергии в центре тигля, — это постоянный поток, протекающий по краям зияния. Но чтобы лучше показать это отношение объект/зияние, я бы хотел уйти с формальной точки зрения, чтобы приблизиться к телесному измерению, задав простой вопрос: что такое зияние?

*

*Что такое
зияние?*

Итак, оставим формальный план и спросим себя, какое психическое представление о зиянии мы имеем? Не сознательный визуальный образ, как на рис. 3, но психическую презентацию, вписанную в наше бессознательное? Таким образом, например, женщина и мужчина — в частности, я имею в виду пациента, страдающего от импотенции, — могут себе представить эту парадигму зияния, которым является женский половой орган, то есть вагина? Казалось бы, с нашей точки зрения проще себе представить клитор или губы — выступающие части женского полового органа — чем представить себе вагинальное отверстие. Сформулируем иначе: все происходит так, как будто презентация зияния в психике и, в особенности, вагины подпадает под вытеснение; тогда как презентация в ней выступа, каким

является клитор, грудь и пенис, легче предстают в воображении и более четко рисуются на поверхности сознания. Вы заметите контраст между вытеснением репрезентации вагины, с одной стороны, и, наоборот, гиперинвестированностью репрезентации выступа, с другой. Мы слишком легко забываем и отрицаем зияние и при этом остаемся под игом выступа. Никогда толком неизвестно, что такое дыра, тогда как мы всегда очень восприимчивы к виду выступа. Какое свойство в таком случае есть у зияния, чтобы вызывать такое вытеснение, и какое свойство, так привлекающее психические инвестиции, есть у выступа? Разумеется, у меня нет ответа на этот вопрос. А между тем он важен, потому что поднять проблему, внутренне присущую зиянию, означает поднять проблему внутренней природы отверстий тела, я хочу сказать, эрогенных отверстий. Таким образом, спросить, что такое дыра, равносильно тому, чтобы спросить: что такое телесное отверстие?

Зияние — это край...

*...изрезан-
ный по-
током на-
слаждения*

Собственно можно ли сказать, что эрогенное отверстие — это зияние? Или, наоборот, не следует ли нам считать, что отверстие — это не столько зияние, сколько край, точнее края, или еще точнее, слизистые складки, которые в своей пульсации создают зияние и тут же его убирают? Я бы, таким образом, сказал, что в нашем эрогенном мире нет собственно говоря зияния в том виде, в каком мы его обычно представляем как щель, ограниченную кругом, но есть сокращающиеся и расширяющиеся края, создающие эфемерные пустоты. Итак, эти края трепещут, если их оживляет поток энергии, который через них проходит, поток энергии наслаждения. Вот к чему мы вели. Мы начали с формалистского видения зияния, локализованного в структуре бессознательного (рис. 3), чтобы прийти к загадке отверстий тела, вплоть до заключения о том, что это края, трепещущие от наслаждения, которые производят и создают зияние (14). В общем в эрогенной жизни и, как следствие, в нашей психической бессознательной жизни зияния порождаются только напряжением и движением. Заметим, что наши соображения об отверстиях тела будут обоснованными только при условии, что мы будем мыслить края этих отверстий и по-

ток наслаждения, который через них проходит, как движимые присутствием другого тела, которое и само наполнено желанием.

... грудь, кал, взгляд, голос: эти отделимые части, в то же время тесно связанные с телом, вот о чем идет речь в случае объекта a.

Ж. Лакан

*Объект
a — по-
стоянный
поток на-
слаждения*

После этих положений, касающихся дыры, становится понятно, что объекта *a* должен рассматриваться по сути как поток наслаждения, который проходит по краям телесных отверстий, и в силу этого локальная причина, которая движет и заставляет работать бессознательное. Но в лакановской теории существует главным образом другой подход к *a*, согласно которому объект является не только *в-себе* наслаждения, но также серией отделимых частей тела. Мы увидим, что эти телесные единицы, строго говоря, не являются материальными фрагментами тела, органическими элементами, но скорее фантазиями, фигурами, симулякрами⁶, которые окружают реальное бессознательное.

В соответствии с развитием детской сексуальности, описанной Фрейдом в «Трех очерках», ребенок последовательно разлучается с серией отпадающих объектов, которые, отслужив телу ребенка и износившись, были отброшены. В разные периоды своего развития субъект «потребляет» и последовательно теряет плаценту, грудь, затем экскременты, а также взгляд и голос. Это пять фигур отделения, которые Лакан выделяет среди нескольких телесных вариантов объекта *a*. К нему, несомненно, относятся всевозможные виды телесных потерь, но наиболее репрезентативными и парадигматическими разновидностями остаются именно пять упомянутых. У меня могут спросить, например, если пациентка говорить о проблеме с месячными, может ли менстру-

*Телесный
статус
объекта a*

6 Симулякры или телесные видимости, которые покрывают и придают форму *в-себе* объекта *a*, отсылают нас к симулякам, описанным Лукрецием: «Симулякры — тонкие фигуры и образы, испускаемые объектами, и стекающиеся с их поверхностью. Это легкие оболочки, отделенные от поверхности тела, которые разлетаются во все стороны по воздуху» («О природе вещей»)

альная кровь рассматриваться как воплощение объекта *a*. *A priori*, я бы сказал, что нет, за исключением особых случаев, которые позволили бы включить менструальную кровь в воплощения объекта *a*. Но зато я могу с большей уверенностью представить себе, что, также при особых условиях, отделяемой сущностью, а точнее, разновидностью объекта *a*, может оказаться боль. На самом деле, есть точные критерии, которые служат основанием для того, чтобы судить, следует или нет классифицировать как объект *a* конкретный элемент, отделенный от тела.

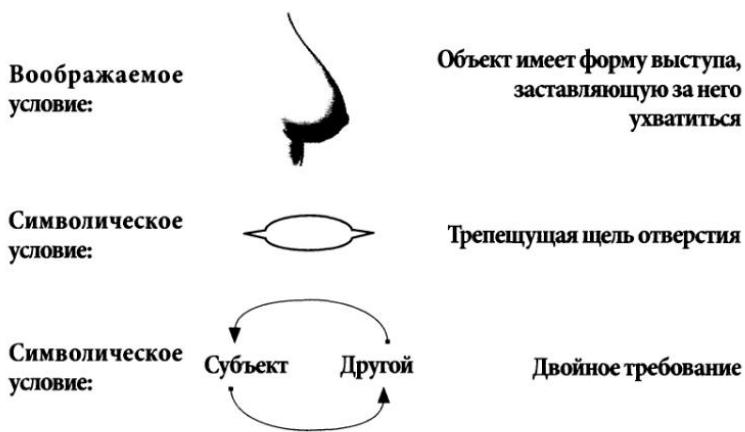
Мы начали с вопроса о том, кто такой другой в целом. И в этом конкретном случае «Печали и меланхолии», кто этот исчезнувший другой, кто утраченный объект? Теперь мы пришли к тому, что перечисляем части, отделившиеся от тела, которые при определенных, четко оговоренных условиях могут быть воплощением объекта *a*. Итак, не любая вещь, изолированная в теле, является разновидностью объекта *a*.

Чтобы имело место отделение и чтобы это расставание с частью тела можно было толковать в качестве объекта *a*, требуется три условия: одно воображаемое и два символических (рис. 4).

Две особых разновидности объекта *a*, каковыми являются грудь и экскременты, определены важным воображаемым условием: они представляют собой выдающуюся форму, которая выходит за пределы тела наподобие выступа, за который можно схватиться, отделить его, даже оторвать от тела. Аспект груди как выступа, например, вызывает желание взяться за него рукой, схватить губами или укусить. То есть речь идет о телесных фигурах, которые явственно выступают на фоне несущей поверхности, и, представляясь отдельными, приглашают к тому, чтобы за них схватились. Я не буду здесь вдаваться в детали образов Иеронима Босха, в чьей живописи представлены все эти фантастические отростки, которые как бы приглашают к тому, чтобы их жадно хватали рукой или пожирающим ртом. Я настаиваю на

том, что это воображаемое условие применимо только к некоторым специфическим частям тела. Локоть, например, не подталкивает к тому, что за него схватились или оторвали. Разумеется, вы уже поняли, что архетип, лежащий в основе всех этих выступающих и отделимых телесных форм, — это ничто иное, как отросток, который мы называем фаллосом.

Рис. 4. Объект является отделимой частью тела и его обособление определено тремя условиями: одним воображаемым и двумя символическими условиями.

Что касается первого символического условия, оно состоит в том, что все эти места на теле, предназначенные для отделения, — в особенности грудь при отнятии от нее и экскременты при дефекации — остаются в прямых отношениях с естественными трепещущими отверстиями, каковыми являются рот для груди и анус для экскрементов. Мы собственно и называем это условие символическим, поскольку анатомические выступы, края отверстий, строго говоря, и есть означающие. Означающие, которые разрезают объект и фрагментируют его. Эти означающие — контуры, поддерживающие циркуляцию потока наслаждения и обеспечивающие ему постоянство. Два других объекта — голос

и взгляд — которые в свою очередь не зависят ни от какого воображаемого условия, определяются тем же самым символическим условием, по которому они должны быть произведены краями, которые, подобно рту или анусу, тоже по-своему выбирают: а именно ресницами, которые хлопают, давая рождение взгляду, и стенками голосовой щели, выбирающими, порождая голос. Голос и взгляд зависят от анатомического условия, предложенного анатомическими особенностями отверстий. С точки зрения воображения, эти объекты трудно представить, поскольку ни тот, ни другой не отвечают никакой пластически представимой форме. Например, голос или взгляд невозможно нарисовать. Наконец, напомним, что эти сокращающиеся щели, которые открываются и закрываются — символическое условие, позволяющее нам говорить, что такое-то телесное выделение является воплощением объекта *a* — Фрейд называет эрогенными зонами (15).

*

Обратимся теперь ко второму символическому условию. Оно заключается в том, что объекты не отделяются, не расходятся с телом, кроме как под действием речи. От тела всегда отделяет речь. Итак, какого рода слово могло бы отделить от тела грудь? Какое слово имеет силу делать зарубки на теле? Первая, самая примитивная речь, которая сразу же отделяет грудь от тела матери и ото рта младенца, это по сути дела крик. Потому что именно при помощи крика, требующего грудь, младенец утверждается и в некотором смысле автономизируется в качестве субъекта желания. Проведя различие между собой и телом матери, субъект, кажется, уносит грудь с собой. Он трансформирует кормящую грудь матери в менタルную грудь, которая отныне ему принадлежит.

Крик имеет для нас ценность требования, а любое требование, он подразумевает словесный ответ. Кто к кому обращается с требованием? На самом деле речь идет о двойном требовании: о требовании субъекта к Другому — на этот раз с большой буквы, потому что это мать — и в свою очередь требование Другого к субъекту, матери к ребенку. Именно

«Наслаждение получает от телесных краев свое постоянство...» Ж. Лакан

Означивающий надрез крика

при символическом условии двойного требования субъекта к Другому и Другого к субъекту грудь отделяется. Но зачем говорить, что требование — это надрез? Как понимать то, что слово может оставить зарубки на теле? Это способ сказать, что поскольку требование — это речь, ей никогда не удается точно указать на желаемый объект. Мы знаем о фундаментальном несовпадении между вещью и языком, между тем, что я хочу, и словами, при помощи которых пытаюсь получить желаемое, между грудью, которую я требую, и криком моего зова. Когда ребенок кричит от голода, мать думает, что ему холодно, и так далее, недоразумения следуют одно за другим. Короче, сказать, что требование — это *надрез означающего*, равносильно тому, чтобы сказать, что оно проваливает свой объект, трансформирует реальный объект, на который оно нацелено, в ментальную абстракцию, в галлюцинаторный образ. Именно этот образ мы и называем объектом желания или объектом *a*. Таким образом, грудь, которую требуют — посредством слова — это галлюцинаторная грудь желания.

Ребенок вполне может удовлетворить голод и, тем не менее, переживать галлюцинации груди, как будто он не ел. Почему? Потому что галлюцинируемая грудь — это грудь желания. Что значит «грудь желания»? Это означает, что отношения младенца с «психической грудью» напрямую связанны с отношениями матери с ее собственным телом. Грудь желания младенца зависит от желания матери давать ему грудь. Каково же материнское желание? Это не желание кормить своего ребенка, но скорее желание на грани эротического. Как правило, редко бывает так, чтобы мать давала грудь ребенку, не переживая этот жест как жест отмеченный некоторым эротизмом, как нечто иное, нежели жест кормления ребенка. Здесь мы встречаем ту же проблематику, что и в случае Эдипа. Проблема Эдипа — как говорил Фрейд — не только в том, что ребенок хочет спать со своей матерью, но и в том, что сама мать испытывает к нему эротическое влечение. Ключ к Эдипову комплексу в том, что инцестуального желания не было бы, если бы не были задействованы два желания: желание матери и желание ребенка. От матерей, которых я слушал, я узнал, что, начиная с кормления грудью вплоть до Эдипова

Грудь, отделенная от тела матери...

... становится галлюцинаторной грудью желания

комплекса, они испытывают столь же сильное и нестерпимое желание, как и инцестуальное желание ребенка.

Таким образом, становится понятно, что интересующая нас грудь, — это не органическая грудь материнского тела, но психическая грудь, создавшаяся, как только материнская грудь была символически отделена и утрачена под воздействием речи. Ребенок испытывает голод, требует пить, сосет, утоляет свой голод и, наконец, засыпает. Однако во сне он переживает галлюцинацию груди, как будто его у нее не отобрали, как будто он ее еще хочет, не для того, чтобы есть, а для того, чтобы желать, точнее, поддерживать свое желание. Грудь, которая отделяется от тела матери и ото рта младенца становится психической грудью, это грудь, которая появится как образ в галлюцинациях ребенка, голод которого удовлетворен, но который испытывает неудовлетворенность в отношении своего требования. Напомним отрывок из «Текстов» Лакана, в котором он так определяет отделение груди: «...план отделения проходит именно между матерью и грудью, которая делает из груди объект, утраченный по причине желания» (16).

Говоря совсем строго, когда объект *a* принимает форму галлюцинаторной груди, мы узнаем о его статусе объекта желания. На самом деле, объект *a*, строго говоря, не является галлюцинаторной грудью. Он является энергией, не поддающейся определению прибавочным наслаждением или же зиянием, прикрытым галлюцинаторной видимостью груди. Одним словом, мы говорим, что объект *a* — это не галлюцинаторная грудь желания, но *в-себе*, которое таит в себе подобие-груди, *в-себе*, прикрываемое подобием, как мембра на может покрывать сохранившуюся в целости и неизменности сердцевину.

*

Если мы вернемся к телу именно в его органическом аспекте, что вы думаете о материнской груди, я хочу сказать, о той груди, которую вы назвали кормящей грудью?

Грудь, которую сосет младенец, на самом деле, не интересует психоанализ...

Она относится к области ухода за детьми?

Уход за детьми? Возможно. Как психоаналитики, мы должны были бы знать, как педиатры обучаются брать сосок пальцами, чтобы вложить его в рот ребенку. И это всегда сложный жест, в особенности для матерей, у которых первый ребенок. Я думаю, что это непросто, потому что мать нервирует желание, потому что желание для нее невыносимо. Я думаю, что есть тесная связь между тем, что матери не умеют предлагать сосок своему ребенку, и невыносимым характером желания. Не знаю, думали ли педиатры об этом, но было бы интересно с ними это обсудить.

*

Вы говорите о разлучении грудничка и материнской груди, ни разу не упомянув отнятие от груди. Можно ли, по вашему мнению, уподобить отделение от груди как объекта a отнятию от груди?

С точки зрения физиологии, отнятие от груди — это постепенное прекращение кормления грудью и в особенности замена молока на более твердую пищу. Вы понимаете, что отнятие от груди — это, прежде всего, аватара, относящаяся к порядку телесных потребностей, а не к порядку желания, хотя решение об отнятии от груди по большей части связано с желанием матери. Нет, отнятие от груди, как я его определил, нельзя уподобить отделению от груди как объекта *a*. Отделение от груди, о котором говорим мы, скорее будет «символическим отнятием от груди», произведенным одним лишь речевым актом. Отнятие от груди в аналитическом смысле начинается с первых моментов самовыражения человека, с того момента, как субъект становится способен производить символы, все разновидности символов, от первого крика и до самой сложной речи.

*

С другой стороны, ваш вопрос напоминает мне о том, как Лакан интерпретировал анорексию. Как мы сказали, ребенок может оставаться вполне удовлетворенным с точки зрения потребности и при этом, с точки зрения желания, испытывать галлюцинацию груди. У него больше нет чувства

голода в животе, но в ментальном плане он не теряет аппетит к желанию. Так вот, анорексичка — как правило, это в основном женщины — не хочет этого двойного состояния нашего питания: утоления голода и утоления желания. Она хочет, чтобы неудовлетворенность была повсюду, чтобы была одна лишь неудовлетворенность, что в желудке, что в желании. Суть анорексии во фразе: «Нет, я не хочу есть, чтобы не получать удовлетворения, и я не хочу получать удовлетворение, чтобы быть уверенной, что желание может сохраниться в целости — и не только мое, но и желание моей матери». Анорексия — крик протesta против любого удовлетворения и упрямое сохранение состояния общей неудовлетворенности. Я имею в виду анорексию, которую я рассматриваю в рамках истерии, поскольку, на мой взгляд, это типично истерическое расстройство. Разумеется, нет ничего хуже, чем пытаться накормить анорексика. Это может только усилить его протест и упрямое намерение любой ценой сохранить желание, то есть всеми средствами защищать свою неудовлетворенность и поддержать желание. Таким образом, на взгляд больного анорексией, желанию противоречит удовлетворению на уровне потребности, потому что чем больше желание утоляют, тем сложнее ему поддерживать его в незатухающем состоянии.

Когда вы говорите, что ребенок галлюцинирует, какие именно у него галлюцинации?

В галлюцинациях младенца появляется грудь или точнее, объект желания. Какого желания? Желания матери и младенца. На самом деле, в галлюцинациях младенца фигурирует объект, который не принадлежит ни ему, ни матери, а находится между ними двоими. В связи с этим зададимся вопросом: кому принадлежит грудь, которую теряют? Матери или ребенку? Ни тому, ни другому, это объект, который проваливается между ними, подобно любому объекту *a*. Лакан представляет падение объекта при помощи двух пересекающихся кругов Эйлера (рис. 5), один из которых представляет субъекта (то есть ребенка), а второй — Другого (то есть мать). Объект *a* — то, что проваливается посредине, на пересечении Другого и субъекта.

**Объект
желания
не принад-
лежит ни
матери, ни
ребенку**

*

*Вы говорите об утрате и о символическом отъеме от груди. Можно ли сказать, что объект *a* соответствует фрейдовскому утраченному объекту?*

Утраченный объект — всего лишь одно из возможных воплощений этого отсутствия ответа, который называют «объект *a*». Впрочем, необходимо осторегаться такого взгляда, согласно которому объект *a* связывается исключительно с утратой. Объект *a* можно теоретизировать и иным образом, в особенности, как прибавочное наслаждение, когда вместо того, чтобы быть утратой, он является избытком, который накапливается. Мы мыслим объект *a* как часть, потому что он охватывает все эти семантические фигуры, относящиеся к эрогенным местам тела: грудь, голос, взгляд и т. д. Все они, на самом деле, — прикрытие объекта *a*, маски, нагруженные телесным значением, макияж, который Лакан классифицирует как «подобие бытия»; но — я настаиваю — сам объект *a* в себе — непрозрачное реальное, местное наслаждение, которое невозможно символизировать. Итак, объект *a* как телесная потеря — это только способ говорить о нем, я бы сказал «органистский» способ нашей отсылки к объекту, органистское и телесное подобие объекта. С учетом этой оговорки, тем не менее, вполне правомерно использовать выражение «утраченный объект» или «утрата».

*Рис. 5 Три этапа производства объекта *a**

Иногда вы говорите о неудовлетворенных требованиях; в другой раз, как в случае анорексии — о неудовлетворенном желании. Как различать эти два вида неудовлетворенности?

Прежде всего, подчеркнем еще раз, что требование ребенка направлено на кормящее тело и не попадает в цель, тогда как желание нацелено на невозможный инцест и *находит* эротическую грудь. Мы, таким образом, можем утверждать, что требование не удовлетворено, потому что оно никогда не получает реальный объект, на который направлено, тогда как желание не удовлетворено, потому что оно никогда не добивается невозможной цели, на которую направлено, а именно инцест. Но если требование не удовлетворяется из-за конкретного объекта, который оно не получает, а желание не удовлетворяется из-за того, что не может достичь невозможного инцеста, остается другое различие: требование попадает мимо своего объекта и остается разочарованным, а желание не получает инцест, но *находит* субститут, галлюцинаторный объект. Этот субститут мы встретим позднее в форме фантазии.

Вы знаете, что Лакан различает триаду потребность, требование и желание. Если ребенок требует есть, то какова его потребность? Голод. Но независимо от того, поел он или нет, получил ли насыщение на уровне потребности или нет, младенец, будучи существом говорящим и сексуализированным, столкнется с тем, что его требование не выполнено и неизбежно будет представлять объект желания в галлюцинациях. Что означает, что за пределами требования, малыш желает. И в чем же состоит то, чего он желает? Это ничто иное как галлюцинация. Галлюцинация груди *есть* желание, это, возможно, реализация желания в наиболее чистом виде. Почему? Потому что грудь, являющаяся в галлюцинациях как объект желания, — это вещь, так сказать, полностью созданная совмещениями желаниями матери и ребенка.

Грудь из галлюцинаций, совершенно отличная от телесной груди, а еще больше от материнского молока, — плод отношений желания между матерью и ребенком. Она свидетельствует о неоспоримой реальности: с одной стороны,

Требование попадает мимо своего объекта...

... и остается разочарованным

Желание не добивается инцеста...

мать и ребенок не могут найти удовлетворение в простом акте кормления, а, с другой стороны, они не хотят и не могут находить удовлетворение в инцестуальном акте. Они не удовлетворяются ни утолением потребности, ни провалом требования, ни инцестом, который для них невозможен. Желать грудь равносильно тому, чтобы избегать пути потребности и пути инцеста.

Желание, конечно, невыносимо, но оно защищает субъекта против, так сказать, человеческой склонности, которая живет во всех нас, искать последнего предела, точки разрыва, абсолютного удовлетворения инцеста; то есть, наслаждения Другого. Желание со своей галлюцинацией, конечно же, невыносимо, но оно умеет нас защитить, не пустив на путь наслаждения, в тысячу раз более невыносимого. Понятно, что любое удовлетворение желания может быть только частичным, полученным в поисках недостижимого тотального удовлетворения. Хочу, чтобы была ясность. Что в принципе желает ребенок независимо от возраста и конкретных обстоятельств? Инцеста. Он невозможен и останется навсегда неудовлетворенным ожиданием. Но тогда чем он довольствуется? Частичным удовлетворением, которое дает галлюцинация, в которой появляется не кормящая грудь, но грудь, созданная тремя условиями: воображаемая устойчивость, связь со ртом как с эрогенным отверстием и, наконец, двойное требование. То есть, все объекты, которые мы называем «объектами желания» или которые в равной мере называют «разновидностями объекта *a*» — то есть плацента, грудь, экскременты, взгляд, голос и боль — все эти объекты различной природы поддерживают и культивируют желание вне предполагаемого абсолютного удовлетворения, каким было бы инцестуальное обладание всем телом матери. Ребенок никогда не будет владеть всем телом матери, но только его частью. И этой частью он будет обладать, так сказать, в голове, в галлюцинации или через другой вид психического производства, который нам еще предстоит изучить, — фантазию. Заметим, что, хотя галлюцинация и фантазия и отличаются с клинической точки зрения, с точки зрения психического «обладания» частичным объектом желания это эквивалентные образования.

... и находится галлюцинаторную грудь

Но как можно говорить о том, что ребенок хотел бы обладать всем телом матери?

Идея того, что желание в абсолюте — это желание обладать всем телом матери, или, если хотите, что желание — это инцестуальное желание, соответствует предположению, выдвинутому психоаналитиками. Да, для того, чтобы выдвинуть такое предположение, мы действительно опираемся на признаки, о которых я еще не говорил, поскольку пошел иным путем в моем изложении. Чтобы как следует обосновать этот теоретический, даже аксиоматический постулат об инцестуальной цели желания, следовало бы обратиться к проблеме кастрации и фаллоса в психоаналитической теории. Но в любом случае мы можем, не колеблясь, утверждать, что это мы, аналитики, выдвигаем предпосылку об инцесте как внешней области, которой желание никогда не достигает. Добавим также, что утверждение о том, что ребенку в галлюцинации является грудь и он частично удовлетворяет свое желание, — это тоже психоаналитическая догадка. Ее разрабатывал не только Фрейд. Ею больше всего занималась Мелани Кляйн. Вы, возможно, знаете, как Мелани Кляйн подходила к обоснованию своей теории, в которой грудь занимает столь важное место. В начале она ходила в детские и часами наблюдала за младенцами, записывая все их проявления; проявления, которые она рассматривала как телесное выражение психических явлений, среди которых были галлюцинация и ментальные бессознательные процессы в целом. Пока дети спали, она наблюдала за их лицами, за движением их губ, мимикой или любым другим жестом, позволявшем ей подтвердить гипотезу о том, что в данный момент у младенца была галлюцинация груди.

Как бы то ни было, я хотел бы вернуться ко второму условию. Мы сказали, что объект меняется под воздействием требования ребенка. Однако мы также уточнили, что для того, чтобы отделиться от питающей груди и создать объект *a* в форме груди, являющейся в галлюцинациях, недостаточно одной только речи ребенка: нужна также речь матери. Таким

образом, напомним, что, строго говоря, символическое условия создания объекта *a* — это двойная речь, двойное требование. Грудничок не может потребовать грудь, если мать в свою очередь не признает его в качестве своего ребенка.

Обратимся к рис. 6. У нас две петли, одна соответствует требованию ребенка, которую он, через плач или крик,adresseет матери: «Есть хочу!» Это то, что мы называем «требованием к Другому». Вторая петля соответствует требованию Другого, обращенному к ребенку, требованию, имплицитно заложенному в первом, которое формулируется как: «Дай я тебя покормлю». «Есть хочу» — это требование, которое идет от ребенка к матери, и «Дай я тебя покормлю, мой малыш» — это требование, которое идет от матери к ребенку. Благодаря этому рисунку можно увидеть, что не бывает требования субъекта, которое не предполагало бы обратное требование, исходящее от Другого. Эти два требования прочерчивают один и тот же маршрут, маршрут отсекания. Объект тогда отделяется, ребенок галлюцинирует грудь и в галлюцинации с нею идентифицируется. Ребенок — это грудь, которую он галлюцинирует. В нашем примере субъект, ставший грудью, предлагает себя другому для поглощения: «Съешь меня, мама». Мы снова столкнемся с этой идентификацией с объектом, когда будем изучать структуру фантазии.

Прежде, чем резюмировать этот урок, я хотел бы напомнить вам ремарку Фрейда, содержащуюся в его последних заметках, которые он набрасывал в блокноте накануне смерти. Эта ремарка касается как раз двойственного отношения ребенка к груди, к *иметь* или *быть*: иметь грудь или быть грудью. Вот что Фрейд записывал в телеграфном стиле (17):

«Иметь и быть у ребенка. Ребенок любит выражать отношение к объекту через идентификацию: я есть объект. Иметь — это более позднее отношение, возвращение к быть после потери объекта. Модель: грудь. Грудь — часть меня, я есть грудь. Позднее только: я ее имею, следовательно, ею не являюсь».

Не буду лишать вас удовольствия поразмышлять над этими трогательными и загадочными фразами. Я со своей сто-

*Ребенок —
это грудь,
которую
он видит в
галлюцина-
циях*

«Грудь — часть меня, я есть грудь»
3. Фрейд

рону расскажу вам о моем прочтении. Фрейд различает четыре стадии в отношениях ребенка с грудью:

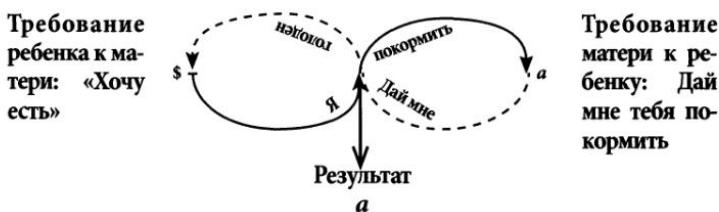
Первая стадия: *Грудь — часть меня*. Это паразитическое отношение грудничка к месту на теле матери, когда он берет в рот сосок.

Вторая стадия: *Я теряю грудь*. Потеря, которой можно найти соответствие в том этапе, который мы описывали в нашем изложении, посвященном объекту *a*.

Третья стадия: *Я — грудь, которую теряю*. Процесс идентификации субъекта с объектом, главная движущая сила структуры фантазии.

Четвертая стадия: *Я имею грудь, то есть я ею больше не являюсь* (автономия).

Рис. 6 Объект *a* возникает из выполнения двойного требования. Когда объект отделяется, субъект с ним идентифицируется.

Идентификация субъекта с объектом ($\$ \diamond a$), эквивалентная желанию быть съеденным матерью: «Съешь меня, мама»

В завершение я хотел бы рассмотреть объект *a* с точки зрения триады потребность-требование-желание, в соответствии с шестью положениями:

С точки зрения потребности мы имеем кормящую грудь, молоко и голод, утоленный или нет, не важно.

*

С точки зрения требования мы находим требование ребенка, обращенное к матери (крик), и требование матери, обращенное к младенцу («Дай я тебя покормлю, мой ма-

Шесть положений о объекте *a*

лыши»). Эти два требования, одно, касающееся еды, второе — принятия, на самом деле, есть ничто иное, как взаимные требования о том, чтобы признать и быть признанным. Сочетание двух этих требований принимает форму взаимной любви между матерью и ребенком. Поскольку требование ребенка — это речь, оно не достигает своего объекта — кормящей груди. Требование остается неудовлетворенным, но открывает двери желанию. Что же до требования матери, оно встречает те же аватары, что и требование младенца.

*

С точки зрения желания сначала есть предварительное условие: инцестуозно желание обладать всем телом матери, а затем невозможность его осуществить. В результате возникает неудовлетворенность.

*

Скажем прямо: всякий раз, когда мы употребляем выражение «неудовлетворенное желание», речь идет об инцестуальном желании.

*

Эта неудовлетворенность инцестуального желания в ментальном плане выражается через галлюцинацию не всего тела матери, а только одной его части, в нашем примере — груди. Кроме того, галлюцинация, в которой появляется грудь желания, — субSTITУТ инцестуального обладания телом матери. Таким образом, очевидно, что инцестуальное обладание матерью замещается галлюцинацией груди, а полное тело — частичным телом. Если мы используем лакановскую терминологию концепции наслаждения, мы должны сказать, что наслаждение-Другого, соответствующее всему телу, заменяется здесь на прибавочное наслаждение (объект *a*), соответствующий частичному телу.

*

Другой для ребенка, то есть его самый близкий партнер, его мать, также редуцирован с точки зрения желания к являющейся в галлюцинациях груди. То есть, невозможный объект инцестуозного желания, которым была мать, теперь стал

грудью из галлюцинаций, частичным объектом желания. Другой редуцируется до объекта *a*. Строго говоря, субъект тоже редуцируется и идентифицируется с этим объектом желания. Эта двойная редукция матери и ребенка к объекту *a*, перемежающаяся редукция, — ключевая операция, порождающая такую психическую формацию, как фантазия.

Короче говоря, мы объяснили, что в производстве объекта *a* существует два этапа. Сначала мы рассматривали объект *a* как часть тела, отдельную при соблюдении трех условий: одного воображаемого и двух символических (захват образа, зияние и двойное требование). Проведя различие между потребностью, требованием и желанием, мы также показали, что объект, рассматриваемый как объект желания, не имеет никакого отношения к физической части тела, но является прежде всего плодом галлюцинации. Затем, мы выдвинули утверждение, что объект *a* не принадлежит ни субъекту, ни другому. Эту картину мы закончим в следующий раз, дополнив ее третьим этапом, на котором объясним идентификацию субъекта с галлюцинаторным объектом желания. Именно эта идентификация лежит в основе структурирования фантазии.

*

После всего высказанного я хотел бы вернуться к одному уточнению и напомнить, что объекта *a* у Лакана не является собственно говоря грудью из галлюцинаций, объектом желания. Если быть точными, это зияние, загадочное и не поддающееся именованию наслаждение, которое Лакан называет прибавочным наслаждением. Прилагательное «прибавочный» — вспомните наш первый урок — подчеркивает, что объект всегда либо сам лишний, либо избыток остаточной энергии, которую субъект не может ассилировать. Например, избыток напряжения, который в галлюцинации сопровождает знакомую форму соска. Разумеется, сосок в галлюцинации всего лишь подобие среди других подобий, под видом которых предстает прибавочное наслаждение. Потому что этот избыток неименуемого и загадочно-

го наслаждения, который называют «а», может принимать любые телесные, визуальные, слуховые, обонятельные или осязательные формы, которые участвуют в наполненных желанием (и инцестуальных, инцестуально неудовлетворительных) встречах между матерью и ребенком и, шире, между субъектом и Другим. Объект *a* может предстать в форме особого запаха в обонятельной галлюцинации, как нежное прикосновение кожи в осязательной галлюцинации или же как неподражаемый тембр материинского голоса при галлюцинации слуховой. Конечно, все эти формы комбинируются, образуя бесконечное число всегда данных в ощущениях вариантов галлюцинаторных образов желания.

Урок 4

Фантазия

*Суть анализа
Психоанализ и Оно
Клиника фантазии
Формальная матрица фантазии
Тело: очаг наслаждения
Глаза вуайериста
Нога танцора*

*Аналитик функционирует в анализе как
представитель объекта a.
Ж. Лакан*

Вернемся к нашим размышлениям об объекте *a*, поместив его функцию в такую психическую формацию, столь часто представленную в клинике, как фантазия. Но сначала возникает вопрос: зачем, спросите вы, отдавать столь важное место объекту *a*? Главным образом объект *a* нам интересен для того, чтобы определить радикальную функцию психоаналитика в анализе. Я бы хотел показать важность того, что Лакан помещает аналитика на место объекта *a* в опыте терапии, и подчеркнуть, что именно это отличает отношения анализа от любых других отношений переноса. Скажем сразу, что суть психоаналитического опыта заключается в уникальной позиции аналитика как объекта *a*.

Специфика психоанализа

На самом деле существует даже не одна, а две специфические черты, который характеризуют анализ, отличая его от любых других социальных связей. Первая, как я только что сказал, — это особая роль психоаналитика, вторая — особая речь пациента. Каждая из этих черт соответствует двум столпам психоанализа, бессознательному и наслаждению: речь пациента возникает из бессознательного, а роль аналитика — из наслаждения.

Посмотрим сначала, что это за специфическая речь пациента, которая отличает анализ от других отношений пере-

носа. Для этого представим себе верующего, который исповедуется священнику, и спросим себя, чем различаются эта речь, адресованная исповеднику, и речь, адресованная аналитику. Я бы дал, вместе с Фрейдом, следующий ответ: верующий исповедуется священнику во всем том, что он знает, тогда как пациент признается аналитику как во всем том, что он знает, так *и во всем том, чего не знает*. Здесь мне вспоминается одна пациентка, которая именно такими словами описала это своему аналитику: «Есть все то, что я знаю, и надеюсь вам рассказать, и то, чего я не знаю и что само скажется». Фактически, специфика анализа заключается, напомним, именно в событии высказывания, сделанного пациентом, *не знающим*, о чем он говорит. Это событие, как мы уже подчеркивали, активизирует бессознательное. Итак, чтобы это значимое событие имело место, главным условием является то, чтобы пациента слушали. Слушали в ожидании события и речи пациента, предполагающего, что его слушают.

Хотя он и вносит определенную ясность, это ответ кажется мне недостаточным. Есть еще и вторая черта, которая выделяет отношения анализа и отличает их от любого другого отношения переноса, устанавливаемого со священником, учителем или лидером. Эта черта связана с наслаждением и заключается именно в образе действий психоаналитика и в особом месте объекта *a*, которое должно быть его местом, чтобы то, что он выслушивает пациента, порождало события. Объяснюсь. Психоаналитик — не тот партнер, который руководит мною, как лидер, который учит меня, подобно учителю, или который меня исповедует, подобно священнику, но совсем другой, совершенно уникальный партнер, который в ходе терапии становится неотъемлемой частью моей психической жизни. Парадоксальным образом отношения анализа все больше перестают быть отношениями между двумя людьми, чтобы стать уникальным психическим местом, которые включает в себя и аналитика, и пациента, более того, местом между ними двумя, которое окружает и поглощает партнеров по анализу. Таким обра-

зом, анализ — это единственное место, содержащее психическую жизнь аналитика и пациента.

Итак, в этом уникальном месте, своего рода уникальном психическом аппарате, которым стали отношения двух людей, роль аналитика может пониматься как роль, напоминающая роль влечения в функционировании психики. Иными словами, когда мы допускаем, что связь между пациентом и аналитиком организуется как уникальный обширный психический аппарат, место аналитика начинает соответствовать месту, отведенному объекту влечения. Так, Фрейд уподоблял роль психоаналитика роли объекта влечения, служащего Оно, название которого как раз определяет резервуар влечений⁷. Лакан же в свою очередь более четко обрисовывает эту территорию влечений, различая три типа наслаждения, которые мы знаем: наслаждение Другого, фаллическое наслаждение и прибавочное наслаждение. Итак, психоаналитику, или еще точнее, психоаналитической функции среди этих категорий соответствует прибавочное наслаждение, или, если вернуться к терминам этого урока, объект *a*. Разумеется, как только аналитик займет это место объекта, он соответствующим образом поменяет свою манеру слушать пациента. Я имею в виду, например, особенную манеру психоаналитика замолкать, в совершенно определенные моменты лечения. Это не просто молчание, но молчание компактное, напоминающее о насыщенности прибавочного наслаждения, динамизирующее молчание, вызы-

*Аналитик,
подобие
объекта *a**

*Замолкать
— значит,
оста-
ваться в
резонансе с
молчанием
наслажде-
ния*

⁷ Для того, чтобы проиллюстрировать уловки «я», соблазняющие «Оно», Фрейд любопытным образом приводит пример поведения аналитика во время лечения. Он проводит удивительную параллель между аналитиком и «я», по сравнению с «Оно»: аналитик, который обеспечивает перенос, и «я», посредующим между внешним миром и «Оно». Вот что он пишет: «Я» ведет себя, как аналитик во время психоаналитического лечения, предлагающий себя «Оно» в качестве объекта либидо и пытающийся перенаправить либидо на себя. Он [«я» или аналитик] не только является помощником «Оно», но также его подобострастным слугой, выпрашивающим любви у своего господина; (...) слишком часто он испытывает соблазн скатить в самодовольство, оппортунизм и вранье, немного напоминая при этом государственного мужа правильных убеждений, но стремящегося потрафить мнению общества». (З. Фрейд «Я и Оно»)

вающее всплеск бессознательного. Эта форма молчания, а также другие виды поведения аналитика, указывают на то, что он находится в позиции объекта *a*. Ту же самую идею можно было бы сформулировать, используя выражение *подобие объекта a*, и утверждать, что анализ есть, когда такое-то поведение аналитика есть подобие объекта *a*, то есть, что посредством своего поведения он представляет наслаждение (прибавочное наслаждение) в терапии. Идя дальше, следовало бы даже сказать, что в терапии аналитик представляет энергию, проходящую через отверстия тела, поток постоянного наслаждения, который изрезал край эрогенных отверстий. Короче говоря, аналитик в положении *a* представляет энергию, которая заставляет работать бессознательное или, если хотите, гетерогенность, которая создает и обеспечивает единство целого.

*

Короче, если нам понадобится резюмировать черту, которая отличает анализ от любого другого отношения переноса, мы бы сказали, что с точки зрения пациента, суть анализа заключается в том, означающем, которое он производит, превосходит субъекта — это связано с бессознательным; а с точки зрения врача — в том факте, что психоаналитик занимает в терапии положение подобия объекта *a* — это связано с наслаждением.

Теперь вернемся к вопросу о фантазии, которую мы упоминали всякий раз, когда говорили об идентификации субъекта с объектом *a*. Но прежде чем выявить клинические цели фантазматических формаций и механизм их порождения, напомним вкратце положения последнего урока. Мы установили установить три условия отделения объекта (захват воображаемого, эрогенные края и двойное требование) для того, чтобы данная часть тела приобрела статус объекта желания, а затем показали, как создавался объект желания в качестве объекта галлюцинации. Именно в галлюцинации и создается механизм, формирующий любую фантазию: субъект становится объектом.

Прежде чем уточнить логику, лежащую в основе фантазии, я хотел бы поставить вопрос: как конкретно фантазия предстает в клиническом опыте? Предположим, что врач во время проверки консультируется со мной: «Не помогли бы вы указать мне, как в рассказе моего пациента заметить объект *a*?». В принципе я должен был бы ответить: «Поскольку объект *a* представляется собой абстрактную и формальную ценность, обозначенную буквой, он неуловим и потому я не могу вам на него указать». Но правильным ответом было бы: «Если вы хотите выявить объект *a* во время аналитического сеанса, начните с поисков фантазии. Спросите себя, какая фантазия у вашего пациента в данный момент лечения, и тем самым вы определите место объекта *a*». Поскольку помимо своего формального статуса объект *a* находит клиническое воплощение, главным образом, в фантазии. Тем не менее, это пока еще недостаточный ответ. Чтобы ответить адекватным образом, необходимо определить фантазию бессознательного. Для Фрейда фантазия могла быть как сознательной, так и бессознательно, подобно психической формации, находящейся в постоянном движении. Он называл ее «черным-белым», чтобы показать, что фантазия непрерывно меняет регистр в движении туда-сюда между сознанием и бессознательным. Итак, можно констатировать, что в целом фантазия остается бессознательной.

Если мы вернемся к вопросам нашего аналитика на проверке, хорошим ответом могло бы быть: «Чтобы выявить объект во время аналитического сеанса, начните с выявления бессознательной фантазии». «Но скажите, пожалуйста, как конкретно можно раскрыть бессознательную фантазию при лечении? Какие признаки позволяют врачу указать на бессознательную фантазию?» И вы были бы правы, говоря о признаках, по которым можно не только узнать бессознательную фантазию, но и реконструировать ее. Между тем, прежде чем обрисовать признаки, указывающие на существование во время терапии фантазии, хотел бы вам напомнить, что общий термин «фантазия» объединение разные виды фантазматического производства, в том числе первичные фантазии; другие фантазии, более случайные, привязан-

Как узнать бессознательную фантазию в лечении?

ные к тому или иному этапу лечения; и в особенности то, что редко рассматривают в качестве фантазии, — сам перенос.

Тем не менее, как узнать выражение бессознательной фантазии во время терапии, а, узнав ее, реконструировать? В качестве ответа я предлагаю следующие ориентиры:

- фантазия несет с собой: сцену, персонажей — как правило, немногочисленных — действие, преобладающий аффект и присутствие на сцене определенной части тела.
- Фантазия находит выражение не только в рассказе пациента, но иногда и в его действиях, сновидениях и мечтаниях.
- Фантазия выражается через рассказ или действие, которые повторяются и, как правило, остаются незабываемыми. Она повторяется в рамках сеанса, нескольких сеансов, даже на протяжении всей жизни субъекта.
- Речь идет о сценарии, который пациент излагает очень подробно, но который при этом считает загадочным. Он описывает все аспекты, знает, что это затрагивает его самым интимным образом и даже узнает эмоцию, которую у него вызывает фантазия. Его фантазия порой становится необходимой симуляцией, пусковым механизмом, позволяющим получить удовольствие от оргазма. Несмотря на ее последствия, субъект все равно рассматривает фантазию как чужеродное явление, которое навязывается ему и повторяется вопреки его воле.
- Речь идет о рассказе, представляющем воображаемую сцену со своим местом действия, цветами, временем, освещением и звуками.
- Следует отметить персонажей той сцены, на которой развертывается действие: взрослый-ребенок, ребенок-животные, терапевт-ребенок... и спросить у пациента, находит ли он среди них себя и какова там его роль: протагониста действия или лишь его наблюдателя.
- Следует также выявить основное действие, указав в особенности на глагол, который пациент использует в своем рассказе для описания этого действия. Например, глагол «бьют» в знаменитой фантазии «ребенка бьют» или глагол «кусать» в фантазии «ребенок покусан собакой»

и т. д. Заметим также, что с формальной точки зрения глагол во фразе, определяющий фантазматическое действие, материализует означающее, которое мы уже идентифицировали как проходящее по краям эрогенных отверстий, равно как линию отсечения через двойное требование. Глагол во фразе, описывающей фантазию, в действительности представляет отсечение субъекта от объекта, это означающее, разделяющее и собирающее вместе субъект и объект.

- Следует также выявить *аффект*, то есть эмоцию или напряжение, которые преобладают в основном действии и проходят через персонажей. Каким аффектом нагружено действие? Сразу же уточним, что этот аффект не является эквивалентом наслаждения (прибавочного наслаждения), которое, как правило, не ощущается, даже если является бессознательным мотором действия в фантазии. В этой связи не будем смешивать три разных плана, на которых оказывается затронут субъект: одно дело, прибавочное наслаждение, которое бессознательно вызывает фантазию; другое, аффект или эмоция, которую переживают персонажи и которая преобладает в сцене фантазии; а третье — удовольствие или боль, которые само появление фантазии вызывает у пациента.
- Для того, чтобы выявить бессознательное наслаждение, включенное в действие — отличающееся от аффекта, который испытывает протагонист, следует рассмотреть, какая именно *ограниченная часть тела* участвует в действии. Это наслаждение имеет статус объекта *a*. Мы снова встретимся с местом этого объекта, когда обратимся к логике фантазии, сосредоточенной вокруг идентификации субъекта с объектом.
- Нить действия развивается как *перверсивный* сценарий. Но речь идет не столько об интриге, которая завязывается и развязывается, сколько о живой картине, стоп-кадре, в котором действие ограничивается несколькими жестами перверсивного характера. Заметим, что перверсивность, содержащаяся в фантазии, не может уподо-

бляться перверсии, рассматриваемой как клиническое образование.

- Появление фантазии и ее перверсивное содержание переживаются пациентом как постыдная практика, которую следует держать в тайне. По этой причине о фантазиях в ходе анализа рассказывают очень поздно.

*

Короче говоря, признаки, позволяющие выявить бессознательную фантазию, на данном этапе лечения: повторение рассказа, загадочный и удивительных характер сценария, который навязывается субъекту, персонажи сцены, развивающееся действие, преобладающий аффект, используемая часть тела и, наконец, перверсивный сценарий.

Потому что субъект эти объекты, (...) грудь, экскременты, фаллос, либо выигрывает, либо теряет, несомненно, разрешается ими или их сохраняет, но в особенности он является этими объектами, согласно тому месту, в котором они функционируют в его фундаментальной фантазии (...)

Ж. Лакан

Обратимся теперь к логике, которая лежит в основе фантазии, и попытаемся ответить на вопрос: каковы структура, механизм и функция бессознательной фантазии в ходе аналитического лечения?

Заметим сначала, что формальная матрица фантазии состоит в основном из четырех элементов: субъекта, объекта, означающего и образов. Совокупность этих элементов организуется, как мы сказали, точным сценарием, главным образом, перверсивным, и выражается посредством фразы в рассказе пациента.

Главный организующий механизм структуры фантазии — идентификация субъекта с объектом. Если мы вернемся к нашему комментарию к отрывку из Фрейда, в котором он говорит о ребенке и о груди, мы поместим фантазию в третий такт, в тот момент, когда, как говорит нам Фрейд, ребенок, потеряв грудь, сам становится грудью. Сказать, что ребенок не только теряет грудь, но становится ею, или что, например, вуайер не только смотрит, но превращается во

взгляд, — лучшее средство понять, что означает фантазия. Заметим, что различие между моментом отделения от объекта и моментом идентификации субъекта с объектом, — чисто теоретическое. На практике мы должны признать, что отпадение объекта производится тем же движением, что и идентификация субъекта с объектом желания. На самом деле, нет настоящей потери без того, чтобы субъект не идентифицировался с тем, что он теряет. С психоаналитической точки зрения мы в фантазии есть то, что мы теряем.

Если мы вернемся к примеру с траекторией двойного орального требования (рис. 6), которое, подобно отсечению, отделяет грудь, мы снова столкнемся с тремя тактами. Сначала первая петля требования ребенка к матери: «Я хочу есть». Затем вторая петля требования матери по отношению к ребенку: «Дай тебя накормить, мой малыш». И, наконец, третий такт — идентификация. Как только грудь отделена и установлена в качестве объекта желания, субъект с нею идентифицируется. Так образуется фантазия. Субъект становится оральным объектом, или, скорее, ребенок становится грудью, которая теперь предлагает себя Другому для пожирания. Фраза этого третьего такта: «Съешь меня, мама». Идентификация субъекта с грудью, таким образом, является ключом к оральной каннибалистической фантазии. Разумеется эта оральная фантазия, как любой другой вариант фантазии, анальная, садо-мазохистская и т. д., интересует нас для того, чтобы понять не только отношения мать/ребенок, но саму динамику переноса, рассматриваемую как динамику самой фантазии. Сколько раз нам приходилось сталкиваться с возникновением у пациента фантазии о том, что его поедает аналитик, или о том, что он сам его поедает!

Я также вспоминаю одного взрослого пациента, который признавался своему аналитику: «Должен вам сказать, хотя это и не просто, что уже какое-то время мне хочется иметь вас внутри себя, поедать вас». Фантазия «Я хотел бы вас съесть» может интерпретироваться как фиксация пациента на оральной стадии. Хотя такой подход к проблеме не даст нам продвинуться. Наоборот, если мы вернемся к ситуации аналитика, проходящего проверку, если бы он сооб-

В фантазии мы есть то, что мы теряем

Динамика переноса — это динамика фантазии

щил мне о похожих словах своего пациента: «Я бы хотел вас проглотить», я бы ему ответил: «Вы спрашиваете меня как распознать объект *a* в анализе? Вот он, объект *a* в анализе находится в центре фантазии о пожирании и в данном случае называется «грудь».

\$ ♦ *a* субъект ис-
чезает в
объекте

Этот момент, когда субъект смешивается с отделенным объектом, отдавая свою броню фантазии, Лакан формализирует при помощи следующей записи: \$ ♦ *a*

Утверждение, что субъект — это объект, означает, что агент фантазии, то есть, организующий элемент фантазматической структуры, это не сама личность ребенка или пациента. Фантазия — не является плодом чьего-то труда, но результатом одновременно и действия объекта, и отсечения означающего. Объект *a* — движущая причина (*cause motrice*) фантазии, а означающее (представленное как ♦) — его действующая причина (*cause efficiente*). Иными словами, двигатель фантазии — центр наслаждения, вокруг которого организуется фантазматическая мизансцена. Или скажем еще так: когда пациент в своем рассказе или в своих действиях позволяет разглядеть каркас фантазии, можно сразу же сделать вывод, что субъект этой фантазии не он, пациент, а объект желания и означающее (глагол), который маркирует место этого объекта.

Так же можно утверждать, что фантазия — это способ получать наслаждение, каркас, воздвигнутый вокруг прибавочного наслаждения. Пациент, признающийся своему аналитику: «Я бы вас съел», — человек с оральной фантазией. Это означает, что его локальное наслаждение называется «грудь» и что субъект этого фантазматического опыта — одновременно наслаждение и означающее, маркирующее наслаждение. Указанный субъект — это субъект бессознательного, то есть субъект, эффект бессознательного опыта по производству этой фантазии, а не человек, изливающий свои чувства. Разумеется, структура фантазии \$ ♦ *a*, конъюнкция/дизъюнкция между субъектом бессознательного и объектом *a*, — это формальная матрица, которую мы можем оживить, приписав к каждому из двух ее чередующихся мест одного или другого партнера по анализу. Как следствие,

когда пациент заявляет: «Я бы вас съел», объект *a* желания, в данном случае грудь, представлен аналитиком. Аналитик находится на месте преобладающего локального наслаждения. И наоборот, может так случиться, что пациент будет играть роль объекта, поглощаемого аналитиком. Вспомним, что Лакан в частности занимался разработкой логической артикуляции терминов, связанных с фантазией, в рамках топологии, используя топологическую поверхность, которая называется «проективная плоскость» или cross-cap (18). Этот топологический объект замечательным образом подходит для того, чтобы показать, как два термина «субъект бессознательного» (\$) и «объект» (a) соединяются и разъединяются посредством означающего, выполняющего функцию отсечения. Вспомним, что в клинической практике мы замечаем это означающее в форме конкретной фразы, которая рассказывает о фантазии, а, в особенности, через глагол, который указывает на действие.

Какая связь существует между галлюцинацией и фантазией?

Фрейд никогда не проводил четких различий между структурой сновидения, галлюцинации и фантазии. Он признавал, что не может по-настоящему различать три этих психических формации. Он группировал их под рубрикой «галлюцинаторные психозы желания». Для меня это название представляет исключительный интерес, потому что благодаря ему Фрейд порывает с ложной интуицией, которая располагала психозы в совершенно отдельном мире. Красивое выражение «психозы желания» помещают нас в неопределенную область, в которой перед сновидением, галлюцинацией или фантазией присутствует психоз. Эти психические производные — фантазию, галлюцинацию и сновидению — я окрестил «формациями объекта a» в к лакановским «формациям бессознательного». Зачем называть их «формациями объекта a»? Я попытался сгруппировать под одним и тем же названием различные психические производные, сформированные, однако, при помощи одного и того же психи-

*Формации
объекта a*

ческого механизма: субъект делается объектом, который он теряет.

*Объект *a* как объект желания в фантазии принимает различные телесные формы. Каково тогда более общее представление о теле, лежащее в основе такого видения объекта?*

Прежде всего я хотел бы поместить в контекст различные подходы к объекту *a*. По сути дела, с формальной точки зрения объект *a* можно рассматривать как дыру в структуре — конstellацию близких концепций Одного и множества. Объект также можно рассматривать с энергетической точки зрения, как *прибавочное наслаждение* — тогда конstellацией родственных концепций будут две другие категории наслаждения и бессознательного, структурированного как язык. Его еще можно рассматривать с точки зрения его статуса объекта желания, центра фантазии, как если бы он был набором *телесных форм* (грудь, боль и т. д.) — а конstellацией концепций тогда будут потребность, требование, желание и фантазия. И, наконец, с практической точки зрения объект может рассматриваться как *движущее лечение место*, которое занимает психоаналитик — тогда конstellация близких концепций будет состоять из подобия и интерпретации.

*

Обратимся теперь к вашему вопросу о теле в целом. Что такое тело для психоанализа? Не то же самое, что для анатома, физиолога, биолога или даже философа. В психоанализе, согласно Лакану, тело — это место наслаждения. Отвергаем ли мы по этой причине биологическую или философскую концепцию тела? Нет. Игнорируем ли мы, например, тот факт, что при маниакально-депрессивном психозе существуют биохимические изменения? Нет, но это не наша забота. У нас совсем другие проблемы. Если бы, например, передо мной был пациент с маниакально-депрессивным расстройством, я спросил бы его о том, как его психоз связан с болью, с трауром, с его утратой, наконец. Как он относится к своей болезни — то есть как он ощущает свои страдания, слышит голос «Сверх-Я» и упреки, которые он сам себе адресует

**Синтез
взглядов на
объект *a***

**Тело —
место на-
слаждения**

ет? Каков бы ни был органический субстрат психического заболевания, к нему неизменно примешивается символический аспект, связанный с тем, как пациент объясняет свои страдания и производит свои сновидения. Сновидение с его символикой всегда настойчиво призывает к тому, чтобы его поняли, даже если однажды откроют химический источник сновидений. Нет, интересующее нас тело — это не тело науки, но место, в котором наслаждаются, пространство, в котором циркулирует множество потоков наслаждения.

Итак, наш вопрос не может быть слишком общим: «Что такое тело?», но это скорее будет вопрос: «Как оно наслаждается?». Вопрос психоаналитика: «Как страдает мой пациент?», «Как он удовлетворяется?» и еще более непосредственно: «Где находится наслаждение?» Такая формулировка вопроса о теле уже демонстрирует мою включенность в перенос и, наоборот, моя аналитическая позиция будет определяться в зависимости от способа исследовать тело как место наслаждения. Но это, впрочем, не исключает того, что по этому случаю я могу заинтересоваться соматическими расстройствами, которые могут в течение жизни проявиться у пациента. Мы игнорируем физические процессы, от которых могут страдать наши пациенты, не потому, что мы — психоаналитики.

На вопрос «Что такое наслаждение?» я бы ответил, что один из лучших примеров тела, которое наслаждается, — это тело, сталкивающееся с максимальным переживанием интенсивной боли. Поймите меня правильно: наслаждение — это не удовольствие, а состояние по ту сторону удовольствия; или, если воспользоваться терминологией Фрейда, это напряжение, чрезмерное напряжение, максимум напряжения, тогда как удовольствие, наоборот, снижение напряжения. Если удовольствие, скорее, заключается в том, чтобы не терять, ничего не терять и как можно меньше растрачивать, наслаждение в свою очередь располагается на стороне потери итраты, истощения тела, доведенного до пароксизма своим усилием. Именно в этом тело проявляется как субстрат наслаждения. Именно через это состояние тела, ко-

торое себя растрачивает, аналитическая теория понимает наслаждение тела.

Возьмем случай вуайериста, который, скрывшись за деревьями, ночью подглядывает за обнимающимися парами и наслаждается через взгляд. Если он настоящий вуайериста, он наслаждается не только глазами, но также делает все необходимое, чтобы пара его заметила и в негодовании набросилась бы на него с упреками или забросала камнями. Это фундаментальный аспект. Нет таких вуайеристов, которые не были бы мазохистами. Незнакомец подсматривает, все время надеясь, что его выведут на чистую воду и что тогда он сможет насладиться не только взглядом, но и болью унижения. Будьте уверены, без этого унижения, которое, как правило, проходит пунктиром через провалы первверсивного сценария, субъект не может считаться перввертом. Это будет скорее невротик, который изображает первверта.

В связи с этим я хотел бы развеять одно недоразумение, достаточно устойчивое, согласно которому первверт отождествляется с невротиком, наслаждающимся фантазией с первверсивным содержанием. Хотя, на самом деле, все невротики мечтают о том, чтобы бы быть перввертами, но тщетно. Если невротик живет первверсивными фантазиями, первверт конкретным образом приводит в действие эти фантазии, хотя и не может их осуществить. Тогда как один мечтает, второй воплощает мечты в жизнь вплоть до провала. Таким образом, первверт — это тот, кто воплощает в жизнь первверсивную фантазию невротика, не боясь унизительного провала. Потерпев неудачу и испытав унижение, первверт испытывает тревогу, депрессию, чувствует, что смешон, что он — идиот. Несомненно, в первверсивном поведении есть нечто болезненно комическое. Если невротик вызывает улыбку, потому что бессильно играет в первверта, последний тоже вызывает смех, когда видят как вся операция, которую он так тщательно выстроил, рушится как карточный домик. Именно в этом момент он наслаждается тем, что так низко пал и находит удовлетворение в мазохистской боли.

Но тогда где локализовать первверсивное наслаждение? Когда вуайерист наслаждается взглядом (прибавочное на-

Глаза вуайериста

Невротик мечтает о том, чтобы быть перввертом

слаждение) или страдает от унижения (прибавочное наслаждение), его тело испытывает максимальное напряжение и растрачивает себя до полной потери. Он лишается зрения и любых органических ощущений, как будто у него отсутствует тело. Когда он смотрит, теряет зрение, а когда он переживает унизительный провал, его тело теряет синестетическую чувствительность. Когда мы предложили формулировку «отсечение производит отделение», мы думали именно об этом примере первверсии, когда по телу, на уровне глаз и мускулов, проходит чувство максимального наслаждения. Сказать, что тело «наслаждается» равносильно тому, чтобы сказать, что тело «теряет». Заметим, что эрогенная зона, относящаяся к взгляду, --- это веки, а относящая к боли — вся совокупность телесных ощущений, в особенности мускульных.

*Перверт
отслежи-
вает на-
слаждение
Другого*

Заметим, впрочем, что наш пример превосходно подходит и для того, чтобы проиллюстрировать такую категорию наслаждения, как наслаждение Другого. Безмерное наслаждение воплощается в том же самом примере вуайериста в абсолютном наслаждении, которое первверт хочет поймать в образе занимающейся любовью пары, которую он застал врасплох. Для первверта наслаждающийся Другой — это пара, пребывающая в сладостном экстазе. Именно поэтому различие между невротиком и перввертом не в том, что один мечтает о наслаждении, а второй приводит в действие это наслаждение (прибавочное наслаждение), но скорее в том, что первый (невротик) считает наслаждение Другого невозможным наслаждением, тогда как второй (перверт) считает его осуществимым. Невротик воображает наслаждение Другого и смутно его предполагает в разных воплощениях, таких как смерть, высшее счастье или безумие. Первверт же — совсем иное дело, он не воображает наслаждение, но ищет его, отслеживает и считает, что его возможно поймать. Когда он его замечает, из-за дерева, вуайер хочет уловить экстаз любовников, хотя у него в голове нет никакого предварительного образа.

*

Итак, мы понимаем, насколько фундаментально тело для аналитика сведено к своему частичному наслаждению — в нашем примере к взгляду или мазохистской боли — поляризованному вокруг своих эрогенных зон — век и мускулов. «Какова связь тела с наслаждением?» или же: «Как именно наслаждается тело?», или еще точнее: «Какая именно часть тела наслаждается?» Эти вопросы напомнили об одной личной истории, произошедшей со мной как раз в тот момент, когда я работал над тематикой наслаждения. Я пришел к выводу, что вопрос аналитика должен формулироваться следующим образом: «Где именно в теле найти наслаждение?»

В то время я со своим другом, тоже психоаналитиком, присутствовал на прекрасном балете «Последний отпрыск фавна», в котором участвовала замечательная пара итальянских танцов, Паоло Борталуцци и Карла Фраччи. В сцене необыкновенной красоты Борталуцци держится рукой за перекладину станка и в медленном маятниковом батмане поднимает левую ногу вперед и ведет ее назад, едва касаясь земли. От простоты этого движения у меня возникло впечатление, что в нем танцор достиг апогея своего искусства. Казалось, что концом ступни он чертит письмена, поражающие своей легкостью. Эта фигура показалась мне кульминационной точкой балета. Выходя из театра, я предложил своему другу сыграть в игру, спросив себя, как психоаналитиков, где в этом спектакле было наслаждение. Первое, что пришло нам в голову: наслаждение, вероятно, было во взгляде зрителей, начиная с нас самих. Впрочем, потребовалось бы обсудить, относится ли очарованность зрителей к сфере зрения или взгляда, удовольствия от видения или наслаждения от взгляда. В связи с этим отметим, что первоначальный вуайер, о котором я только что говорил, смотрит, но не видит. Я не смог бы сказать, находимся ли мы, зрители, под действием удовольствия или под действием наслаждения, видим мы или смотрим, но в любом случае наши вопросы становятся все настойчивее: «Где локализовать наслаждение в этом балетном спектакле?» Если мы не встретили его у зрителей, тогда оно должно было исходить от тела самих танцов. Но от какого именно его аспекта? Мы рас-

*Где именно
в теле най-
ти наслаж-
дение?*

*... в ноге
танцов-
щика*

стались, так и не найдя ответа, но, прия домой, я, к своему удивлению, снова задумался над этим вопросом. У меня в конце концов появилась идея, которую я той же ночью описал в письме к тому самому другу. Я полагаю, написал я ему, что нашел место наслаждения в балете: парадоксальным образом, это нога Бортолуцци. Почему нога? По двум причинам. Во-первых, потому что в кульминационной, как мне кажется, сцене нога танцовщика сосредоточила в себе все напряжение балансирующего тела. А во-вторых, поскольку Бортолуцци так много работал над своим телом и так много им пользовался, столько жизни перешло в этот его фрагмент — представьте себе дисциплину и строгость этого человека, который тогда уже был известным артистом, — что я, нисколько не колеблясь, написал, что с точки зрения наслаждения Бортолуцци потерял эту ногу, что он все время с ней расстается. Нога стали таким местом на теле, которое, по сути дела, не принадлежит танцовщику.

Вопрос о локализации наслаждения в балете очень помог мне понять, что означает потерять, когда прожил. Потеря в нашем случае располагается не на первичном уровне отношений матери и ребенка, но в сфере, относящейся к искусству и сублимации. Чтобы понять наслаждение, мы здесь пользуемся тем же самым концептуальным «аппаратом», но на другом уровне. Отсечение, которое производит означающее, в нашем примере представлено не требованием, но телесной дисциплиной танцовщика, крайней податливостью, тем тысяча и одним разом, когда это тело должно было напрягаться, чтобы ухватить именно ту гармоничную точку, в которой нога умело касается земли. Благодаря этому примеру вы можете увидеть, что воздействие означающего на тело не всегда принимает форму произнесенного слова или сформулированного требования. Воздействие означающего представлено здесь дисциплиной, которой должно подчиниться тело артиста. Повторение означающего — это бесчисленные часы, прошедшие дни, непрерывная работа, приведшая к тому, что танцовщик потерял ногу.

*Субъект
исключен
из наслаж-
дения*

Наше изложение подводит нас к следующему выводу. Адекватным вопросом будет не «Кто наслаждается?», а «Что в нас наслаждается, какая часть тела?» Добравшись до идеи о том, что тело — это место наслаждения, перейдем теперь к вопросу «Замечает ли субъект, что он наслаждается?». По примеру бессознательного, которое заставляет субъекта говорить, когда он сам об этом не ведает, наслаждение его потрясает, хотя он и не замечает, что оно его затронуло. Есть страдания тела, свойственные танцовщику, такому как Бортолуци, которые он бы не смог измерить и которые сосредоточены в прекрасном движении ногой. Мы всегда можем узнать ощущение удовольствия, но не меру того, что теряется. Мы никогда не сможем ни признать, ни измерить степень испытаний, которым подвергается тело. То есть, можно испытывать удовольствие, но не измерить наслаждение. И это позволяет нам напомнить положение первого урока: субъект исключен из наслаждения.

*

*Если вернуться к наслаждению, как можно представить на-
слаждение при самоубийстве?*

При какого рода самоубийстве? Потому что есть несколько типов самоубийства: истерическое самоубийство, меланхолическое, шизофреническое и не только. Субъект, страдающий меланхолией, например, кончает с собой совершенно по-другому, чем истерик. Как правило, самоубийство истерика — это не поступок, а действие, которое превзошло намерение субъекта, как будто он пошел очень далеко, дальше, чем на самом деле собирался. Самоубийство как поступок, наоборот, — такое самоубийство, при котором субъект делает шаг и действительно переступает порог наслаждения. Другого. Он постулирует поступок и переходит последнюю границу. Но не будем обманываться, не всякое самоубийство является прыжком за предел. Место наслаждения будет отличаться в зависимости от клинических вариантов суициального действия. Поэтому я вас и спрашиваю: какого рода самоубийство?

**Суицидаль-
ный посту-
пок**

To, которое вы считаете поступком.

Сначала вспомним, что для того, чтобы узнать, к какому виду принадлежит самоубийство, следует исследовать конкретный способ, которым был положен конец жизни. Именно по тому способу, который положил конец жизни, через повешение, холодным оружием, огнестрельным оружием или через отравление и т. д., можно потом узнатъ тот вид страданий, который привел к смерти. Тем не менее, мы никогда не можем точно объяснить столь радикальный поступок, как самоубийство. В ответ на ваш вопрос осмелимся выдвинуть одно единственное утверждение: самоубийство писателя вроде Мисимы или Монтерлана, например, — это поступок, при помощи которого они переступили черту безмерного наслаждения. Они коснулись предела наслаждения, отличного от того, которое локализовано в частях, во взглядах, в груди, в более и т. д. Когда заходит речь о самоубийстве-поступке, мы больше не находимся в области локального и ограниченного, но в области радикального неизмеримого. При этом я хотел бы, чтобы эти мои комментарии были восприняты как один из возможных подходов к феномену самоубийства. Радикальный суицидальный поступок всегда требует от нас максимальной осторожности в суждениях. Случай самоубийства-поступка — это только пример конфронтации субъекта с наслаждением-Другого, один пример из многих, показывающих субъекта, открывающего дверь того места, из которого мы неизбежным образом изгнаны. Экстаз мистика — еще одно воплощение того, как преступают порог наслаждения-Другого, наслаждения, захватывающего все тело полностью в предположительной встрече с Богом.

*

Вспомним наши размышления на первом уроке. Самое корректное наименование для того, чтобы локализовать наслаждение-Другого, — определить его как место, в котором нет означающего. Это определение через отрицание. Если мы хотим продвинуться в нашей психоаналитической работе, следует думать об этом месте как о месте без имени, как о

месте пола. Какого пола? Когда мы говорим «пол», мы имеем в виду не генитальный пол. Нет, мы говорим о максимальной способности тела наслаждаться. Иными словами, психоанализ определяет первую инстанцию наслаждения-Другого как место неименуемого пола, пола, который мы не сможем определить как женский или мужской. Мы интересуемся телом с точки зрения наслаждения и, однако, мы не знаем, в чем собственно состоит различие в наслаждении женщины и в наслаждении мужчины. Собственно в этом заключается смысл формулы: «Сексуальные отношения не существуют». Да, мы полагаем, что тело нас интересует только как место наслаждения, но когда заходит речь о том, чтобы узнать, что такое наслаждение, что такое тело, доведенное до апогея своей способности наслаждаться — о мистическом наслаждении, например, или о наслаждении, присущем самоубийству как поступку —тогда мы признаем существование наслаждения, но не можем определить его природу. Потому что, если психоанализ и признает неразрешимую тайну наслаждения, он, тем не менее, не ограничивается простым признанием своего бессилия. Если бы психоанализ ограничивался только заявлением о том, что «Наслаждение — это тайна», он был бы только мистикой, завороженной пропастью. Работа теории состоит не только в том, чтобы заявить: «Есть неизвестное реальное», но в том, чтобы попытаться его очертить или, точнее, описать пределы реального. Формулировка Лакана «Сексуальных отношений не существует» — это именно попытка очертить реальное, границы нехватки означающего пола в бессознательном. «Сексуальных отношений не существует» означает, что в нашем бессознательном нет сексуальных означающих, соединенных друг с другом, связанных отношением. Вспомним следующее высказывание Лакана: «Отсюда мое высказывание: сексуальных отношений не существует, подразумевается: *формулируемых* внутри структуры». (19)

Когда анализ предлагает в качестве аксиомы, что сексуальное отношение не существует, это не означает, что мы игнорируем любовную встречу мужчины и женщины или же наличие у них видов частичного наслаждения, которые называют

прибавочным и фаллическим наслаждением. Нет. Лакановское высказывание заявляет об отсутствии отношения, чтобы противопоставить себя некоторой идее, понимающей сексуальное отношение как кульминационный момент, когда два тела сливаются в одно. Именно против этого выступил Лакан: против того, что встреча мужчины и женщины образует единое существо. Это миф Аристофана в «Пире» Платона.

Итак, мы не нуждаемся в клинической практике с нашими пациентами, чтобы знать, что в целом встреча мужчины и женщины неизбежно остается дисгармоничной. Как наслаждается каждый из них? Мы этого не знаем. Мы знаем, что женщина наслаждается иначе, чем мужчина. Два тела не могут образовать одно, потому что есть расхождение в сексуальном наслаждении. Объяснимся. В реальных сексуальных отношениях задача — отношение одного тела с частью другого тела. Оба, и мужчина, и женщина, наслаждаются частью тела другого. Если бы одни из партнеров возразил мне, объяснив, что наслаждается всем телом другого, я бы ответил: «Может быть и всем телом, но редуцированным до объекта». Вспомните о «сделке», предложенной Садом в «Джульетте»: «Предоставьте мне, мадам, на мгновение часть вашего тела, которая может доставить мне удовлетворение, и наслаждайтесь, если желаете, той частью моего тела, которая может оказаться вам приятной».

В конкретных сексуальных отношениях, таким образом, речь идет не о наслаждении всем телом Другого, как это происходит в случае мистика, который наслаждается Богом. Действительно, когда некоторые мистики говорят, что в экстазе телесно открываются Богу, они наслаждаются всем своим телом. Но при этом когда речь заходит собственно о сексуальных отношениях, наслаждаются телом Другого, редуцированным до объекта, Другим, редуцированным к другому. Снова возникают наши вопросы: «Кто такой другой?», «Кто партнер в сексуальных отношениях?» «В момент оргазма кто является другим?» Другой — это частичный объект. Равно как двое партнеров редуцируются один для другого до статуса объекта.

В половом
акте оба
партнера
редуциру-
ются до
объекта

Урок 5

Тело

*Сексуальное тело
Говорящее тело
Воображаемое тело
Токсичный избыток наслаждения
Опухоль глаза
Аналитик реанимирует смысл
Как выявить наслаждение в терапии?
Функция слушания*

Наслаждение узнается и мыслится только в связи с телом. Каким бы образом оно не наслаждалось, хорошо или плохо, только тело может наслаждаться и не наслаждаться, таково, по крайней мере определение, которое мы собираемся дать наслаждению.

Ж. Лакан

Некоторые из вас попросили меня углубить на этой последней встрече вопрос о теле в психоанализе. Итак, вы поняли, что, если даже я не посвятил ему отдельного урока, психоаналитическая концепция тела нашла отражение во всем нашем семинаре и, в особенности, в той части, в которой я касался понятия объекта *a*, желания и наслаждения.

Но прежде чем начать, я хотел бы сделать предварительное замечание касательно отношений психоаналитика с теорией. Наша работа в эти дни приходила, как вы почувствовали, под знаком отношений с теорией. Итак, что же такое для нас теория? Место теории для аналитика, скажем это одним словом, — это место истины. Это не значит, что теория говорит истину, но скорее, что она выполняет функцию истины. То есть, обуславливает в нас, сознательно или бессознательно, особый способ аналитического действия. Я бы, например, мог очень четко изложить вам связь между наслаждением и телом, мы бы очень подробно развили эти концепции, и при этом могло бы так случиться, что завтра, когда вы придете в ваши консультации и займетесь работой с пациентами, ока-

Теория — это истина, заставляющая нас действовать

залось бы, что эти концепции, которые мы вместе с вами разрабатывали, не оказывают на вас никакого воздействия, которое должна оказывать истина. Может так случиться, что вы выйдете с семинара, такого, как наш, просвещенными в отношении концепции тела, но при этом никакого изменения в том, как вы слушаете пациента не произойдет. Итак, ценность теории именно в том, чтобы определить эффекты для слушания. Ценность теории — это ценность истины, если она понимается как действующая причина. Истина в психоанализе определяется только в соответствии с уподоблением слова вещи. Это не высказывание, которое сообщало бы о сущности вещи. Нет, ценность истины для нас, психоаналитиков, в ее способности обуславливать действие в терапии. Это остается наилучшей позицией в отношении теории. Между тем, эта предрасположенность, эта открытость эффектам истины не должна переходить у нас в умеренный интерес к фундаментальным трудам психоанализа. Наоборот, необходимо быть страстным читателем. Необходимо читать, чтобы учиться, понимать, связывать друг с другом концепции. Это наверняка. Но знайте, что этого страстного желания работать над теоретическими текстами недостаточно, кроме этого, необходимо, чтобы слова, концепции и определенная логика мысли могли провоцировать у аналитика конкретные и яркие эффекты.

Три конкретных эффекта теории

Какие эффекты? Я бы различал три эффекта. Во-первых, теория имеет практическую ценность, давая нам слова для выражения на общем языке всех явлений, производимых бессознательным, которые мы отмечаем как у пациента, так и в нас самих. Затем постоянное использование аналитических концепций и слов способствует исключительному совершенствованию органов восприятия у психоаналитика, расширению области его слухового и визуального восприятия и, в особенности, остроте восприятия, позволяющей уловить присутствие бессознательного наслаждения за чертами и внешними особенностями нашего пациента. Наконец, третий практический и реальный эффект, производимый теорией — упрочение нашей принадлежности к социальному сообществу психоаналитиков, которые гово-

рят на одном и том же теоретическом языке и являются носителями одних и тех же идеалов, с которыми каждый из нас идентифицируется.

Мы много изучали и углубляли наше знание теории, однако, по мере того, как идет время и мои знания растут, охват теории не измеряется аршином знаний, но ее эффективностью в обуславливании методов нашей работы с пациентами и даже нашего образа, я бы даже сказал, стиля жизни. Просто-напросто прежде, чем говорить о теле, я бы хотел вас предупредить: будьте открытыми, не только для того, чтобы научиться теории — здесь будьте страстными — но в особенности будьте настороже и говорите себе: «Теория меня затронет, бессознательно, там, где я этого не жду, заставив применить особый метод слушания».

Теория не имела бы этой способности трогать нас, а через нас затрагивать и наших пациентов, если бы нас не обуревала страсть к работе над текстом, к тому, чтобы его мучить, перерабатывать при помощи тела до тех пор, пока концепция не станет нашей действующей причиной. Необходимо страстно увлекаться теорией, чтобы в ответ она оказала на нас воздействие и заставила бы нас действовать неожиданно для нас самих. Мы тогда окажемся в положении пациента, который должен любить или ненавидеть, быть во власти страсти переноса, чтобы его высказывание имело ценность истины. Да, в своих отношениях с теорией психоаналитик так же подчинен эффектам истины, как пациент может быть подчинен эффектам бессознательного, почти при одном том же условии — страстной увлеченности. Прекрасно! Займемся теперь проблемой тела. Как у вас возник этот вопрос? Он касался трудностей, которые возникают в нашей аналитической практике. В частности я имею в виду психосоматические воздействия и органические расстройства тела, которые появляются в ходе лечения.

Что такое тело?

Чтобы вам ответить я хотел бы сначала обратиться к более общему статусу тела и заново дать ему определение в соответствии с двумя фундаментальными параметрами, которые, как мы помним, задают границы психоаналитического поля. Эти параметры — речь и секс. Все, что не относится

к области речи или сексуального, располагается вне нашего поля. Как если бы на фронтонае теоретического здания психоанализа было бы выбито: «Входящие сюда признают, что все то, что они встретят внутри, несет отпечаток речи и секса». В отличие от хирурга, который располагается перед телом своего больного и обращается с ним как с организмом, не задумываясь о том, говорит он или наслаждается, психоаналитик должен постоянно прямо или косвенно ссылаться на эти параметры, каковыми являются речь или секс, и тем самым мыслить два статуса тела: говорящее тело и сексуальное тело.

На последних двух наших уроках мы пришли к очень продвинутому определению тела в его статусе сексуального тела, которое редуцируется до своей наслаждающейся части. Мы видели, что с этой точки зрения не существует целого тела, что тело — это всегда часть, и, что еще существеннее, тело — это локальное наслаждение, накопленное в этой части. Вспомним о примере с ногой танцовщика и с глазами вуайера, которые позволили нам понять, насколько тело является чистым напряжением, чистым наслаждением, сконцентрированным в том или ином органе. Исходя из наших вопросов о объекте *a*, мы также с самого начала расположились на точке зрения сексуального тела. Но что такое сексуальное тело? Зачем называть его сексуальным? Потому что тело — это наслаждение, а наслаждение сексуально. Потому что, не будем забывать, что такое наслаждение — это ничто иное, как толчок энергии бессознательного, когда оно порождается эрогенными отверстиями тела; когда оно выражается либо напрямую через действие, либо косвенно через речь и фантазию; когда оно — тот порыв, который всегда устремлен к недостижимому горизонту инцестуальных сексуальных отношений? Фактически, наслаждение может быть только сексуальным, потому что идеальная цель, к которой оно стремится, — сексуальная. И потому все, чего оно касается и уносит в своем потоке, сексуализируется, будь то действие, речь, фантазия или какой-то орган тела, ставший эрогенным.

.. сексуальное тело

Анализ отличается (...) тем, что он высказывает то, что является хребтом моего учения: я говорю, сам о том не зная. Я говорю через мое тело и не знаю этого. То есть я всегда говорю больше, чем знаю.

Ж. Лакан

Если мы теперь обратимся к другому фундаментальному параметру, параметру языка, мы должны ответить на вопрос: что такое говорящее тело? «Говорящее тело» означает, что тело, интересующее психоанализ, — это не тело из плоти и крови, но тело, взятое как совокупность означающих элементов. Говорящим телом может, например, быть лицо в той мере, в которой лицо образовано линиями, выражениями и чертами, отличающимися друг от друга и связанными друг с другом. Итак, скажем прямо, прилагательное «говорящий» подразумевает не то, что тело с нами говорит, но что оно означивающее, то есть несет на себе означающие, которые говорят между собой. Это лицо, во всей сложности своих отличительных черт, — это нечто иное, нежели суггестивное выражение. Когда лицо пробуждает чувство, это тело-образ; но когда то же самое лицо вызывает неожиданное высказывание, это тело-означающее. Представим себе аналитика, который пришел за своим пациентом в приемную, и который, принимая его, смотрит ему в лицо. Полагаю, что нужно быть очень открытым по отношению к лицу пациента в момент его принятия. У меня это привычный жест: нечто большее, чем просто жест гостеприимства, это первый шаг сеанса, который начинается. Многие аналитики не подают руки. Что касается меня, то я пожимаю руку и, кроме того, смотрю на пациента. Я продолжаю внимательно следить за его лицом и за походкой, за его манерой укладываться перед началом сеанса. Но это тело, которое пробуждает во мне симпатию или антипатию, — это не означающее тело. Наоборот, данное лицо будет означающим в той мере, в которой оно будет определять во мне, например, неожиданное поведение во время сеанса. В тот самый момент, когда я иду за пациентом, я дистанцирован ото всех мыслей; я поворачиваюсь к нему и вижу эмоцию, написанную у него на лице, мы вхо-

... говоря-
щее тело

дим в комнату с кушеткой, он ложится, говорит, я его слушаю и в какой-то момент сеанса я сам удивляюсь собственному внезапному вмешательству, обращенному не столько на содержание его высказываний, сколько на их артикуляцию через черту лица, которую я ухватил с первого взгляда, сам того по-настоящему не заметив. Это лицо — означающее, потому что по тому же праву, что и истина, оно определяет вмешательство психоаналитика во время сеанса. Таким образом, означающее тело — это не тело-стимулятор, которое со мной говорит, но тело, наделенное способностью определять поведение во время терапии без моего ведома.

... воображаемое тело

Но мы должны еще добавить третью перспективу, чтобы определить тело в психоанализе. Тело — мы это видели — это говорящее и сексуальное тело, но это также — и это будет моим третьим постулатом — образ. Не мой собственный образ в зеркале, но образ, который мне посыпает другой, мне подобный. Другой, который необязательно мой близкий, но любой объект мира, в котором я живу. Образ моего тела — это, прежде всего, то, что я воспринимаю *вне* моего тела. Оно приходит ко мне извне, чтобы придать форму и единство моему сексуальному телу, телу наслаждения. Тело как образ, скорее, будет моими часами или этой медной лампой, или даже домом, в котором я с вами разговариваю. Эти объекты — образ, мой образ, при условии, если эти часы, эта лампа, этот дом нагружены аффективной ценностью. Да, я бы сказал, что при условии, что он имеет для меня интимный смысл, этот дом, например, будучи образом тела, является продолжением моего тела. Таким образом, телом я называю — третье определение — любой образ тела, объединяющий две характеристики: во-первых, то, что он идет извне, от другого человека или объекта в окружающей среде, который со мной разговаривает; а, во-вторых, он должен быть устойчивым и охватывать очаги моего наслаждения. Так, сексуальное и наслаждающееся тело остается всегда скрытым воображаемыми подобиями, которые я улавливаю вовне.

Как мы видим, тело можно рассматривать с трех взаимодополняющих точек: в первую очередь с точки зрения *re-*

ального мы имеем тело как синоним наслаждения; затем, с точки зрения символического мы имеем тело-означающее, совокупность дифференцированных между собой элементов, которая обуславливает поступок в другом; и, наконец, воображаемое тело, отождествляемое с внешним захватывающим образом, который пробуждает в субъекте смысл. Вот три перспективы, которые я предлагаю вам применять для определения тела в рамках психоанализа.

*

Хочу спросить о контр-наслаждении. Если для психоанализа тело всегда частичное и ничто иное, как наслаждение, это, вероятно, означает, что органическое тело, тело из плоти и крови будет телом как целым, я хочу сказать, телом, от которого отделилась наслаждающаяся часть?

Это справедливый, но в то же время ложный вопрос, поскольку касается деликатных, полных нюансов отношений между телом и наслаждением. Так случилось, что Лакан сформулировал два внешне противоречащих друг другу принципа, касающихся наслаждения. В 1967 Лакан часто возвращается к концепции наслаждения в его отношениях с телом. Вот две формулировки, которые он будет повторять еще много раз: «Нет наслаждения, кроме наслаждения тела» и, почти в тот же период, он утверждает обратное: «дизъюнкцию между телом и наслаждением». В моем прочтении эти лакановские высказывания не являются противоречащими при условии признания того, что слово «тело» используется в разных значениях в каждой из этих формулировок. В первой «Нет наслаждения, кроме наслаждения тела...» тело следует понимать как частичное. В этом значении мы его и употребляли в течение всего этого семинара. Заметим, что мы могли бы дать другую интерпретацию, не менее правомочную, которая свелась бы к простому утверждению: необходимое и достаточное условие наслаждения — существование живого тела: не бывает наслаждения, кроме наслаждения живого органического тела. Если нет жизни, нет и наслаждения. Чтобы тело наслаждалось, необходимо, чтобы оно было живым.

«Нет наслаждения, кроме наслаждения тела» Ж.Л.

Вторая формулировка Лакана: «Наслаждение разделено с телом» приобретает значение, дополняющее первое высказывание, если рассматривать тело, как мы его только что рассматривали, — как «тело из плоти и крови». Речь пойдет об органическом теле, рассматриваемом как основа ненаслаждения, на фоне которого выделяется частичное наслаждение, сосредоточенное в фрагменте тела, таком как нога танцовщика или глаза вуайера. Наслаждение, на самом деле, радикально отделено от тела, да, если рассматривать в качестве тела органическое тело, то, которым психоанализ заниматься не должен. Еще можно прочитать эту вторую формулировку Лакана, переведя ее следующим образом: частичное наслаждение отделено от органического тела, рассматриваемого как целостное тело, тело Другого, фиктивное тело, от которого отделилась наслаждающаяся часть.

Наконец, проблема, которую поднимает Лакан со своими двумя относительными принципами, касающимися наслаждения, отсылает к диалектическим отношениям части и Целого. В этой паре психоанализ отдает предпочтение части, потому что в жизни бессознательного есть только частичное. Независимо от того, находимся ли мы в области реального, символического или воображаемого, мы всегда остаемся в пределах частичного. Если нас интересует реальный статус тела, мы признаем, что наслаждение всегда частичное и, как следствие, потому что тело — это наслаждение, мы делаем вывод, что тело тоже в конечном счете является частичным. В то же время мы бы утверждали, что тело сжимается и редуцируется самим фактом наслаждения. Если же на этот раз мы будем придерживаться воображаемого статуса тела, частичный характер тела снова найдет подтверждение. Когда я признаю этот дом в качестве формы, нагруженной смыслом, и признаю, что этот смысл сам по себе является образом моего тела, преобладает частичный аспект, потому что единство мне придает не весь дома, а один из его аспектов. Лицо тоже является означающим телом только как частичное тело, потому что отдельный элемент, лежащий в основе действия аналитика, всегда ограничивается частью тела, вспышкой взгляда, поджатыми губами или пятном краски. В действии

тельности есть только один такой элемент, который действует, и он принадлежит к порядку Одного. Таким образом, частичность неоспоримо господствует в анализе: либо потому что мы редуцируем означающее к Одному, либо потому что образ — это всегда часть, или еще потому что наслаждение всегда остается локальным наслаждением.

Мы видим, что проблема частичности лежит в двусмысличности слова «частичный», потому что заставляет предположить необходимую дополняемость Целого. Если я говорю, что объект является частичным объектом, мое утверждение предполагает, что предварительно было Целое, от которого объект отделился. Это утверждение было бы правомочным при условии, что целостность, из которой изъяли объект, будет фиктивной целостностью. Именно это хочет донести до нас Лакан, когда утверждает, что большой Другой не существует. В психоанализе целостность существует только в качестве вымысла. У нас есть две из наиболее ярких иллюстраций тела, взятого как фиктивная целостность. Во-первых, образ целого человеческого тела, который воспринимает ребенок на стадии зеркала. Напомню, что, согласно Лакану, ребенок открывает в зеркале воображаемое единство тела, которое на самом деле является только лишь множественными рассеянными ощущениями. Другой пример глобального и вымышленного тела — тело матери в связи с частичными объектами, которые от него отделяются, такими как грудь, отношения, о которых мы говорили уже на третьем уроке. При этом не будем слишком отрицательно относиться к тотальностям, они совершенно необходимы для образования воображаемого, а также для эффективности символического. Вымысел о Целом, который Лакан считал одним из важнейших воплощений подобия, точно так же совершенно необходим для символической жизни, как та первоначальная ложь, которую Аристотель называл *proton pseudos*.

Но я хотел бы затронуть поднятую вами проблемы терапевта, столкнувшегося с трудностями, связанными с мастированным присутствием тела в терапии. Первый спо-

соб борьбы с такого рода трудностями для терапевта — это иметь теорию и осуществить ее проверку на практике. Для того, чтобы начать слушать пациента, требуется соблюдение нескольких условий: иметь теорию, затем заменить ее фантазией, одновременно выведенной из концепции и списанной с конкретных высказываний пациента. Затем, как только вы таким образом подготовитесь, можно начинать слушать, забыв обо всем этом, о теории и о фантазии, не препятствуя забыванию. Итак, каким образом осмыслить психосоматические расстройства и даже органические заболевания, возникающие во время терапии? Исходя из трех статусов тела, которые мы сейчас выделили, становится понятно, что в этих расстройствах одно из тел разрывает связку реального, символического и воображаемого, чтобы ворваться на сцену анализа. Какое еще тело, как не тело реальное и наслаждающееся, которое, подобно переполнению наслаждением, потрясает тело из плоти и крови.

Итак, какая у Фрейда есть теория для объяснения органических расстройств, возникающих в ходе анализа? В самом деле, Фрейд не остался равнодушен к органическим расстройствам, объясняя их психогенез чрезмерной интенсификацией эрогенной роли органа, которая может нарушить его физиологическую функцию или даже нанести повреждение тканям. Во время примечательного выступления в 1910 году, посвященным истерическим расстройствам зрения (20), Фрейда попросили рассмотреть органические расстройства зрения, и он заложил фундамент психоаналитической теории, объясняющей роль психической детерминации

Токсичный избыток наслаждения...

в появлении соматического изменения. Орган тела, который нормально выполняет свою физиологическую функцию, внезапно массировано инвестируется либидо, которое трансформирует его в аналог генитального органа. Функциональная роль отбрасывается ради роли эрогенной. Но иногда происходит так, что либидо накапливается и застает до такой степени, что оказывается затронута клеточная основа органа. Чтобы описать это болезненное состояние чрезмерного наслаждения, Фрейд использовал выражение «токсические модификации» в органической субстан-

*...делает
орган боль-
ным*

ции, вызванные «застоем либидо» или же «интенсификацией эрогенного значения органа». Мы видим, как реальное тело наслаждения конфискует орган, разрушает его ткани, подобно токсичному веществу, и заполняет пространство терапии.

Именно в связи с такими атипическими проявлениями тела в терапии, а также в связи с другими экстериоризациями льющегося через край наслаждения, например отыгрыванием или галлюцинаций, я смог предложить, в дополнение к теории объекта *a*, концепцию «формации объекта *a*». Эти психические формации характеризуются важным фактом: наслаждение господствует и, кажется, сломало заслон вытеснения или, в иной терминологии, опрокинуло барьер фаллоса.

Оказавшись перед этими формациями объекта *a*, терапевт сталкивается с границами своей роли, и его место до такой степени подорвано, что он вынужден каждый раз определять эту роль заново. Когда в ходе лечения наслаждение массировано прорывается наружу, будь то через попытку самоубийства, тяжелое отыгрывание или через соматическое расстройство, у нас неизбежно возникает вопрос о том, способна ли наша теория учесть эти клинические факты, касательно нашей собственной способности сохранить рамки анализа и сдержать воздействие, которое для каждого из нас означает испытание столкновением с реальностью в ходе лечения.

*

Я хотел бы как раз проиллюстрировать присутствие наслаждющейся формации объекта *a* в самом сердце лечения, рассказав вам случай одной пациентки, заболевшей во время анализа тяжелой болезнью.

Несколько недель назад я провожал свою пациентку к дверям кабинета. Не придавая этому особого значения, я взглянул ей в лицо и внезапно у меня создается впечатление, что один ее глаз слегка выпучен. Я непроизвольно спросил ее: «Что с вашим глазом?» — «Ничего...» — ответила она. «Уже какое-то время я его ощущаю». И поднеся руку к ви-

*Клиниче-
ская ви-
ньетка*

ску, она добавила: «Заметьте... В эти дни у меня часто болела голова». Я тут же спросил ее: «Вы не обращались к врачу?». Она ответила отрицательно. Тогда я посоветовал ей обратиться к специалисту. Я не знаю, была ли эта глазная аномалия у нее уже давно. Но как бы то ни было, она сразу же пошла к офтальмологу, и он диагностировал доброкачественную опухоль, расположенную в мозговой оболочке над глазом и затронувшую даже лобовую кость. Незадолго до моего отъезда из Парижа ее с успехом прооперировали.

При помощи этой короткой виньетки из клинической практики я хотел бы продемонстрировать прежде всего определенную предрасположенность аналитика, которая имеет огромное значение для его практики. Предрасположенность, которая ускользает от сознательных и намеренных расчетов и которая со временем становится для него совершенно естественной: принимать пациента, глядя ему в лицо, глядя на его тело, как я принял эту пациентку. Я заметил аномалию в ее глазу только в самый разгар работы с нею, через два года анализа, который сделал меня гораздо более восприимчивым: подпустить, потом войти, как будто бы я входил в глаз пациентки. Как будто я входил в ее глаз через мой собственный глаз, который испытал воздействие того, как я ее слушал. В противном случае, уверен, я никогда бы не заметил пучеглазость. Чтобы ее уловить, нужно было, чтобы я был включен в тело пациентки. Какое тело? Тело, редуцированное до ее больного глаза. Что такое больной глаз, как не орган наслаждения, наслаждающееся тело? Но мне следовало сказать, что для того, чтобы уловить пучеглазость, знак болезненного наслаждения, необходимо было, чтобы я был собой и одновременно болезненным наслаждением опухоли и наслаждением взгляда. Напомню вам высказывание Лакана, определяющее позицию аналитика как позицию прибавочного наслаждения, объекта *a*. А здесь мы имеем два воплощения прибавочного наслаждения и потому две грани того места, которое должен занимать аналитик, чтобы выполнять свою функцию: быть самой опухолью и взглядом, который видит эту опухоль.

Аналитик — это одновременно и наслаждение опухоли, и наслаждение взгляда, который ее схватывает

Вы объяснили появление опухоли как разрушение реальным связки реальное-символическое-воображенное. Таким образом, вы могли бы сказать, что тело пациентки редуцируется исключительно к вредоносному присутствию реального?

Все зависит от той точки зрения, на которую мы встали. Верно, что соматическое страдание пациентки разрушило тот баланс, который существовал между статусами тела ради господства реального в переносе, но анализ-то остался, я хочу сказать, аналитическая рамка и аналитик здесь для того, чтобы реальное, даже если оно стало более упрямым, было заново инкорпорировано в мир смысла. Любое событие, пока оно остается включенным в отношения переноса, может одновременно рассматриваться с точки зрения реального, символического или воображаемого. С точки зрения *реального* опухоль пациентки сводится к уплотнению наслаждения, которое становится источником тяжелой болезни. Когда мы утверждаем, что это поражение органа относится к области реального, мы не только хотим указать на то, что оно находится вне какой бы то ни было символической филиации, но также признаться в том, что наше знание потерпело неудачу. Сказать, что опухоль относится к реальному, значит сказать, что мы не понимаем ни природу наслаждающейся субстанции, ни причину ее возникновения.

Если же теперь мы встанем на точку зрения *символического*, внезапное появление этой аномалии в теле образует означающее событие на пути терапии. Даже если мы игнорируем в себе наслаждения, мы здесь, и я на этом настаиваю, для того, чтобы событие обрело смысл. То есть оставаясь означающим, событие предстает перед нами в качестве знака, из которого мы извлекаем смысл. И смыслом он будет только в тот момент, когда я с вами говорю, вырабатывая его вместе с вами. На последующих сеансах с этой пациенткой мне случалось истолковывать появление болезни не как случайное, а как событие предопределенное, психически предопределенное. Потому что со времен Фрейда мы знаем, что случайность исчезает в тот момент, как мы начинаем производить смысл. Как и все остальные, мы верим, что случайность существует до тех пор, пока она остается необъ-

ясненной, то есть реальной. Иными словами, событие остается случайным до тех пор, пока его не интерпретировали, тогда случайность существует; и оно перестает быть случайным, как только ему приписывают смысл, тогда случая больше нет. В связи с этим я хотел бы процитировать короткую фразу Фрейда: «Я верю в реальную внешнюю случайность, но не верю во внутреннюю психическую случайность». (21)

Первая версия, достаточно общая, которая у меня появилась, заключалась в казуалистическом предположении, что появление опухоли и реакция аналитика были событиями, которые «ждали» возникновения, неизбежно должны были произойти. Я подумал, но не сообщил об этом своей пациентке: «В сущности, у меня сложилось впечатление, что вы пришли в анализ именно за тем, чтобы случился этот уникальный момент, когда я спросил: «Что у вас с глазом?».

Здесь вы имеете различные жесты аналитика, который наделяет смыслом грубый факт реального, рассматривая опухоль с точки зрения символического. Первый жест заключался в том, чтобы побудить пациентку проконсультироваться у специалиста, это был жест здравого смысла; второй жест заключался в том, чтобы придумать финалистскую гипотезу, чтобы попытаться объяснить необъяснимую причину опухоли; и наконец, тот жест, свидетелями которого вы сейчас являетесь, — комментирование сейчас, в вашем присутствии, этого клинического случая. Остается только кратко рассмотреть опухоль с точки зрения воображаемого. В последующие месяцы мне случалось работать с пациенткой, попросив ее нарисовать на листе бумаги опухоль, расположенную между оболочкой головного мозга и надглазничным краем.

Все эти жесты, порождающие смысл, показывают, что аналитик перед лицом реального не имеет другого выхода, как занять место господина, производителя смысла. Как если бы аналитик, наделяя смыслом событие, гетерогенное по своей природе, пытался бы реконструировать символическую цепочку, которая до тех пор определяла отношения переноса. Цепочку, порвавшуюся, когда массированный прорыв наслаждения разъял звенья означающих. Психоанализ,

*Аналитик
порождает
смысл*

придавая смысл, занимает место господина и включается в цепочку, чтобы занять место оторвавшегося звена, место исключенного означающего. Придавая смысл ,психоанализ осуществляет движение, обратное отвержению (forclusion), он производит, так сказать, контр-отвержение.

Таким образом, все что рождается и развивается на почве анализа, может рассматриваться под несколькими углами, которые вполне совместимы между собой. Ничто не мешает тому, чтобы встроить это поражение, произведенное в реальном, в историческую цепочку, сверхдeterminированную и потому символическую. То, что пациентка пришла в анализ, что начала терапию, что этот эпизод имел место и что произойдет то, что произойдет во время последующих сеансов, все это символическое. Но все это, тем не менее, не мешает рассматривать опухоль саму по себе как избыток наслаждения, как реальное, которое несоразмерно заполнило перенос. Для полноты картины добавим, что подобно любой психической формации, созданной во время терапии, будь то формация бессознательного или формация объекта *a*, этот эпизод в равной мере находит себе место и в воображаемом.

Как понять, что вы взяли на себя инициативу по направлению пациентки к врачу? Нет ли в этом вмешательства в жизнь пациентки, не скажут ли, что вы вышли за привычные рамки анализа?

Прежде всего, должен вам сказать, что в дни, примыкающие к этому эпизоду, я часто отмечал для себя, что моя пациентка выражала в данный момент в своем теле напряжение наслаждения, которое не было ее наслаждением, но наслаждением, относящемся к самим аналитическим отношениям. Я никогда не сомневался в том, что в ходе лечения опухоль была общей, потому что уверен, что, подобно уникальному бессознательному, место наслаждения в терапии также находится между нами двоими. Когда мы говорим, что тело — это часть и что эта часть — наслаждающаяся субстанция, нужно понимать, что место этого тела в анализе — это промежуток между креслом и кушеткой и что это место как раз и есть место психоаналитика.

Психоаналитик занимает разные места по-очередно

...место опухоли

При этом, когда вы спросите мне вопрос о смысле моего вмешательства, когда я направил пациентку к офтальмологу, я сразу же отвечу вам, что аналитик может совершенно по-разному относиться к этому факту наслаждения, да и вообще к любому факту бессознательного, оставаясь, тем не менее, последовательным. Я глубоко не согласен с предрассудком, который загоняет психоаналитика в грубую альтернативу между тем, чтобы быть чисто психоаналитиком или никем. Это доктринальский и искусственный взгляд на функцию аналитика. Я, наоборот, считаю, что деятельность аналитика объединяет разные возможные позиции врача, все из которых являются легитимными и среди которых находится и собственно аналитическая позиция — как нам показал Лакан — позиция представления объекта *a*. Но эта позиция, которая к тому же достаточно редка, не является единственной. Если мы обратимся к категориям четырех дискурсов, установленных Лаканом, окажется, что аналитик может по-очередно занимать позицию *господина*, который управляет, *истерики*, который соблазняет, *знания*, которое учит, и, разумеется, собственно *аналитическое место*, двигатель терапии.

В этом эпизоде, о котором я вам рассказал, какие именно разные позиции мы могли бы отметить? Я вижу три таких позиции. Во-первых, позиция наслаждения или, как мы неоднократно повторяли, позиция объекта *a*. И занимает он ее двойственным образом: находясь на месте самой опухоли и находясь на месте взгляда, который ее увидел. Мы должны дать резкую формулировку: аналитик воплотился в опухоли, очаге интенсивного наслаждения, как будто он был включен в страдание глаза.

Но в этом примере выделяется еще одна позиция, которую занимает психоаналитик, та, которая намечается в тот момент, когда врач, озабоченный медицинской ответственностью, советует пациентке обратиться к специалисту. Если бы мне нужно было охарактеризовать эту позицию, я бы, вслед за Лаканом, назвали ее «позицией господина» в той мере, в которой этот жест консультанта наделяет меня ролью авторитета. В связи с этим я хотел бы вернуться к некоторым деталям клинического эпизода с этой пациенткой

*... место
господина,
произво-
дителя
смысла*

и подтвердить обоснованность позиции господства. Когда пациентка узнала о своем диагнозе и поняла, что нужна операция, она испытала глубокое потрясение и тревогу. Тогда я ей предложил: «Не будем торопиться, всегда предпочитительнее услышать еще одно мнение и проконсультироваться у другого хирурга». В течение всего этого периода я твердо придерживался этой позиции. У меня не было никаких проблем с таким образом действия. Как только была назначена дата операции, я взял на себя, с согласия пациентки, инициативу и позвонил нейрохирургу, попросив его держать меня в курсе прогноза и развития ситуации. Он дал мне превосходный ответ, объяснив природу проблемы и выразив удивление, что психоаналитик направил к нему пациентку как раз вовремя, чтобы он мог вмешаться и предотвратить дальнейшее распространение поражения. Накануне операции, как мы и договаривались, хирург рассказал пациентке о нашем телефонном разговоре, что возымело, на мой взгляд, решающее действие в обеспечении как присутствия аналитика, так и доверия пациентки к хирургу. После операции я справился о ее состоянии и выяснилось, что все прошло нормально⁸.

Скорее всего, я не смогу указать вам на какую-то типовую процедуру; это был мой образ действий в специфической ситуации. Столкнувшись с подобной ситуацией, другие врачи, возможно, повели бы себя иначе. Если у вас возник соблазн действовать в манере, похожей на мою, но при этом появились и сомнения, тогда вам лучше избрать другой образ действия! Когда аналитик сомневается, говорить ему или промолчать, ему лучше промолчать и остаться в позиции сдержанности, которая более разумна. Психоаналитик работает, не только говоря себе: эта опухоль — формация объек-

8 Сегодня, в 1992 году, я должен сообщить читателю, что после этого печального эпизода, который на несколько месяцев нарушил течение терапии, лечение этой пациентки продолжилось, завершилось и открыло перед ней счастливые перспективы в жизни. Когда занимаясь редактированием этих страниц, я позвонил ей, чтобы спросить разрешения на упоминание нашего опыта в этой книге, она дала мне свое полное согласие, и очень эмоционально. А вместе с ее эмоциями ко мне вернулись и мои собственные, те, которые испытывает каждый, соприкоснувшись с границами жизни.

та *a*, токсичный избыток наслаждения, но также позиционирует себя в качестве господина, заботящегося о том, чтобы лучше регулировать дизъюнкцию между органическим телом и наслаждением, о которой говорит Лакан. Как если бы психоанализ пытался разными средствами — включая и господство — взять на себя функцию фаллического барьера во избежание того, чтобы наслаждение стало слишком болезненным и разрушило или поглотило органическое тело.

Соответственно третья и последняя позиция, которую можно выделить в этой клинической ситуации, — это позиция аналитика, который своим присутствием и слушанием материализует означающее. Одно означающее, которое реинтегрируется в символическую цепочку на место утраченного звена и запускает повторение. Сказать, что аналитик находится на месте означающего, которое запускает цепочку, или сказать, что аналитик находится на месте фаллоса, который регулирует наслаждение, — значит сделать эквивалентные высказывания. Но не будем забывать, что, если психоаналитик смог присоединиться к этой функции Одного (*S1*) и, тем самым, ко всей цепочке (*S2*), то это произошло благодаря тому, что, когда подошел момент, он, не колеблясь, сделался генератором смысла.

Вы понимаете, что все эти позиции, вполне совместимые друг с другом, сосуществуют у врача. Сделаем краткое резюме: аналитик, который замечает пучеглазость, находится на месте объекта *a*, представленного в опухоли и во взгляде; аналитик, который направляет пациентку к врачу, разделяет ее трудности и создает гипотезы, чтобы объяснить в конечном счете необъяснимый факт, находится на месте *S1*, воплощенном в господстве, порождающем смысл; и, наконец, аналитик, который, слушая пациента, также находится на месте *S1*, но на этот раз по праву того означающего, которого не хватало в цепочке, запускает хоровод повторения и делает так, чтобы анализ продолжался.

Оставаясь на точке зрения присутствия тела в терапии, как теоретически различить поражение органа, такое как

*... место
фаллоса,
регулиру-
ющего на-
слаждение*

*Аналитик
превраща-
ет себя в
означаю-
щее...*

*... и за-
пускает
лечебие*

опухоль на глазу, и симптом истерической конверсии, каким может, например, быть временное сужение зрительного поля?

Ваш вопрос возвращает меня к различию, которое я мог установить, между формациями бессознательного, прототипом которых является невротический симптом, и формацией объекта *a*, хорошей иллюстрацией которого является поражение органа. Я бы разделил различия между этими формациями на две группы. Их различие с точки зрения переноса, затем более теоретическое различие, рассматриваемое с метapsихологической точки зрения.

Сначала вспомним наши положения из первого урока о бессознательном. Вы легко согласитесь, что возникновение формации бессознательного, такой, например, как истерический симптом, о котором вы говорите, — это означающая активизация бессознательного, а позднее и переноса. В данный момент означающие перемещаются по порядку, проходя через партнеров по анализу, о чем те не ведают, и пунктуально собираясь в акте высказывания или забывания, создают связь переноса. Один из участников анализа что-то говорит, и, сам не зная, что он говорит, порождает перенос. Говоря, он действием подтверждает, что между аналитиком и пациентом циркулируют и продолжают циркулировать означающие.

Итак, психические формации объекта *a*, и мы сталкивались с примером таких формаций в случае опухоли на глазу, также образуют связь переноса, но странным образом и такую, какую гораздо труднее допустить. Они образуют связь путем слияния, а не путем прикрепления. Они сплавляют воедино аналитика и пациента в совершенно определенном месте, плотном и безмерном, которое мы идентифицируем как место прибавочного наслаждения (объект *a*). Это место не предстает как означающее подобно высказыванию, вставленному в языковую последовательность, но проявляется в действии, как массивный, неуместный и иногда грубый факт. Делание — это клиническое выражение этих формаций объекта *a* и именно в делании резюмируется перенос. Идет ли речь о бессознательных фантазиях, эпизодических галлюцинациях, попытке суицида или же о поражении, связанном с

*Различие между формациями бессознательного и формациями объекта *a**

*Делание — клиническое выражение формации объекта *a**

опухолью, которое мы только что комментировали, это всегда конфигурации, несущие на себе отпечаток четко определенного и легко отделяемого от рассказа пациента действия. Представлены ли они высказыванием внутри рассказа, в случае фантазии, или действием вовне, как в случае отыгрывания, галлюцинации или бреда, все эти формации предстают в глазах психоаналитика как активные фигуры, в которых господствует наслаждающаяся часть тела. Фантазировать, галлюцинировать, ощущать больной орган, — это все «делание», активным элементом которого является не субъект, но автономная и ограниченная область тела, в которой доминирует вся совокупность реальности переноса.

С появлением формаций объекта *a*, все обычные элементы, образующие реальность терапии (означающие, смысл, образы, вымыслы), кажется, находят разрешение в одном активном очаге, в котором все сходится. В этот момент перенос не развивается структурированно, как язык, но сосредотачивается в действии, в объектной активизации. В формациях бессознательного акт был перезапуском и означающие связывались путем их переплетения с сетью, здесь же действие является остановкой и объект *a* кристаллизирует отношения аналитика/пациента в компактном и окончательном наслаждении.

Одним словом, эти разные психические формации, которые встречаются во время лечения чаще, чем можно было подумать, и которые актуализируют перенос в компактном факте, гетерогенном для означающих, или же, наоборот, совместимом с означающими, как в частном случае фантазии, я сгруппировал под именем *Формации объекта a*.

*

Если мы сейчас рассмотрим различие между формациями бессознательного и формациями объекта *a* в зависимости от психической структуры, то есть в соответствии с механизмом, который их производит, мы тогда откроем, что формации объекта *a* образованы отвержением (forclusion). Тогда как симптом истерической конверсии объясняется *вытеснением*: такой симптом, как например, истерическое со-

кращение зрительного поля, — это заместитель (S1) в теле репрезентации, вытесненной в бессознательное (S2). Мы бы сказали, что в формации невротического симптома артикуляция означающих S1/S2 поддерживается. Тогда как поражение органа, как, впрочем, и все остальные формации объекта *a*, за исключением фантазии, являются результатом действия механизма *отвержения*. То есть здесь никакой заместитель (S1) вытесненной репрезентации (S2) не появился там, где его ожидали. И как следствие, нет ни метафоры, ни символической цепочки. Отношения одного означающего (S1) с другим (S2) здесь нарушено. Как если бы при отвержении означающее больше не предназначалось для других означающих, больше не артикулировались бы между собой. Предлог «для» в лакановской формулировке: «Означающее представляет субъекта для других означающих» при отвержении был уничтожен и связь означающих распалась.

Но если конкретно, как аналитик может на практике отличить психическую формацию, произведенную вытеснением, от психической формации, произведенной отвержением?

Мы можем выделить два минимальных критерия. В первую очередь в случае истерического симптома, вызванного вытеснением, сужения поля зрения, например, поврежденный орган — в данном случае глаз — сохраняет символическую ценность одного из звеньев цепочки означающих. Во вторую очередь, и это главное, психоаналитик может рассматривать себя как неотъемлемую часть этой самой цепочки означающих элементов. Он с самого начала — один из элементов цепочки, и я бы даже сказал, что своим слушанием он представляет саму эту цепочку. Функция слушания как поля, открытого для любого события, возможного в анализе, может быть записана при помощи лакановского обозначения S2. Означающее S2 символизирует слушание. Это именное то означающее, которое я пытался, через производство смысла, восстановить в тот трудный период хирургической операции у моей пациентки. Исходя из моего слушания (S2) я мог представить означающее (S1), которое вписалось в цепочку бессознательного, чтобы таким образом заново запустить перенос.

*Для того, чтобы отличить формацию объекта *a* от формации означающего нужно...*

... наблю-
дать за
поведением
аналитика

Тем не менее, наиболее типичным жестом аналитика, который позволяет ему перезапустить цепочку, остается интерпретация. Интерпретация, которая со всем своим воздействием означающего, будет иметь способность вписаться в кружение означающих, перезапустить повторение и благоприятствовать замещению истерического симптома другим означающим. Итак, эта в высшей степени значимая функция аналитика и его интерпретативного действия изначально не имеет значения в случае тяжелого органического заболевания, такого как опухоль у моей пациентки. Ибо поражение органа в принципе не поддается интеграции в какую-либо символическую цепочку или филиацию. Перед поражением органа аналитик лишен всякой власти означающего и самая лучшая его интерпретация бессильна проникнуть в уплотнение наслаждения. Однако у него остается непростая возможность «атаковать» поражение органа не спереди, но пойдя в обход — мы это видели — по пути, отклоняющемуся от производства смысла. В нашем примере с опухолью, я не мог дать интерпретацию и должен был решиться придать смысл — действие в конечном счете оказавшиеся эффективным.

Одним словом, если вы хотите отличить поражение органа от симптома конверсии и, шире, формацию объекта *a* от формации бессознательного, вам требуется прежде всего наблюдать за поведением психоаналитика и за воздействием его поведения на пациента.

ВЫСТУПЛЕНИЕ

Концепция субъекта бессознательного

... не доверяться ничему, кроме этого опыта субъекта, который является единственным материалом для аналитической работы.
Ж. Лакан

Кажется, что подняться на эту трибуну почти автоматически означает просить у вас, слушателей семинара доктора Лакана, снисхождения⁹. Потому что только вчера, в понедельник, в полдень месье Лакан попросил меня рассказать о вопросе, который я ему только что изложил. Он касался теории субъекта бессознательного. Если в начале года мой проект заключался в том, чтобы изучить связь между бессознательным знанием и интерпретацией, постепенно, по мере некоторых изменений, верх взял вопрос о субъекте, ставший главной проблемой. Сегодня утром я ограничусь кратким упоминанием основных подходов к концепции субъекта — подходов, с которыми большинство из вас, на-верняка, знакомы — чтобы потом предложить на ваш суд несколько вопросов.

*

Разделим этот доклад на три части: отношение субъекта и бессознательного знания, отношения субъекта с логикой и, наконец, отношение субъекта к кастрации.

I. Нашим отправным пунктом будет точка зрения самого психоанализа, образованная фактом тем языка, который заявляет: «Сам не знаю, что говорю». Если истерическое желание играет фундаментальную роль в переносе, это «сам не знаю, что говорю» — основополагающий факт для понятия бессознательного у Фрейда и, как мы попытаемся показать,

⁹ Это запись выступления на семинаре Ж. Лакана, по его приглашению, во вторник 15 мая 1979.

понятия бессознательного как знания у Лакана. Это «сам не знаю, что говорю», на самом деле, находится не только на пороге психоанализа, оно также является особенностью начала обычного аналитического демарша. Исходя из этого «сам не знаю, что говорю», не всегда сформулированного пациентом, анализ подступает к требованию знания, иногда эксплицитному, но всегда настойчивому.

Требование знания характерно для невроза. Невротик определяется тем, что его требование, в чистом, недвусмысленном виде — это требование знания; он хочет знать, хочет, чтобы Другой говорил с ним и научил его. Он хочет, чтобы на его требование отвечали другим требованием. Оставим пока в стороне главный аспект: в преддверии какого наслаждения устанавливается эта иллюзорная торговля с требованием и предложением знания?

Но не будем отклоняться от этого «сам не знаю, что говорю». Чего я не знаю? Я не знаю, что то, что я говорю, — это означающее. А что такое означающее? О, это раз плюнуть! — как сказала бы моя дочь. Означающее — это то, что представляет субъекта для другого означающего! Кто из вас не знает этой формулы? В том, чтобы прокричать вам «раз плюнуть!», есть ирония, потому что мы дошли до точки, в которой означающее больше не удивляет, не застает нас врасплох, тогда как в психоаналитической теории, чтобы определить удивление, мы парадоксальным образом пользуемся этой концепцией означающего: субъект удивляется, потому что испытывает воздействие означающего. Удивляться — это поддерживать действие означающего, не принимать его сразу же за знак, не схватывать его, не понимать. Потому что поняв, вы лишаетесь удивления. Поэтому не удивляться — значит, быть слишком уверенным в своем знании. И некоторым образом из-за формулировки «что такое означающее?» именно это и происходит: все в ней слишком уверены, слишком цепляются за то, что уже поняли.

*

Снова зададим вопрос: что такое означающее? К нему есть несколько подходов. Один послужит мне путеводной

нитью: означающее собственно и есть то, что не следует понимать, непонятная репрезентация. У Лакана она возникает как разрыв, который решительно перевернул теорию знания. Он связан с тем, что субъект несет репрезентацию таким образом, что сама эта репрезентация к нему не адресуется. Этот разрыв ранее не существовал в философии, за редким исключением в одном течении, о котором мы узнаем потом. В классическом смысле репрезентация разворачивается на глазах у того, кто является ее носителем; репрезентация предполагает репрезентацию для кого-то. Итак, новаторство Лакана заключается в предположении о том, что репрезентация, носителем которой является субъект, отрезана от него, не адресуется ему. Субъект несет ее в себе, но адресат у нее иной.

Этот разрыв находит свою предпосылку в более древней концепции «не поддающейся пониманию репрезентации». Откуда она берется? Чтение двух прекрасных книг о скептиках, которые я вам рекомендую: «Скептицизм и феномен» Жана-Пьера Дюмона и классику «Греческие скептики» Брошара¹⁰, подскажет нам путь. Не забывая о классике Секста Эмпирика, который и сам будучи скептиком, был одним из лучших

10 Скажу только, что скептицизм вращается вокруг двух интересных для психоанализа тем — этической темы и темы воздействия не поддающихся пониманию репрезентаций. Эти два стержня связаны между собой, поскольку этика у скептиков основывается на такого типа репрезентации. Как правило, делают обобщения, принимая скептика за нигилиста. Который ничего не хочет знать. В действительности, следует различать две школы — академиков и пирроническую школу. Нас интересует последняя, поскольку она предлагает метод подвешивания суждения как единственную возможную адекватную реакцию на репрезентацию, не поддающуюся пониманию. Помимо того факта, что это заставило эту школу отбросить любую догму или концепцию мира, также важно отметить их отношение к истине. Для скептиков Пиррона истину не следует ни познавать, ни отвергать, а следует подвешивать и приспособливаться к ее эффектам. Мы еще вернемся к тому, как это резонирует с лакановским пониманием истины как причины. Собственно один из этих эффектов — молчание; как для скептиков, так и для нас. Есть два его типа: «промолчать», проявив сдержанность перед лицом того, что не понимают, и молчание, *sileo*, как эффект истины.

историков этого течения греческой философии. В этой философии репрезентация считалась вещью, недоступной для понимания. Конечно, они не говорили, как я сейчас, что она не адресована субъекту, но они пошли достаточно далеко. Один из них, Карнеад заявлял: «Непонятная репрезентация неизбежным образом связана с другими непонятными репрезентациями и образует вместе с ними цепь».

Прочитав это, я, разумеется, не мог не вспомнить нашу цепочку означающих. Но не буду на этом слишком долго задерживаться.

*

«Я сам не знаю, что говорю»: почему? Потому что это высказывание — означающее и, в качестве такового, адресуется не к говорящему, а к другому означающему. Оно адресуется Другому. Я говорю, произвожу звуки, образую смысл, но сказанное от меня ускользает. Ускользает от меня, потому что субъект не в силах знать с каким другим высказыванием окажется связано это высказывание. «Означающее адресовано Другому» значит, что оно связывается с другим означающим, которое где-то в другом месте, рядом, после. Итак, чего же я не знаю? Воздействие моих слов на вас. На Другого. И из-за того, что я сам не знаю, что говорю, я говорю больше, чем хотел бы сказать.

Здесь я замечу, хотя это и не относится к нашей теме, что именно когда я не знаю, что говорю, появляется вопрос. Какой? Самый настоятельный: «Что со мной происходит?». Или если сформулировать его в аналитических категориях: «Что это за означающее, которому не хватает Другого, во мне? С чем соединится мое высказывание и откуда оно ко мне пришло?». Всего лишь поставив этот вопрос, субъект возводит, воздвигает Другого как носителя желания. Спросите себя: что такое мой сон, что он хочет сказать? Спросите себя: почему я страдаю от этого симптома? Спросите себя: почему я забываю? Сделав это, вы постулируете Другого как носителя желания.

Одним словом, я не знаю, что говорю, потому что мое высказывание уходит куда-то в другое место, без моего ведома

адресуется Другому и так же без моего ведома приходит от Другого ко мне. Оно исходит от Другого и адресуется Другому, отправляется от Другого и возвращается к Другому.

Существует и еще одна причина этого «потому что я сам не знаю, что говорю». Она состоит в том, что субъект, который делает свое высказывание — я настаиваю: субъект, который заявляет — не тот же самый субъект в тот момент, когда высказывание к нему возвращается. Мы уже другие, потому что в акте высказывания я меняюсь; выражение «субъект-эффект означающего» означает именно то, что субъект меняется в акте высказывания.

Рассмотрим это подробнее. Вы знаете о функции «я» в высказывании у Лакана. По причине того, что Лакан часто ссылается на Якобсона и на Есперсена, есть любопытная тенденция приписывать, наоборот, ему концепцию «я», например, концепцию *шифтера*, тогда как она ему не принадлежит. Когда субъект говорит «я», то, на что указывает это «я», — это не субъект высказывания. Лакан не всегда ясно выражается на сей счет, однако в «Сочинениях» есть недвусмысленный постулат: «я», которое появляется в высказывании, указывает на того, кто совершает акт высказывания; именно об этом и говорят все лингвисты. Но вот то, о чем они умалчивают: это «я» указывает на субъекта высказывания, но не означивает его. Это «я», таким образом, по отношению к субъекту высказывания, ничего не говорит. Тогда нужно спросить себя: к кому отсылает это «я» в высказывании «я не знаю, что говорю»? Поскольку оно не может обозначать того, кто осуществляет акт высказывания (субъект высказывания), кого оно обозначает? Мы, таким образом, приходим к вопросу: кто я такой там, где я говорю, где я несу означающее?

Вкратце, чего я не знаю?

- Я не знаю, чем я был там при таком-то означающем. Пусть это высказывание было означающим, моим означающим, означающим субъекта, меня как субъекта (я вынужден использовать это выражение «я как субъект», чтобы меня поняли, но это, разумеется, совершенно разные вещи). Итак, я был там под этим означающим,

и этого я не знаю. Я не знаю, что был там, почти до точки полного незнания. И эта точка незнания означает то, что вырвалось у Другого и что ему адресуется. То есть, точку, в которой не хватает Другого.

- Не зная, что это за означающее, под ножом которого я находился, я тем самым не знаю другое означающее, к которому оно адресуется. Иными словами: говоря, я не знаю, какое означающее меня ждет.
- Я не знаю, кто я.

Итак, вы имеете, с одной стороны, субъекта, закрепленного, смешанного с означающим, с означающим его акта высказывания. Высказывания, которое он несет в себе, сам о том не ведая. С другой стороны, означающие сменяют друг друга, субъект же не находится нигде. Я повторяю, поскольку это один из постулатов, к которым я хотел бы прийти: субъект существует в акте, в акте произнесения высказывания, но учитывая, что высказывание это исходит от Другого и адресуется Другому, что все происходит между высказываниями, субъект остается подвешенным, потерянным, стершимся в тысяча и одном означающем, соединяющихся друг с другом. Мы являемся субъектом акта и, тем не менее, мы в этом акте парадоксальным образом исчезаем. Мы являемся и не являемся субъектом акта.

Я произношу «мы являемся». Однако с учетом всего сказанного ранее это «мы являемся» — неточность. Потому что, если я говорю, что субъект есть в акте, а затем, что он стирается во всех высказываниях, следующих друг за другом, остается вопрос: что такое это «мы»? Я говорю «мы являемся», но как иначе указать на то, что «мы не смогли бы размышлять о субъекте, не исходя из того, что мы сами в качестве субъектов включены в эту глубокую двойственность субъекта»? (Ж. Лакан).

Чтобы вы могли лучше почувствовать эту субъектную цензуру, я хочу обратиться к литературе, к драматургии Пиранделло и к такой его классической пьесе, недавно поставленной в Париже, как «Шесть персонажей в поисках автора». Вы, несомненно, знаете сюжет этой примечательной пьесы: шесть персонажей, вышедших из неоткуда, поднимают-

ся на сцену, обращаются к режиссеру и умоляют его взять их в качестве героев еще не написанного произведения. Какого рода драму они предлагают? Трагикомическую драму. Сцена, интересующая меня в свете толкования, которое я хочу предложить, начинается с несколько двусмысленного прихода отца в модный дом. В тот момент, когда он соблазняет и почти что насилияет одну из проституированных девушек, не зная, что это его падчерица, дочь его супруги, его неожиданно застает жена. В тот момент, когда они уже почти в постели, мать входит и восклицает: «Нет, нет! Это же моя дочь!» Это настоящий фельетон. Гениальность Пиранделло была в том, что он написал настоящий роман-фельетон, хотя и в итальянском духе, даже в сицилийском, украшенный, я бы сказал, обрамленный пьесой из немецкого театра. Потому что в самый разгар этой почти водевильной сцены, Пиранделло вкладывает в уста своих персонажей размышления, которые, как мне кажется, берут свое начало в немецкой философии. Итак, вот что говорит отец, чтобы убедить режиссера его взять:

Для меня смысл всей этой драмы в том, что каждый из нас напрасно воображает себя «одним», неизменно единым, цельным, в то время как в нас «сто», «тысяча» и больше видимостей... словом, столько, сколько их в нас заложено. В каждом из нас сидит способность с одним быть одним, с другим — другим! А при этом мы тешим себя иллюзией, что остаемся одними и теми же для всех, что сохраняем свое «единое нутро» во всех наших проявлениях! Совершеннейшая чепуха! Мы сами подчас ловим себя на том, как вдруг, в каком-то нашем акте, мы словно оказываемся подвешенными на крючок; и только тогда понимаем, что в этом акте выразилась отнюдь не вся наша суть и что было бы вопиющей несправедливостью судить о нас лишь по нему... в этот момент нам кажется, будто нас выставили у позорного столба пожизненно, будто вся наша жизнь выразилась в одном этом мгновении! Теперь вам понятно коварство этой девицы? Она застала меня в месте, в котором ей не следовало меня встречать, в виде, в каком я не должен был

ей являться; и она хочет закрепить за мной образ, который мне не свойствен, образ, который принадлежал мне в отношениях с ней только мимолетно, в позорную минуту моей жизни! Вот это-то, господа, я и переживаю особенно тяжело¹¹.

Но не будем ошибаться, речь об отце, и, что еще важнее, он пытается убедить, то есть надавить и воспользоваться означающими. Но интерес его рассказа в том, как оно говорит нам, что разделение субъекта, самая драма, состоит в том, что не совпадает полностью с поступком. Я произнес слово «драма», но другое выражение, используемое Лаканом, лучше указывает на субъективный разрыв, разрыв «боли существования». Что это значит? Что означающие непрерывно повторяются, одно за другим, а мы, их носители, тоже меняемся вплоть до того, что теряем всякую устоявшуюся идентичность. Субъект одного означающего и всех означающих. Означающее исходит от Другого и возвращается к Другому, и там оно вас ждет. Где? Там, где не хватает означающего.

Удалось ли мне показать вам, что быть субъектом — это событие, которое случается у Другого? Я иначе подойду к вопросу о бессознательном, который я затрагивал в прошлом году. Необходимо помнить, что, когда перед вами пациент, когда перед вами ребенок, который рисует, когда перед вами перверт (если он случайно придет в анализ), когда вы находитесь перед любым говорящим, субъект этого сидящего перед вами субъекта делается собеседником Другого. И я полагаю, что эта моя страсть, « страсть к неведению», настолько неистребима, что в этот момент мы забываемся и можем думать только о том, что субъект производится у Другого. Вот что говорит об этом Лакан: «Субъективировать означает, что субъект образуется, занимает место в другом субъекте: в Другом». Итак, мы видим, что субъект, растворенный перед актом и растворяющийся после акта, конституируется в зачеркнутом виде в поле Другого.

Не является ли то, как все это разыгрывается в анализе, разнузданной спекуляцией? Какую еще аналитическую

11 Луижди Пиранделло. Шесть персонажей в поисках автора. Перевод Н. Томашевского, Москва, изд-во «Искусство», 1960.

цель мы можем поразить, если субъект в анализе говорит, не для того, чтобы высказать смысл, обозначить, а только для того, чтобы обозначить себя? То есть субъект говорит — и в этом заключен парадокс — чтобы исчезнуть. Чтобы совершить акт и тут же стереть себя. Мы как психоаналитики поощряем, мы ждем, что субъект подаст в отставку, придет к Другому, исчезнет и, тем самым, запустит цепочку бессознательных означающих. Субъект говорит и, говоря, становится субъектом и исчезает. До акта его не было, после акта его больше не будет. Субъект «эк-зестирует» вне этой цепочки, но по отношению к ней. Это можно назвать антиномией субъекта.

II. Мы можем, прежде всего, представить себе эту апорию посредством топологического объекта, уже давно введенного в лакановскую теорию. Вместо того, чтобы определять субъекта, лента Мебиуса может нам его показать. Но было бы неправильно напрямую идентифицировать субъекта с лентой Мебиуса и говорить, указывая на нее: *вот* субъект. Нет, то, что нас интересует в ленте Мебиуса, — так это изменение ее способности иметь только один край если произвести надрез по медиане (так, по крайней мере, происходит если лента закручена только одним полу-скручиванием). В этот момент, то есть, когда производится закрытый сгиб (достигающий своей начальной точки), лента, строго говоря, исчезает; получается лента, которая, по сути дела, не является лентой Мебиуса.

Таким образом, недостаточно представлять субъекта в пространстве, нужен также акт разрезания, прочерчивания закрытого сгиба. Акт высказывания — того же рода, потому что означающее определяет, раскалывает субъекта надвое: оно его представляет и заставляет исчезнуть.

Перейдем ко второму способу — на этот раз логическому — рассматривать эту антиномию. Для того, чтобы это сделать, вернемся к уже давно утвердившемуся в лакановском дискурсе анализу отношений между Одним и Нолем в соответствии с отношением субъекта и означающего. Я ограни-

чусь основными пунктами этой корреляции, чтобы ответить на занимающий нас вопрос: как передать тот теоретический факт, что субъект невозможен и тем не менее поименован, и не только поименована, но и засчитан за Одного (будь то Одним больше или Одним меньше)? Каким образом такая ускользающая вещь, как субъект, может быть зафиксирована при помощи означающего?

Сближение с определением Ноля, которое дал Фреге, в данном случае показательно: это число, обладающее двумя свойствами, с одной стороны, оно обозначает концепцию невозможного объекта, не с точки зрения реальности, но с точки зрения истины, поскольку он не тождествен самому себе, а с другой стороны — по отношению к последовательности чисел — Ноль считается за один. Ноль, таким образом, определяется и как концепция невозможного, и как элемент, занимающий место в числовой последовательности. Точно так же субъект, будучи отвергнутым цепочкой означающих, тем не менее, остается представленным одним означающим и потому учитываемым элементом. Есть, таким образом, тесное сходство между субъектом и Нолем, еще более тесное и важное, если принять во внимание их общую функцию: тот и другой посредством своего особого места обеспечивают движение последовательности чисел. Так, когда мы определяем субъекта бессознательного как эффект означающего в говорящем существе, мы хотим сказать, что проход означающих через нас делает из нас константу, Ноль, нехватку, недостающее звено, которое собственно и поддерживает всю цепочку.

*

В этом месте моего выступления, прежде чем перейти к проблеме кастрации, предвосхитим вопрос, которым я хотел с вами поделиться: если любая система является означающей, если порядок — означающий, зачем вводить туда термин *субъект*? Почему Лакан стремится сохранить этот термин, поскольку в принципе все склоняет к тому, чтобы сказать, что его не существует? Потому что ясно, что с точки зрения лакановской теории есть место для существова-

ния субъекта. Если вы говорите: субъект под означающим, а потом делаете вывод, что его больше нет, вы совершаете ошибку. Субъект разделен, он, таким образом, находится и в цепочке тоже. Лакан стремился сохранить этот термин *субъект*, даже использовать его, чтобы провести границу между психоанализом и формализмом. Тогда как последний отвергает субъекта, для нас психоаналитиков субъект является материалом нашей практики.

Даже в своем отношении к Фрейду Лакан поддерживает эту необходимость субъекта. Есть очень хорошая цитата, в которой, говоря об удовлетворении желания (вы знаете, что желание удовлетворяется символом, означающим), Лакан утверждает: «Фрейд говорит нам: «желание себя удовлетворяет», тогда как я вам предлагаю: *субъект* желания удовлетворяет себя». Почему он не отступается от этого вопроса о субъекте? Если взять это зазор, этот нюанс по отношению к Фрейду, можно спросить себя, не концепция ли удовлетворения мешает ему бросить субъекта? Нужно ли упоминать субъекта, говоря о наслаждении и об удовлетворении? По моему мнению, по этому пути идти не стоит; можно даже сказать, что отношения между наслаждением и субъектом — это отношения противостояния, и даже утверждать с некоторыми оговорками, что там, где есть наслаждение, субъекта нет. Таким образом, проблематика наслаждения не может объяснить привязанности к концепции субъекта.

III. Прежде чем обратиться к тому, какие проблемы позволяет решить термин «субъект», вернемся к нашему третьему отношению, отношению между субъектом и кастрацией.

Именно в контексте кастрации мы найдем у Лакана первый ответ, вдохновленный термином *aphanisis*, позаимствованным у Джонса, на который он ссылается в большинстве своих семинаров для того, чтобы его — не без восхищения — покритиковать. В этом смысле некоторые важные концепции в лакановской теории несут на себе такой сильный отпечаток Джонса, что я сказал себе, что Лакан любит Фрейда как своего двойника, но желает он Джонса. Итак, когда

Фрейд пишет: желание удовлетворяется, он говорит: субъект желания удовлетворяется. Джонс предлагает афанисис желания. Лакано говорит: нет, это афанисис субъекта. То есть дело не в том, чтобы субъект отсутствовал в цепочке означающих, не в том, что мы не является тысячей и одним событием, которые сменяют друг друга, а в том, что субъект есть, но как бы стертый, что он «афанируется», исчезает у Другого.

Если мы обратимся к кастрации и к различию, установленному Лаканом, уже несколько лет назад, между иметь и быть, мы увидим, что эта концепция афанисиса раздваивается в зависимости от места, которое субъект занимает по отношению к означающему или к фаллическому объекту.

Я не могу здесь заниматься углубленным тезиса, которым мы занимались в другом месте. Просто спросим самих себя, что мы хотим сказать, когда употребляем хорошо известное выражение «быть оскопленным». К нему привязаны три значения. Прежде всего, человек говорящий подходит к проблеме секса двумя способами, через означающее (симптом или нет) и через фантазию; ремесленными средствами, неспособными разрешить тупиковую проблему наслаждения, понимаемого здесь как несуществование сексуальных отношений. Затем, это означает, что обращение к означающим — это принуждение и подчинение: принуждение к бесполезному повторению, поскольку замещения не происходит, оно терпит неудачу, и подчинение условию, которое организует это повторение — фаллическому означающему. Иметь фаллос означает следующее: ничего не иметь и при этом оставаться в подчинении у фаллической функции. В конечном счете это означает, что в этой работе по последовательному обновлению означающих в ходе жизни, субъект пассивно ликвидируется, «афанируется». Это одна из форм исчезновения. Другая форма, связанная с тем, чтобы быть фаллосом, зависит от совсем иного аспекта, от фантазии, в которой мы видим, как субъект исчезает, скрыввшись за фантазматическим объектом. Следует, таким образом, в самом общем виде различать два класса афанисиса, два способа больше не быть здесь (что в корне отличается от про-

сто не быть): один способ, свойственный повторению, другой — сокрытию.

Таким образом, можно без труда увидеть, что *кастрация* — это не негативная операция по удалению органа: наоборот, это работа по неуклонному размножению последующих означающих. И если что-то и страдает от лишения, так это не пенис, сам субъект. Оскопить — значит отрубить голову, поскольку чем больше означающие настаивают и повторяются, тем сильнее убывает субъект.

Если теперь мы в конце концов изменим терминологию и снова спросим, что такое кастрация, мы скажем, что это инициация, вхождение ребенка в мир ограничений с перспективой встретить наслаждение, не для того, чтобы его познать, но для того, чтобы его обозначить, ценой исчезновения. И снова мы приходим к тому же самому выводу: ребенок входит в мир и там исчезает.

*

IV. Вернемся к недавним вопросам: от какого рода препятствия освобождает нас термин «субъект»? Я предлагаю на ваш суд идею о том, что тупик, из которого выводит Ж. Лакан, — это очень старая альтернатива бытия и небытия. Ему понадобилось — в моей интерпретации — не онтологизировать субъект, не делать из него основу; говоря иными словами, не связывать его с понятием репрезентируемого. Нужно было, чтобы субъект не был только вещью, маркированной репрезентацией, что для какого-нибудь Беркли выражено в знаменитой формулировке: «быть, значит, быть воспринятым», а для нас — «субъект — это репрезентированный субъект». Таким образом, для Лакана речь идет о том, чтобы избежать этого субстрата, отождествляемого исключительно с репрезентацией. Если бы субъект был только этим, чистой репрезентацией, мы, естественно, были бы вынуждены возвести его на пьедестал как абсолютную, субстанциальную сущность. Итак, чтобы не оказаться пойманным в сети метафизики, нужно было, чтобы субъект был другим.

Лакан, таким образом, с одной стороны, сохраняет это понятие репрезентируемого, с другой стороны, чтобы оно

не превратилось в субстрат, вводит понятие субъекта, стер-того в любой цепочке вытесненных означающих. Обратное тоже верно: потребность в том, чтобы субъект полностью не исчез, объясняет обращение к понятию репрезентированного субъекта. Эта двойная сцепка, конечно же, — разделенный субъект.

Я хочу ясно высказаться по этому пункту: хитрость не столько в том, чтобы разделить субъекта — его можно было бы разделить на бытие и небытие — сколько в том, чтобы разделить его между репрезентацией и совокупностью ре-презентаций. Какой в этом интерес? Дело в том, что бла-годаря этому он разделяет субъекта на репрезентирован-не бытие и, с другой стороны, заставляя его рассыпаться на множество высказываний, множество означающих, которые упорядочиваются в цепочку. Так он сохраняет субъекта и, самое главное, сохраняет цепочку: цепочку бессознательных репрезентаций или цепочку означающих. Я еще раз настаи-ваю на том, что происходит деление субъекта не на бытие и небытие, но на Одного и Другого, на означающее, которое его представляет, и исчезновение в цепочке или, если вер-нуться к нашим буквенным обозначениям, на S1 и S2.

Итак, решение во избежание всех этих рисков разделить субъекта полностью основывается на репрезентативной функции: означающее представляет субъект для другого оз-начающего. Без этой концепции репрезентации разделение субъекта было бы немыслимо, потому что субъект оказы-вается привязан к системе репрезентаций именно посред-ством означающего.

Но вот вопрос, о котором я говорил господину Лакану, и который я предлагаю вам: не слишком ли эта якорная цепь репрезентации хрупкая, чтобы удерживать вместе два таких гетерогенных аспекта, детерминацию означающими и эф-фект исчезнувшего субъекта? Как помыслить репрезента-цию, которая может объединять детерминацию и ее отброс, причину аннулирования и то, что аннулируется? У некото-рых из нас этот вопрос может вызвать возражения, некото-рые из которых можно будет найти в этом докладе, более того, я сам их и выдвину. Однако, я предпочитаю не замал-

чивать этот вопрос и сделать его нашей путеводной нитью, так что позднее нам придется снова к нему вернуться.

Итак, исходя из этой проблематизации репрезентации как разделителя субъекта, мне представляется возможным вместо того, чтобы разделять субъекта по горизонтали, попытаться умножить его вертикально на означающие, которые образуют цепочку. То есть это будут расслоенный субъект, субъект из нескольких этажей. Эта пространственная концепция субъекта возникла у нас при изучении некоторого класса топологической поверхности, называемой поверхностью Римана¹², определенной аналитической функцией. Риман, ученый и математик 19 века, гениальным образом разрешил — в рамках теории аналитических функций с комплексной переменной — аномальный случай многозначной функции. Это случай — я только упомяну его — переменной (относящейся к комплексному числу, например квадратный корень из z), которому соответствует более одной функции. Для того, чтобы убрать препятствие неудобной иррегулярности для других исчислений (интегральное исчисление), Риман, так сказать, выходит из области собственно алгебраических функций и обращается к геометрическому пространству, а именно к воображаемому пространству. Таким образом он умножает переменную на столько значений, сколько есть функций. То есть, вместо того, чтобы пытаться сократить число функций и приписать одну функцию к одной переменной, он находит то же самое приписывание, разбивая значение переменной; одним словом, вместо того, чтобы сокращать функции он умножает переменную¹³.

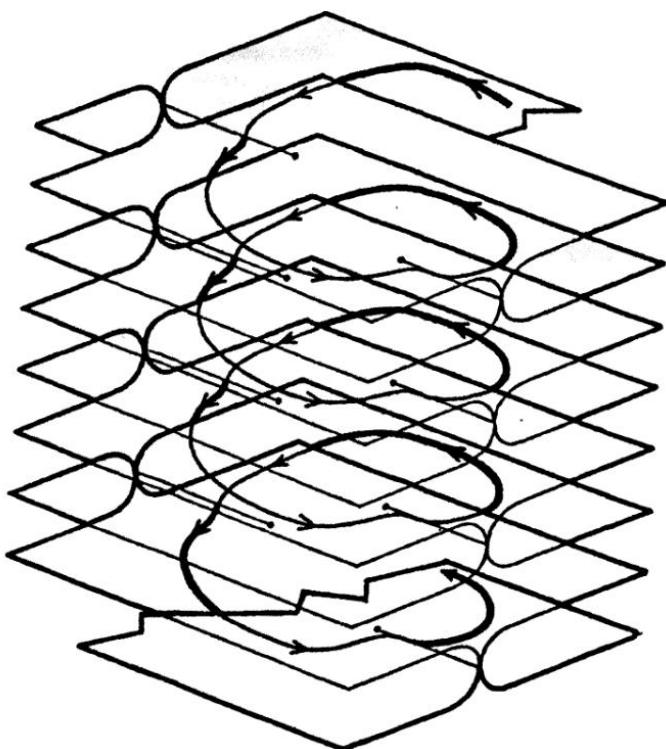
12 Поверхность Римана, или структура комплексной аналитической переменности, — один из источников, общих для теории алгебраических функций и топологии. Одно из свойств, которое может нас особенно заинтересовать при работе с топологическими объектами, введенными Лаканом, — это ориентабельность поверхности Римана. И наоборот, любая закрытая ориентабельная поверхность гомеоморфна поверхности Римана, это случай сферы, тора и тора с отверстием (с числом r отверстий). Касательно последней ремарки можно без труда навести справки в: G. Springer, *Introduction to Riemann Surfaces*, Reading, 1951.

13 Интересно заметить, что это открытие Римана находит-

Итак, это умножение, по крайней мере, в подходе Римана (который с тех пор изменился) будет иметь пространственную, топологическую опору. Оно возводит конструкцию, состоящую из наложенных друг на друга слоев, каждый из которых соответствует значению, а в совокупности они покрывают весь план комплексных чисел. Число этажей или слоев, в зависимости от типа поверхности, может достигать бесконечности. Именно эту структуру и называют поверхностью покрытия или поверхностью Римана.

Аналогия между такого рода анализом и субъектом для нас примечательна. Почему бы не предположить, что субъект претерпевает такое же прирастание, такое же наслаждение, которое Риман применил к значению переменной, а еще что, если субъект таким образом мультиплицируется в соответствии с означающими, образующими цепочку, он в конце концов с ней идентифицируется? Мы прекрасно знаем, что это означало бы освобождение субъекта от любой привязки к системе, потому что он сам становится этой системой; мы знаем также, что у этого уподобления субъекта цепочке существует имя, субъект-предположительно-знающий; мы еще знаем, как я пытался это объяснить, что нельзя путать отрижение субъекта и зависимость субъекта, что одно дело сказать, что субъекта нет, а другое — что он исчезает. Все это мы знаем. Но как правило, когда психоаналитики, такие как мы, занимаемся и теорией, и анализом, этот субъект ускользает от нас сквозь пальцы; мы рассуждаем и философствуем так, как будто термин «субъект» был всего лишь декоративной завитушкой, «джокером», удобным для теоретической игры. Все происходит так, как будто мы «субъектисты» в голове, но формалисты в сердце.

ся в тесной зависимости с его теории множеств (несущий на себе глубокий отпечаток философии Гербарта) См.: B. Russel. Fondament de geometrie, Gauthier-Villars, 1901.

Поверхность Римана аналитической функции арксинус. Среди разных поверхностей Римана эта — по бесконечному числу накладываемых слоев — лучше всего иллюстрирует наш тезис многослойного субъекта бессознательного.

Рисунок выполнен под руководством Франсуа Тангри.

Итак, когда мы предлагаем, с отсылкой к поверхности Римана, рассматриваться субъекта как расслаивающегося и исчезающего, мы пытаемся довести до предела нашу интуиции, которая упускает субъекта: точнее, мы пытаемся обратиться к этой интуиции с вопросом как к симптуму вместо того, чтобы пытаться упрямо ее корректировать. Тогда поле окажется более свободным, чтобы легко признать потребность в углубленном изучении действительного афанисиса субъекта

и одновременно, как следствие, переработать воображаемый аспект «я». Исходя из наших положений, касающихся субъекта, особенно напрашивается исследование «я» и темы интуиции¹⁴. Если субъект остается ограниченным цепочкой, как мы это предполагаем, тогда возникает необходимость сосредоточиться на инстанции воображаемого «я» и глубже проанализировать его отношения с интуицией¹⁵.

Вкратце, речь идет о том, чтобы постоянно задавать вопрос: «Что такое субъект?». Если мы снова воспользуемся нашей терминологией, при помощи которой говорили о кастрации, если вместо субъекта мы будем говорить ребенок, вместо цепочки означающих — закон отца, вместо того того, чтобы утверждать просто наслаждение, мы будем добавлять наслаждение матери, и если, наконец, мы спросим себя, кто такой этот ребенок в психоанализе, этот замечательный ребенок, о котором психоанализ столько говорит, чтобы подтвердить свои гипотезы, мы должны будем тогда ответить, что этот ребенок, этот субъект — тот, кто говорит и думает словами отца, будучи привлеченным наслаждением матери. Это ребенок, который не знает, что говорит. Этот удивительный ребенок психоанализа — это мы, существа говорящие. Мы всего лишь существа из воздуха, вестники, исчезающие между наслаждением, которое вдохновляет слова, и именем отца, которое их упорядочивает.

Концепция бессознательного знания

V. Чтобы уточнить концепцию знания в психоанализе, напомним, что точка, в которой субъект репрезентирован, — это не любое означающее. В нашей демонстрации оно отвечает двум функциям:

- это означающее, которого не хватает Другому и которого не хватает в цепочке.

¹⁴ Эта работа могла начаться со следующего вопроса: какие отношения существуют между схемой Канта и понятием фантазии у Фрейда?

¹⁵ В момент своего открытия Риман сделал по сути дела интуитивный жест в сугубо воображаемом и не алгебраическом пространстве.

- это означающее, которое представляя субъекта, окружает зияние незнания.

Вы можете указать мне на противоречие:

«Вы утверждаете, что есть не-знание, следовательно, одного означающего не хватает, а потом вы говорите, что означающее окружает зияние не-знания». Это две разные вещи: это зияние и, к тому же, оно очерчено означающим. Следовательно, субъект представлен означающим, которого не хватает в цепочке, а, во-вторых, это означающее окружает точку не-знания. Как субъект, я реализую себя там, где я не знаю.

Это не просто спекулятивный вопрос, потому что это зияние незнания примет на себя значение того, в чем никогда нельзя быть уверенным ни субъекту, ни самому знанию (я еще не определил знание). Это зияние, это пол. Пол в психоанализе не означает генитальный пол. Пол в психоаналитической теории определяется фразой «сексуальных отношений не существует», то есть нет означающего, которое могло бы обозначить пол. Тогда как субъект, наоборот, может быть обозначен. Пол — то, о чем не знают. И именно в этот момент, когда он упирается в пол, о котором он не знает, субъект и конституируется.

Теперь у нас могут спросить:

«Вы только что сказали, что субъект — это Ноль, нехватка, которая поддерживает цепочку; что последовательность означающих обрывается на субъекте-Ноле, отмеченном означающим, или, если вы думаете о числовой последовательности, — числом. И вот теперь вы вводите еще один термин, пол, который вы тоже определяете как зияние. Остается узнатъ, какая связь между субъектом как нехваткой и полом как незнаемым».

Разумеется, есть разные способы обращаться с этим «камнем», которая еще не раз окажется у нас на пути — связью между разными нехватками. Один возможный подход — рассматривать пол как то, что создает зазор между одной и другой половиной субъекта, то есть считать, что разделенный субъект раздираем сексуальным зиянием. Еще один способ — сказать, что пол — отождествляемый с причиной желания — отличается от Ноль-субъекта. По-моему мне-

нию, это хорошо известный прием определять пол по точке в цепочке означающих, в которой нет означающего, как зияние. Оставленное означающим, выпавшем из цепочки, там, где субъект самоучреждается.

Но я хотел бы сделать одно замечание на сей счет. Точно так же, как я сейчас говорил, что субъект образуется в области Другого, нужно помнить, что субъект образуется в сфере Другого там, где есть нехватка означающего, то есть там где он снова упирается в пол.

Сейчас подходящий случай ввести вопрос о знании. Но для этого мне необходимо сначала остановиться на понятии забывания. Предлагаю гипотезу: понятие знания возникает как обратная сторона не-знания. Заметим, что этот механизм переворачивания, лежащий у истоков термина «знание», Лакан представляет при помощи бутылка Кляйна. Одна из форм этого «не-знания» — на самом деле и есть забывание. Что такое забывание? Зияние, но не зияние воспоминания. Это не означает забыть сцену, смысл, образ; забывание — это не воспоминание, которое не приходит. Забывание, согласно Фрейду, — это отсутствие означающего, то есть исчезновение каких-то минимальных элементов, например, фонем.

С забыванием я более точно изложу идею, о которой уже высказывался выше. Забывание, будучи отсутствием означающего, само по себе является означающим. Речь идет об отсутствии, почти что позитивном, подчеркнутом, маркированном означающем Тем не менее, нужно отметить некоторые нюансы: можно сказать, что это отсутствие означающего — либо зияние, маркированное означающим (и тем самым оно становится означающим зиянием), либо отсутствие означающего, потому что означающие придут на место зияния, претендую на то, чтобы стать заменой исчезнувшего означающего.

Напомним здесь еще одно определение означающего: означающее — то, что поддается стиранию. Означающее — то, что исчезает, то, что можно стереть, заменить чем-то другим. Здесь, мне кажется, можно провести аналогию с понятием следа, стирания, которое, наверняка, знакомо некоторо-

рым из вас. Обратимся к аллегории следа и его стирания. След, оставленный ногой Пятницы, стерся; можно сказать, что этот след, будучи раз стертym, становится означающим. Но внимание, он не становится означающим, потому что он стерт, а потому что я пометил крестиком место, где он был стерт, или потому что, стирая его, я оставляю мой собственный след. В действительности, различаются три момента: след, стирание следа и отметка стирания. Именно от этой последней степени и рождается означающее и возникает субъект. Субъект возникает одновременно с этим двойным стиранием. В случае забывания важно увидеть, что есть стирание означающего, однако это стирание, это отсутствие, это ускользнувшее означающее стало объектом замещения. На его место придет другое означающее. Что происходит с означающим, которое ускользнуло? Куда оно устремляется? Оно не исчезает, оно конденсируется вместе с означающим, которое приходит ему на замену; в этом и заключается механизм метафоры: замена и конденсация.

Зияние забывания, таким образом, образует Одно: Одно зияния, Одно нехватки, Одно разрыва, Одно, куда придет субъект; именно там мы себя и производим.

Нужно добавить, что эта конденсация, это стирание означающим другого означающего, которое исчезает, производит новое означающее, которое я в другом месте назвал *метафорическим означающим*, то есть лишним означающим, Одним больше. Вот почему происходит не только работа по замещению, но работа по замещению и конденсации.

Этот Один зияния, Один нехватки, будучи Одним, устанавливает связь со всеми другими означающими. Я хочу сказать, перефразируя знаменитую формулировку: «Означающее представляет субъекта для других означающих», что этот Один нехватки адресуется, обращается к другому означающему. К «другому» в единственном числе или к «другим» во множественном числе? На этот счет в текстах Лакана нет однозначного ответа. Я вам предлагаю считать, что другое означающее — это заместитель всей цепочки, или же поставить его в первом ряду последовательности. В отличии от S1, Один зияния, S2, обозначает совсем другие означаю-

щие. Цель моей демонстрации — заявить, что Один забывания тоже себя забывает. Забывание — это один, Один зияния, Один нехватки. Зачем мыслить его в качестве Одного? Потому что он связан с другими, с будущим забыванием и с прошлым забыванием: этот Один забывания в свою очередь исчезнет, уступив место следующему Одному, другим означающим, которые придут ему на смену.

Вот почему забывание — это не провал в памяти, но скорее фрейдовская память как провал. Объяснимся: цепочка смешивается с зиянием, как будто бы все означающие — одно единственное зияние. Потому что где эта цепочка? Откуда мы берем гипотезу о том, что все остальные означающие образуют цепочку? Почему мы предполагаем, что эти другие означающие упорядочиваются следующим образом? Выше я говорил, что означающие не узнать, но означающие в их совокупности являются знанием, образуют знание, знают. Что они знают? Зачем говорить, что цепочка — это знание? Точно так же, как Джонс вдохновил Лакана на термин «афанисис», Ньютон со своим знаменитым вопросом послужил вдохновением для его понятия о бессознательном знании: как происходит, что тело, масса тела связана с другим телом, другой массой таким образом, что они друг друга не разрушают и не отдаляются друг от друга, но поддерживают связь и сохраняют правильную дистанцию?

Мы можем задать тот же самый вопрос по поводу означающих: откуда они знают, на каком расстоянии друг от друга расположиться? Откуда их умение образовывать цепочку? Откуда они знают, как упорядочиваться? Одно означающее умеет отсылать к другому означающему, чтобы иметь возможность означивать. Что означивать? Субъекта. Но почему они умеют отсылать одно к другому? Означающее — это то, что представляет субъекта для других означающих. Ключ этой формулировки, в виду статуса знания, находится именно в этом «для», где начинается и лежит знание. Короче говоря, каким образом означающие умеют поддерживать это для?

Наконец, этот ньютоновский вопрос — каким образом возможен закон о тяготении? Открывает путь к Богу. Какому? Богу Ньютона! Который не тот Бог, что у Декарта. Бог

Ньютона — это бог-архитектор, а не бог-гарант вечных истин. Это означает, что аппарат, созданный этим ньютоновским богом, может работать не очень хорошо. Он, может, не всегда все знает. Это следует подчеркнуть, потому что знание, о котором я говорил, это означающее знание, на самом деле, не является идеальным знанием; означающие упорядочиваются в зависимости от точки, в которой они больше не знают. Я бы даже сказал: знание упорядочивается, исходя из не-знания. Иначе говоря, означающее упорядочиваются разумным образом, но исходя из точки упора, воплощенной, например, Случаем, Реальным, как будто знание означающих состоит в том, чтобы знать, как ... потерпеть неудачу. Бог Ньютона интересует нас в этом отношении, потому что он учитывает порядок, который не всегда функционирует. На мой взгляд, концепция бессознательного как знания серьезно зависит от этого ньютоновского вопроса, равно как и от бога, которого он создает.

В завершение добавим, что, если вы предположите субъекта, о котором я говорил выше, растворенного в цепочке, афанированного, если вы заставите его жить как знание, поднимите его на пьедестал, вы получите субъекта-предположительно-знающего. Тогда как этот субъект знания, субъект-предположительно-знающий — это субъект, живущий в основе знания, в знании. Что мне кажется особенно важным, так это то, что этот способ мыслить отношения знания и субъекта ставит проблему применения этой концепции, субъекта-предположительно-знающего, к анализу, не с точки зрения того, имеет он знание или не имеет, а скорее с точки зрения того, *есть ли он сам знание или нет*. Одним словом, характеризовать психоанализа как субъекта-предположительно-знающего означает не приписывать ему какое-то большее знание, но предполагать, что он и *есть* бессознательное знание.

Примечания

1. Концепции «кастрации» и «фаллоса» разрабатывались в моей книге: *Enseignement de 7 concepts crucieux de la psychanalyse*, Rivages, 1988.
2. J. Lacan, *Télévision*, Seuil, 1974, p.34 et 35.
3. J. Lacan, *Le Séminaire*, livre XX, *Encore*, Seuil, 1975, p.95.
4. G. Cantor, “Fondements d'une théorie générale des ensembles”, in *Cahiers pour l'Analyse*, Seuil, 1969, p. 35-52.
5. J.-D. Nasio, *La Douleur en psychanalyse*, séminaire inédit, 1984; *L'Hallucination et la douleur inconsciente*, séminaire inédit, 1985.
6. *Télévision*, op. cit., p. 26.
7. *Scilicet 6/7*, Seuil, 1976, p. 25.
8. Разница между высказываниями и говорением рассматривалась Лаканов в тексте, который я особенно рекомендую вам для прочтения: речь идет о «L'Étourdit», опубликованном в *Scilicet 4*, Seuil, 1973, p. 5-52.
9. Уточним, что понятие экзистенции также используется Лаканом для указания на эксцентрическое место, в котором он располагает субъекта бессознательного. Мы используем тот же самый термин «экзистенции» в близком смысле, когда определяем место *Одного*, поскольку *Один* — это означающее, которое как раз и репрезентирует субъекта. В нашем изложении мы подчеркиваем другой смысл слова экзистенция, когда говорим, что *Один* заставляет существовать множество.
10. Мы разбирали связь лакановской теории означающего и аксиоматики Пеано в: *Les Yeux de Laure. Le concept d'objet a dans la théorie de J. Lacan*, Aubier, 1987.
11. Читатель может обратиться к моей статье, посвященной выздоровлению: «La guérison: la point de vue lacanien», in *Esquisses psychanalitiques*, n 15, 1991.
12. Вы найдете превосходное описание этого искусства в уже ставшем классическом произведении французского музыковеда Мориса Эмманюэля *La Danse grecque antique*, Hachette, 1986.
13. *Les Yeux de Laure. Le concept d'objet a dans la théorie de J. Lacan*, op. cit.
14. Читатель может провести аналогию между этим тезисом о том, что нет зияния без энергии, которая дает жизнь и заставляет трепетать края, и разработками Лакана, касающимися теоремы Стокса. См. *Écrits*, Seuil, 1966, p. 847, примечание. По поводу теоремы Стокса можно обратиться к превосходной работе: E. M. Purcell, *Berkeley: cours de physique*, vol. 2, Armand Colin, 1982, p. 66.
15. Отметим здесь, насколько это символическое условие производства объекта *a*, представленное щелью, сближается с понятием «края сингулярности», предложенном Рене Томом в ра-

- боте «Структурная и морфогенетическая стабильность». Наш рисунок 4, представляющий щель («край сингулярности»), был позаимствован из: «René Thom expliqué par lui-même», in *Pistes*, n 1, 1989, p. 48.
16. *Écrits*, op. cit., p. 848.
 17. *Résultats, idées, problèmes*, II, P.U.F., 1985, p. 287.
 18. Читатель, желающий углубить знания этой темы, может обратиться к моему тексту «Penser l'objet *a* avec le cross-cap», в: *Les Yeux de Laure. Le concept d'objet *a* dans la théorie de J. Lacan*, op.cit., p. 193-216.
 19. “Radiophonie”, in *Scilicet* 2/3, Seuil, 1970, p. 65.
 20. “Le trouble psychogène de la vision”, in *Névrose, psychose, perversion*, P.U.F., 1978, p. 173.
 21. *Psychopathologie de la vie quotidienne*, Payot, 1984, p. 276.

Содержание

Урок 1. Две основные концепции: бессознательное и наслаждение.....	7
Первый принцип: «Бессознательное структурировано как язык».	
Аналитический опыт. — Три характеристики симптома. — Психоаналитик является частью симптома. — Субъект, предположительно знающий. — Симптом — это знак, а также означающее. — Симптом — это вопрошающее страдание. — Что такое означающее? — Три свойства означающего. — Повторение означающих. — Бессознательное — это знание. — Аналитик и пациент включены в одно и то же бессознательное.	
Второй принцип: «Сексуальных отношений не существует».	
Психоаналитическое значение слова «наслаждение». — Три судьбы психической энергии у Фрейда. — Три категории наслаждения у Лакана: фаллическое наслаждение, прибивочное наслаждение и наслаждение Другого. — Инцестуальную сексуальную связь не может осуществить субъект, ее невозможно вписать в бессознательное и невозможно записать при помощи теории. — Означающие не обозначают наслаждение, а локализуют его. — Фаллос и наслаждение. — Для Лакана наслаждение — это не энергия. — Гипотеза: наслаждение — это энергия бессознательного. — Наслаждение — это зияние в бессознательном. — Отказ наслаждаться. — Желание: защита от наслаждения. — Язык лишает желание удовлетворения. — Удовольствие и наслаждение. — Ощущение наслаждения. — Действие, выражение наслаждения. — Время, удовольствие и наслаждение. — Наслаждение первверта. — Наслаждение в терапии. — Лакановская концепция наслаждения в свете фрейдовской концепции энергии.	
Урок 2. Бессознательное.....	43
Когда можно говорить о том, что бессознательное существует?	
Уникальное бессознательное производится в лоне переноса. — Бессознательное — это имя.	
Бессознательное проявляется в языке	
Бессознательное — знание, проявляющееся в материнской части языка.	
— Языки — это язык, связанный с телом и нагруженный смыслом.	
Бессознательное — это актуализирующаяся структура	
Три критерия для определения структуры. — Движение структуры: лакановское понятие «автоматизма повторения». — Место Одного и место цепочки. — Формальная матрица структуры: существование, единство, зияние и субъект. — Двигатель структуры: зияние. — Синтез взглядов на бессознательное. — Лакан формализирует отношения Одного и множества. — Пара означающих S1/S2. — Концепции, импортированные Лаканом: аксиоматика Пеано, логика Фреге, гипотезы Кантора, теория узлов, топология, общая лингвистика.	
Бессознательное — это перемещение означающего между пациентом и аналитиком	
Пример пациента с фобией. — Означающее лишено смысла, но действует на фоне смысла. — Означающее никогда не бывает одно, но соединено	

с другими. — Повторение у аналитика симптомов пациента. — Внутри и снаружи психоанализа. — Метаязыка не существует.

Субъект бессознательного

Психоанализ и наука: без субъекта нет означающего. — Рождение субъекта бессознательного.

Урок 3. Концепция объекта а 76

Терапевтическая цель психоанализа

Изгнание. — Встретить Оно вне нас самих. — Выздоровление — побочный эффект лечения. — видимость психоанализа: изображать забывание. — Женственность психоанализа.

Объект а

Объект а, сконструированный Лаканом.

Проблема другого

Другой — это образ. — Другой — это наслаждающаяся часть моего тела (фантазия). — Другой — это черта.

Формальный статус объекта а

Объект а гетерогенен множеству означающих. — Объект а — это зияние, причина множества означающих. — Что такое зияние? — Психическая репрезентация зияния. — Вытеснение зияния и инвестирование выступа. — Что такое эрогенное отверстие тела? — Объект а — это постоянный поток наслаждения.

«Телесный» статус объекта а

Пять разновидностей телесных репрезентаций объекта а: плацента, грудь, экскременты, взгляд, голос. — Три условия производства объекта а: выступ (воображаемое условие), границы отверстий (первое символическое условие), слово, которое разделяет (второе символическое условие).

Грудь как объект а

Означающий надрез крика. — Галлюцинируемая грудь: объект желания. — Символическое отнятие от груди. — Анорексия. — Объект а никому не принадлежит. — Неудовлетворенное требование и неудовлетворенное желание. — Объект желания у ребенка замещается невозможным объектом инцеста. — Символическое условие: слово, которое разделяет. — Ребенок — это галлюцинируемая грудь (фантазия). — Четыре такта отношений субъекта с грудью: быть грудью или иметь грудь.

Резюме об объекте а в шести постулатах с точки зрения триады потребность, требование, желание

Фантазия, понимаемая как идентификация субъекта с галлюцинируемым объектом желания. — Объект а — это зияние (прибавочное наслаждение).

Урок 4 Фантазия 105

Неотъемлемое качество психоанализа

Манера пациента говорить. — Манера психоаналитика занимать свое место.

Клиника фантазии

Как узнать и реконструировать бессознательную фантазию в ходе терапии? Практические ориентиры. — Формальная логика фантазии: идентификация субъекта с объектом, который он теряет. — Три формации объекта а: фантазия, галлюцинация, сновидение. — Синтез взглядов на объект а.

Тело, очаг наслаждения

Тело — это место наслаждения. — Наслаждение — это чрезмерное напряжение. — Пример вуайериста: прибавочное наслаждение и наслаждение Другого. — Пример танцора; нет наслаждения, кроме наслаждения частичного тела. — Наслаждение при суициде. — В реальных сексуальных отношениях партнер всегда является частичным объектом.

Урок 5 Тело.....126

Присутствие теории в слушании. — Сексуальное тело, символическое тело и воображаемое тело. — Нет означающих сексуальных отношений. — Частичное наслаждение и органическое тело разделены. — Частичное тело выводится из вымысла о тотальном теле. Массивное присутствие реального тела в терапии. Формации объекта *a*. — Клинический пример: опухоль на глазу. — Перед наслаждающейся формацией объекта *a* аналитик реанимирует смысл. — Три разных положения психоаналитика: быть телом (прибавочное наслаждение), быть господином (S1) и быть слушанием (S2). — Различие между формациями бессознательного и формациями объекта *a*. Их клиническое выражение.

Выступление Концепция субъекта бессознательного.....148

Отношения субъекта к бессознательному знанию

Что такое означающее? — Теория древнегреческих скептиков о концепции репрезентация. — Место «я». — Субъект колебляется между означающим, которое его представляет (S1) и цепочкой, в которой он растворяется (S2). — Театр Пиранделло. — Боль существования. — Эк-истенция субъекта

Отношение субъекта к логике

Топологическая презентация колебания субъекта. — Логическая презентация того же колебания: теория Фреге.

Отношение субъекта к кастрации

Афанисис желания (Джонс) и афанисис субъекта (Лакан). — Три ответа на вопрос: «Что такое быть оскопленным?». — Концепция фаллоса. — Кастрация — это не негативная операция, а созидательный акт.

Наши тезис о расслоенном субъекте бессознательного

Поверхность Римана. — Кто такой субъект?

Концепция бессознательного знания

Связывание означающих. — Аллегория следа и его стирания для того, чтобы проиллюстрировать рождение означающего. — Означающие «знают», как соединяться между собой. — Концепция субъекта, предположительно знающего.

Научное издание

Хуан-Давид Назио

Пять уроков по теории Жака Лакана

Сдано в набор 20.11.2014. Подписано в печать 21.11.2014
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Заказ №

ООО Издательство
«Институт Общегуманистических Исследований»
119071, Москва, Ленинский проспект, д.18

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ГУП ППП «Типография «Наука»»
121099, Москва, Шубинский переулок, 6